

Н. ПЕНТРЕ

Материал
ДЛЯ
Чтения

X КЛ.

XIV
1А-20134

Н. ПЕНТРЕ

МАТЕРИАЛ
ДЛЯ
ЧТЕНИЯ

ДЛЯ X КЛАССА

УЧЕБНИК

ЭСТОНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАЛЛИН 1963

4Р
П 25

Обложка Л. Круусмаа.

Утверждён Министерством просвещения
Эстонской ССР.

ARHIIVKOGU

ПОВЕСТЬ О ПУШКИНЕ.

По В. Воеводину.

Я помню море пред грозю:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередю
С любовью лечь к её ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!..

(«Евгений Онегин», глава I, XXXIII.)

Как удивительна жизнь! Пушкин ехал на юг, с отчаянием в душе, на тоску, на прозябание, а жизнь приготовила ему на первых порах сущий праздник. Обиды недавних дней скоро утратили свою горечь.

Приднепровский городок, Екатеринослав, весь в садах, весь из выбеленной глины. Пыль, духота, убогие корчмы. Такой центр всего южного края.

Только и было отрадой любоваться величественным бегом Днепра, кострами, разожжёнными на плывущих плотях, да три-четыре раза на день барахтаться в ещё холодной весенней воде.

Лихорадка — петербургское наследство — не замедлила напомнить о себе после этих купаний.

И вот — «Мандрыковка», слободка над Днестром, в которой Пушкин снял себе глиняный нищий домик, и он лежит в жару и в бреду на грубом, из досок сколоченном диване, и никого нет около него, кроме Никиты. Да недописанные стихи на столе, да кувшин прохладительного питья с ломтями лимона — всего и лекарств. Неплохо для начала захватить злейшую горячку, ни

отчаяние — meeleheide
прозябание — kiratsemine
на первых порах — esialgu
сущий (настоящий) — tõeline
обида — solvang
утрачивать (терять) — kaotama
утратить *
горечь — kibedus
(вы)белить — valgeks tegema
духота — leitsak
убогий (бедный) — armetu
корчма — kõrts

отрада (радость) — rõõm
(раз)жечь — süütama
плот — parv
(по)барахтаться — rabelema
лихорадка — külmõbi, palavik
наследство — pärand
бред — sonimine
прохладительное питьё — karastav
jook
ломоть — lõik, tükk
горячка — лихорадка

на что не надеяться, ничего не ждаты, как вдруг распахивается дверь и на пороге товарищ — Николай Раевский. Раевский, какими судьбами? Вот случай! . . . Но то был вовсе не случай. Товарищ ехал с отцом и младшими сёстрами на Кавказ, на Горячие воды, и ещё в Петербурге в кругу их общих друзей было решено, что он разыщет Пушкина по пути. И сразу же появился лекарь; жар на ночь спал: утром больной был уже на ногах, осунувшийся, небритый — и счастливый . . .

Дальше ехали вместе через степь в двух каретах и в коляске: сам генерал Раевский — «слава наших дней», Николай, его сын, две младших дочери, Мария и София, с няньками и с английской мисс, да слуги. Лихорадка не проходила. Полуденная степь дышала зноем, как печка, а его трясло, знобило; генерал посадил его в свою карету. Впрочем, сухой степной воздух и хинные порошки сделали своё дело, через неделю он в самом деле был здоров. И всё, что было дальше, пока он не разлучался с этой семьёй, было счастьем.

Прежде всего — сам генерал, Раевский-старший. Как не любить людей, когда на свете существуют такие люди, как этот пятидесятилетний воин, прямодушный, исполненный достоинства, сочетавший в себе ясный ум с такой нравственной красотой, которая даже врагов России заставляла смотреть на него с восхищением! Сам Наполеон говорил о Раевском, что он создан из того материала, из которого делаются маршалы. Он, славный в народе герой, отказался принять графский титул, которым хотел его пожаловать царь, с него было достаточно собственной чести!

Мария . . . Ей было тогда пятнадцать лет. Смуглая, с чуть вздёрнутым носом, пожалуй даже некрасивая собой подросток-девочка, живость которой ещё подчёркивала неразлучная с ней и тощая, как подобает английской гувернантке, мисс Мятен. Мария первой увидела море, это было где-то близ Мариуполя. Она выскочила из кареты, бросилась бежать через степь, не замечая того, что Пушкин последовал за нею.

Море голубело под солнцем. Далёко-далёко по горизонту громоздились над ним иссиня-чёрные грозовые тучи; было

распахиваться (открываться) — avapema
 распахнуться*
 лекарь — врач
 жар спал (температура спала) — palavik langes
 осунувшийся (похудевший) — kõhnunud
 зной (жара) — kuumus
 его знобило (лихорадило) — tal oli palavik
 прямодушный — otsekohene

достоинство — väärtus
 сочетать что? с чем? — kooskõlastama
 нравственный — vooruslik
 восхищение — vaimustus
 титул — tiitel, seisus
 смуглый — tõmmu
 вздёрнутый нос — põbinina
 подросток — nooruk
 неразлучный — lahutamatu
 тощая — kõhn
 (на)громоздиться — kuhjuma

душно, в степи всё живое притаилось и приумолкло, ветер упал, только волны шумели и пенились. И смуглая девочка играла с ними, то устремлялась к ним, то с хохотом убежала от догнавшей её волны, вся в брызгах, искрившихся на её курчавых волосах, стройная и гибкая в каждом своём движении.

А он стоял поодаль и вдруг у него даже дыханье стеснилось, всё его существо наполнил восторг. Он не замечал ни этой предгрозово́й тишины, ни этих угрюмых туч, которые вырастали в полнеба, тесня и обгоняя друг друга. Только и было в ту минуту что беспредельный простор, солнце, запах морских трав, выброшенных на берег волной, да девочка, играющая с волнами, которые ласкались к её ногам.

Это было видение, остановившееся раз навсегда и с годами ставшее ещё отчётливее. Нежность и грусть будит оно в душе. Но пока их кареты всё дальше и дальше катились на юг степными дорогами, разве можно было грустить? Всё было новым, каждый день путешествия: природа, селения, людской обычай, и всё это была Россия, умом непостижимая в своей необъятности и многообразии.

Три недели счастья! Иначе как счастьем не назвать эту свободную, беспечную жизнь среди цветущей природы, в кругу милого семейства, с таким радушием приютившего изгнанника. В своей семье никогда он не знал прелести этих любовных отношений, которые связывали между собой всех членов семьи Раевских, они были незнакомы для него. Старшие дочери генерала, Екатерина и Елена, были совершеннейшие красавицы, однако Мария, смуглый подросток, не теряла своего очарования и рядом с красавицами сёстрами. Жизнь в самом деле текла беспечально, дни проходили в блаженном безделье: купался в море, съедал винограду без счёту. Проснувшись среди ночи, вновь и вновь с наслаждением вслушивался в голоса прибоя. Поутру выходил в сад. Всё так влекло к себе в этом благословенном краю, в этой славной семье, что даже старый кипарис в саду казался приятелем, который всякий раз желал ему доброго утра, склоняя навстречу свою острую вершину.

(при)тайться — end varjama
 (за)пéниться — vahutama
 устремляться к кому? к чему? —
 sööstma
 устремиться*
 брызги — piisad
 (за)искриться — kiirgama, särama
 курчавый (кудрявый) — lokkis
 стройный — sale
 гибкий — paindlik
 дыханье стеснилось — hing jäi kinni
 восторг (восхищение) — vaimustus
 (по)теснить — pigistama, suruma

беспредельный (безграничный) —
 piiritu
 видение — nägemus
 отчётливый — selge
 непостижимый умом — mõistmatu
 многообразие — mitmekesisus
 беспечный (беззаботный) — muretu
 радушие — külalislakhus
 изгнанник — pagulane, väljasaadetu
 очарование — võlu
 прибой — (mere)tõus
 благословенный — õnnistatud
 кипарис — küpress
 вершина — latv

Однако безделье было мнимым, с книгами он не расставался. Николай вместе с сёстрами обучал его английскому языку. Мятёжный гений англичанина Байрона (которого он мог теперь читать в подлиннике) приводил его в трепет.

Подходила пора проститься с чудесным семейством, с которым он был так счастлив. Он всё-таки был не вольный гость в этих краях — путешественник и поэт, а всего лишь чиновник иностранной коллегии, гостивший здесь с разрешения добряка начальника Инзова.

*

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединённый,
Печальным снегом занесённый,
Твой колокольчик огласил.

(«И. И. Пущину».)

Шёл пятый год его ссылки. Эти годы обид, унижений, подчас нужды, не были потеряны и для счастья. Быть счастливым — талант, а этим талантом Пушкин обладал в избытке. Надо только очень любить людей и всё самое человеческое в них. Счастье только с людьми и только в людях, а люди были с ним и в скитаниях. С ним в его мыслях был Раевский, герой, человек, вся жизнь которого — одно высокое служение отчизне. С ним был майор Владимир Раевский, молодой офицер, ум, сердце и воля которого в согласном движении устремлялись к великим целям политического преобразования России. С ним, пусть мимоходом, была Мария, подросток-девушка, так и лучившаяся молодостью, резвостью, красотой своей ещё не раскрывшейся души. Наконец Инзов, добряк, который сажал его порой под арест и сам же приходил к нему развлекать разговорами про испанскую революцию, — все они были возле него, к ним он тянулся мысленно в своём теперешнем одиночестве.

Он всё реже и реже выходил из дому. Стихи не удавались. Уже не осенний дождик, а зимняя вьюга шумела по крыше,

мнимый — ettekujutatav; näiline
мятёжный (свободолюбивый) —
mässuline
подлинник — algteos
приводил его в трепет — pani teda
väriseма
пора — время
вольный — свободный
с разрешения, с позволения — loal
унижение — alandamine
нужда — puudus

в избытке — külluses
скитание — gännak
отчизна — родина
преобразование — ümberkujundamine
мимоходом (временно) — lühiajaliselt
излучать(ся) — kiirgama
излучить*
резвость (живость) — elavus
развлекать кем? — meelt lahutama
развлечь*

стучала в окно, точно путник на огонёк. От брата из Петербурга он требовал рому, горчицы, чего-нибудь в уксусе и книг, книг, как можно больше книг. Не пустячных романов, предназначенных коротать время, но исторических сочинений, свидетельств современников о мировых событиях. И слушал нянины сказки и со старушкой вдвоём запивал печаль наливкой домашнего приготовления.

И никто не ждал к себе. Сто вёрст сугробов от Михайловского до Пскова, триста — до Петербурга...

Уже рассвело, и девушки в няниной комнате уже сидели за пядьцами, однако Пушкин не спешил ещё вставать с постели, лежал, по обыкновению придвинув к себе чернильницу и бумагу. Долгий день предстоял ему, хорошо, если занятый. И вот тогда-то послышался колокольчик. Звук его приближался, кони неслись во весь опор; сквозь запорошённое снегом окно послышался крик: «Стой, стой!», и упряжка с разгона влетела в ворота. В чём был, в одной ночной сорочке, открывавшей его босые ноги, он выскочил на крыльцо. Кто-то в заиндевёлой шубе поднялся из застрявших в сугробе саней, он узнал это лицо, ничего не сказал, только медленно-медленно поднял руки. А потом его схватили в охапку и уволокли в дом.

Пушин прижимал его к своей мёрзлой шубе, морозный пар валом валил со двора в коридор, а он не чувствовал холода. Пушин целовал его, всматривался в его изменившиеся за пять лет разлуки черты; оба не находили слов, слёзы стояли у обоих на глазах. Выбежала няня и поначалу ничего не могла понять — кто этот гость и почему Александр Сергеевич выскочил на мороз чуть не нагишом, потом поняла только то, что в доме неожиданная радость и бросилась сама обнимать гостя.

Потом они сидели рядом, попыхивая трубками, и всё ещё всматривались друг в друга. Прежняя резвость сквозила в Пушкине: движения, несравнимый его смех — всё было прежнее, однако гость видел: Александр уже не тот, что пять лет назад. Взгляд стал строже, серьёзней, в нём чувствовалась какая-то скрытая перемена.

Беседа, немислимая в первые минуты свидания, наконец

путник — rändur
ром — rumm
горчица — sinep
уксус — äädikas
пустячный — tühine
коротать время — проводить время
сугроб — lumehang
рассвело — valgenes
пядьцы — väljaõblemisraam
во весь опор — tuhatnelja
(за)порошить (занести) — kinni tuis-
kama

с разгона — joqsu pealt
сорочка — рубашка
заиндевёлый — härmatanud
застревать — kinni jääma
застряť *
в охапку — kaenlasse
уволокивать — ära tirima, rebima
уволочь *
валом валиť — pilvena tulvama
нагишом — paljalt
несравнимый — võrratu
скрытый — varjatud

завязáлась. Пушкин говорил о себе, о том, что труд — единственное, что помогает ему сносить тяжесть нынешнего его существования.

Заговорили о том, что у каждого из них лежáло на сердце, — о России. Были сказаны заветные слова: т а й н о е о б щ е с т в о .

Еще в Петербурге, по выходе из лицéя, Пушкин вступил в «Союз благодéнствия» — тайное политическое общество, поставившее своей целью широкое государственное преобразование России. Другу он не открылся тогда, несмотря на все его домогательства. Теперь скрывать свою принадлежность к политическому заговóру не было смысла.

— Не я один, — сказал Пушкин, — поступил в это новое служéние отечеству.

Пушкин вскочил в волнении: завеса, годами скрывáвшая от него истинный характер деятельности его друзей, наконец приподнялась. Он хотел знать всё: кто они? В чём их цели? Как далеко они зашли в своём подкóпе под самодержáвную власть? Но ведь правительство подозревает их. Он вскрикнул:

— Верно, всё это в связи с майóром Раевским, которого пятый год держат в Тира́польской крепости и ничего не могут выпытать!

Но Пушкин молчал. Он видел, как меркнут прекрасные глаза друга, как недоумéние сменяется в них болью, и всё-таки молчал. Вот он отворачивается от него.

— Я не заставляю тебя говорить, любезный Пушкин, — тихо говорит он. — Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверéя не стою по многим моим глупостям.

И опять Пушкин промолчал. Нет, не недостаток доверéя связывает его молчанием, — кто мог не верить Пушкину! — но разные были у них жизненные пути. Светлой судьбы он желал поэту, хотел сберечь его поэтический гений. Себе же брал тяжкий труд — тайно, упóрно, в постоянной опасности для жизни готовить России иное будущее.

Вот почему в ответ он лишь молча поцеловал друга, и тот, как бы поняв его, уж больше не спрашивал ни о чём. Обнявшись, они ходили по комнате, каждый погружён в свои мысли. Но подали обед, и оба снова развеселились. У Пушкина в санях были припасены три бутылки шампа́нского, хлопнула пробка, одна, другая, чокнулись за Русь, за лицéя, за друзей, которых не было с ними, наконец за неё — за свободу! Няню тоже потчевали шампа́нским.

беседа завязáлась — jutt hakkas so-
bima

заветный — самый дорогой

домогательство — pealekáimine

завеса — eesriie

подкóп — õonestamine

(вы)пытать — vólja uurima

(по)меркнуть (гаснуть) — kustuma
доверéе — usaldus

погружаться (в мысли) — sukelduma

погрузиться*

чокаться — klaase kokku lööma

чокнуться*

(по)потчевать — kostitama

Потом, когда убрали со стола, оказалось, что Пушкин запялся для встречи не только шипучим. Питомец «лицейской республики», он знал, что такое истинный пир. С ним была рукопись новой комедии Грибоедова. Пушкин привёз рукопись тому, кто, как никто другой, мог оценить и глубочайшую правду, и поэтичность комедии.

Пушкин раскрыл «Горе от ума». Он читал вслух, особую прелесть приобретали в его чтении лёгкие грибоедовские стихи, живые, выведенные в комедии лица. Он хохотал, радуясь каждому острому слову, и улыбался гость, смеялась няня, присевшая в сторонке с неизменным чулком и спицами в руках, а в печке потрескивали сухие дрова, и когда совсем смерклось, ровным светом затеплились свечи. Свобода, за которую они пили, не называя её по имени, таинственная она была с ними. Как вдруг за окном опять послышался скрип полбзьев, кто-то подъезжал к крыльцу. Пушкин даже не успел спросить — кто это, как «Горе от ума» исчезло из рук его друга и на столе оказались раскрытые жития святых.

Но уже поздно было и спрашивать, в двери вошёл низкопробный, рыжеватый монах и сразу же сам представился новому лицу: это был настоятель соседнего Святогорского монастыря.

Монах хитрил, рассказывая, что, прослышав о приезде господина Пушкина, подумал, не его ли знакомец из Великолукского уезда? Пушкин велел подать чаю и рому, который монаху, по-видимому, был очень по вкусу. Вскоре он распрощался.

Жалко было смотреть на поэта. Куда девалось всё его оживление?

— Перестань, любезный друг, — сказал он, когда Пушкин выразил ему свою досаду, что накликал ему нежданного гостя.

— Ведь он без того бывает у меня, я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре!

Стало быть, он был несвободен и в четырёх своих стенах! Но едва посетитель ушёл, жития святых исчезли со стола и вновь появилась на свет рукопись вольной комедии. Уже совсем стало темно, они всё продолжали чтение и споры. Из нежилой половины дома потянуло угаром, это няня ради гостя распорядилась затопить печи. Пушкин очень рассердился на неё. Из экономии в дровах держать дом нетопленным, даже в бильярд-

шипучее — шампанское
питомец (воспитанник) — kasvandik
рукопись — käsikiri
выводить (изображать) — kujutama
вывести*
неизменный — alaline
спицы — sukavardad
(за)теплиться (загореться) — sütti-
ma

скрип — kriuksumine
полбзья — (saani)jalased
монах — munk
настоятель монастыря — kloostri-
ülem
по вкусу — meelt mööda
(на)кликать — välja kutsuma
угар — ving

ной не топить — в бильярдной, которая могла бы хоть сколько-нибудь скрасить ссыльному поэту его досуги! Он совсем сконфузил добрую старушку.

Время было уже далеко за полночь, ямщик уже запряг лошадей. Перед прощанием хлопнула третья пробка. Но то было печальное вино, точно каждый из них знал, что это последняя их встреча в жизни. Выпили, крепко обняли друг друга. Пушкин накінул шубу и выбежал из комнаты.

Уже в санях он обернулся: Пушкин стоял на крыльце с непокрытой головой, высоко подняв зажжённую свечу. Кони вынесли за ворота, из темноты донеслось: «Прощай, друг!» Жёлтый огонёк долго светил позади, наконец погас и он, — изгнанник вернулся в свой дом.

*

Любовь и дружба до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы...

(«В Сибирь».)

В ту пору в Москве славился дом княгини Зинаиды Волконской. Уже по внутреннему своему убранству дом этот замётно отличался от иных знатных домов, москвичи прозвали его в шутку «палатцо у Тверских ворот»; здесь вечерами собиралась вся образованная Москва — учёные и писатели, музыканты и певцы; сама Волконская совмещала в себе множество талантов: она сочиняла романы и изучала археологию, её критические статьи об искусстве в самом деле не лишены были интереса.

В этом доме Пушкин бывал часто.

26 декабря 1826 года проездом в Сибирь, на Нерчинские рудники, у Волконской остановилась её родственница Мария Волконская, урождённая Раёвская. Вечером в числе прочих приглашённых пришёл Пушкин.

Шесть лет назад он оставил в Гурзуфе смуглого подростка-девушку, тогда уже пленившую его не только своей живостью, но таким ещё лишь угадывавшимся в ней богатством внутреннего мира, равного которому он не встречал ни в ком. Через все эти годы скитаний время от времени он неодолимо тянулся к ней воспоминанием. Вновь и вновь видел её, играющую с волнами

скрашивать — kaunistama, kergendama

скрасить *
(с)конфузить (смущать) — segaduse viima

изгнанник — maapagulane
(про)славиться — kuulus olema
княгиня — vürstitar

внутреннее убранство — обстановка, мебель

(со)вмещать в себе — siin: peituma

проездом — läbisõidul
рудник — kaevandus
урождённый — sündinud
угадываться — aimama
угадаться *

на прибрежном песке, счастливую, беззаботную, прекрасную в своих лёгких юных движениях. И тогда складывались стихи...

Все думы сердца к ней летят,
О ней в изгнании тоскую...

И вот теперь его встречала двадцатилетняя женщина (ровно три дня назад ей минуло двадцать лет), и нельзя было смотреть на неё без сожаления, надрывающего сердце, без восторга, близкого благоговению...

Всё, что с ней произошло, он знал.

Муж Марии генерал Волконский часто покидал свою молодую жену, всегда — в разъездах, цели которых она даже не подозревала. В декабре прошлого года однажды он вернулся домой далеко за полночь, разбудил жену и, растопив камин, стал жечь бумаги.

На её вопрос — что случилось, он ответил:

— Пестель арестован.

Так ей стало известно, что её муж — один из руководителей Южного общества. Вскоре арестовали и его.

Два месяца после родов Мария лежала в злейшей горячке; опасались за её жизнь. Но она выздоровела и немедленно уехала в Петербург добиваться свидания с мужем, которого заключили в Петропавловскую крепость. Приговор стал известен лишь через несколько месяцев: Сибирь, двадцать лет каторги. Однако Мария узнала о судьбе мужа лишь через год — брат её, Александр Раёвский, лукавый и осторожный человек, перехватывал все письма к ней: родня, зная её, боялась, что она последует за мужем в Сибирь.

Так и случилось. Напрасно сам император Никола́й, который не допускал даже мысли о том, что жёны осуждённых мятежников могут смотреть на своих мужей иначе как на самых чёрных злодеев, пугал её условиями, чудовищными по своей жестокости. Она должна была отказаться от своего ребёнка. Она лишалась права вернуться в Россию, теряла состояние и звание. Но решение её оставалось непреклонным. В декабре 1826 года она собралась в путь.

... За тысячи и тысячи вёрст от Москвы, за тысячи и тысячи вёрст дикой, ушедшей в снега тайги, месяцы спустя, в

прибрежный — kaldaäärne
надрывать (сердце) — (südant) ängistama
благоговение — hardumus
подозревать — kahtlustama
роды — sünnitus
злейшая горячка (опасная лихорадка) — äge külmõõbi
опасаться за что? — kartma, mures olema
приговор — kohtuotsus

каторга — sunnitõõ
лукавый — хитрый
(по)следовать — järgnema
осудать — hukka mõistma
осудить*
мятежник — mässaja
чудовищный (страшный) — hirmus, kole
звание — seisus
непреклонный — järeleandmatu

страшных подземельях Благодатского рудника она увидит своего мужа и упадёт перед ним на колёни, целуя кандалы на его ногах... Два года спустя умирающий старик Раевский скажет, указывая на её портрет: «Вот самая удивительная женщина, которую я знал!» Это всё в будущем. А в день, когда Пушкин вновь увидел её, с волненьем вглядывался в такие милые и такие изменившиеся черты её прекрасного лица, она не хотела думать и не хотела говорить о своей судьбе. Светились свечи. В домашнем театральном зале Волконских пела скрипка. Волконская созвала в этот вечер лучших певцов и музыкантов, чтобы проводы Марии остались в её памяти светлым праздником искусства.

Мария не выходила в зал. Она сидела за дверью, вслушиваясь в голоса певцов и в пение скрипок.

— Ещё, ещё! — просила она. — Подумайте только, я никогда больше не услышу музыки!

Пушкин склонялся к её руке, ни одним словом он не говорил ей о том, что переполняло его душу. Говорил только, что задумал написать сочинение о Пугачёве, что поедет на Урал; переберётся в Сибирь, увидит её там, в Нерчинских рудниках. И читал ей стихи, обращённые к тем, кто были его друзьями.

Во глубинё сибёрских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высóкое стремленье.

В ту же ночь Мария уехала, шлагбаум на Владимирском тракте опустился за её коляской, и Пушкин никогда больше не видел её в своей жизни.

Он испытывал чувство огромной и неопределимой утраты, но ещё и сам не знал, как часто будет возвращаться мыслью к образу этой самоотверженной, истинно русской женщины, какие новые слова подкажет ему воспоминание о ней...

Может быть, самая большая любовь в его жизни — любовь, которая могла бы быть, прошла мимо него.

Минули многие месяцы. В далёком Забайкалье люди с измождёнными лицами, с наголо обритыми головами, дробили в забоях свинцовую и серебряную руду, тяжко переступая ско-

подземелье — maa-alune ruum
кандалы (цепи, оковы) — ahelad
склоняться к руке — kumarduma
(kää kohale)
склониться*
руда (рудник) — kaevandus
скорбный (горестный) — грустный
стремленье — püüdlus

шлагбаум — tõkkepuu, sulgpoom
тракт (шоссé) — postitee
утрата — kaotus
измождённый — kurnatud
наголо обритый — paljaksügatud
(раз)дробить — killustama
забой — murrukoht kaevanduses
рудá — maak

ванными ногами, толкали в гору гружёные тачки. В рудниках была тьма.

А люди с бородами каторжников, поднимаясь на поверхность из своих чёрных нор, улыбались друг другу и говорили:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас встретит радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Послание Пушкина «В Сибирь» разошлось по всем рудникам, заводам и поселениям, где томилась осуждённая декабристы. Александр Одолевский ответил ему от всех них словами, полными пылкой веры в будущее:

Наш скорбный труд не пропадёт:
Из искры возгорится пламя —
И просвещённый наш народ
Сберётся под святое знамя.

Где и когда прочёл Пушкин эти строки, слагавшиеся, может быть, в те часы, когда молоток каторжника дробил руду, или когда спящие, тяжело дыша, лязгали со сна кандалами и повторяли в бреду дорогие им имена? За тысячи и тысячи вёрст донеслись к нему эти слова:

Из искры возгорится пламя...

Через годы и годы, через десятилетия и десятилетия дошли до нас эти слова, когда-то обращённые к Пушкину, и ожили вновь на заре нашей, нами творимой истории. Их повторил и новым значением, глубочайшей своей мыслью наполнил Ленин. Размноженные в подпольных типографиях, повторённые на каждом выпуске боевой ленинской «Искры», отозвались они в миллионах русских сердец.

Всё сбылось! Искра возгорелась пламенем. Над миром полыхает это неугасимое пламя Свободы, Разума, Справедливости.

(с)ковать — aheldama
гружёный — laaditud
тачка — kagu
оковы (кандалы, цепи) — gauad,
ahelad
темница (тюрьма) — vangla
лязгать — klirisema
лязгнуть *

бред — sonimine
размножать — paljundama
размножить *
(за)полыхать (сильно гореть) — lõk-
kele lõõma, leegitsema
неугасимый — kustumatu

Исполнились мои желанья. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец. . .

(«Мадонна».)

... Это был 1828 год, когда на балу в Москве он впервые увидел девушку, которой едва минуло шестнадцать лет. Золотой обруч стягивал её гладко зачёсанные волосы, лицо её мало было назвать красивым — оно было прекрасным, взгляд выражал застенчивость, печаль и, когда их познакомили, ему показалось — робкое любопытство. Тогда же он сказал одному из бывших с ним друзей, что участь его решена.

Балагур братец Лёвушка, увидев его однажды на гулянье возле коляски Гончаровых, тут же сочинил экспромт:

Он прикован,
Очарован,
Он совсем огончарован.

Действовал он стремительно. Одного своего знакомца уприсил быть его ходатаем у матери Гончаровой, женщины властной и своенравной. Ответ был неопределённым — ни да ни нет и, однако, как он сам признавался потом, едва не свёл его с ума. В ту же ночь, никого не спросясь, он уехал на Кавказ в армию — с Турцией шла война.

Из Москвы в действующую армию Паскевича Пушкин уезжал, не видя ничего вокруг себя, печальными мыслями весь позади, весь с ней. Он в самом деле на этот раз полюбил.

А Грузия была прекрасна.

Кавказ пленил его воображение ещё девять лет назад, когда впервые из Горячих вод он, ссыльный поэт, увидел снежную вершину Эльбруса.

Второй раз смотрел он на них, теперь уже не юноша, но тридцатилетний человек, искушённый в жизненной борьбе. Воспоминания овладевали им. Всплывали в памяти милые образы тех, с кем девять лет назад делил он здесь своё изгнание. Может быть, один девичий образ опять носился перед его мысленным взором, когда он слагал стихи:

минуло — исполнилось
обруч — võgi
застенчивость — häbelikkus
робкий (несмелый) — arglik
балагур — naljahammus
экспромт — eksprompt
приковывать — aheldama
приковать*
очаровать — võluma
ходатай — eestkostja

властный — valitsushimuline
своенравный — isekas
пленять — vangistama
пленить*
ссыльный — väljasaadetud
искушённый — karastatud
овладевать кем? чем? — oma võimusesse haarama
овладеть*
слагать стихи — luuletama

Всё тихо. На Кавказ ночная тень легла,
 Мерцают звёзды надо мною.
 Мне грустно и легко. Печаль моя светла,
 Печаль моя полна тобою,
 Тобой, одной тобой...

Но не одни воспоминания, как бы ни светла была печаль, владели им, когда он путешествовал теперь по дорогам Кавказа. Ему было тридцать лет. Взгляд его был зорок.

Несколько дней спустя, когда он, догоняя армию Паскевича, скакал по семьдесят вёрст в сутки, произошла грустная встреча. Близ крепости Гергери два понурых вола медленно тянули арбу по крутой горной дороге. Пушкин остановил коня. Должно быть, что-то необычное было и в этой скрипучей арбе и в лицах грузин, её сопровождавших.

— Откуда вы?

— Из Тегерана.

— Что вы везёте?

— Грибоёдова, — сказал грузин.

Пушкин в смятении смотрел на скрипучий возок, медленно поднимающийся в гору. Там лежал труп одного из умнейших людей России, человека, с которым он виделся в Петербурге год назад и тогда вновь и вновь оценил его дружбу — дружбу писателя, комедия которого «Горе от ума» «поставила его наряду с первыми нашими поэтами». Жертвой каких обстоятельств он пал — русский посол в Тегеране? Невежества? Вероломства? У него не было ответа своим мыслям.

На другое утро он пересёк Арпачай — прежнюю государственную границу — и вскоре вошёл в палатку Раевского.

Николай Раевский, двадцатисемилетний генерал, разделил с ним свою палатку. Его с восторгом встретили офицеры — друг по лицу Михаил Пущин — брат томившегося в Сибири «Жанно», родной брат Лёвушка — наконец все те, кого он знал прежде и кого не знал. Все они были людьми его поколения, его сверстники и почитатели его дара. Многие из них — участники декабрьского заговора, отправлены были на Кавказ в надежде, что турецкая пуля завершит правосудие.

Командующий Паскевич встретил гостя благосклонно — поэт при штабе полёзен: фельдмаршал был честолюбив.

Гость в их стане, он рвался делить с ними все трудности

(за)мерцать (сиять, блестя) — vil-
 kuma, särama
 зоркий (зорок) — terane
 понурый — norgus
 вол — veohärg
 арба (телёга) — vanker
 скрипучий — kriuksuv
 невежество — harimatus, juhmus
 вероломство — reetlikkus

поколение — põlvkond
 сверстник — vanusekaaslane
 почитатель (поклонник) — austaja
 завершать — lõpetama
 завершить*
 правосудие — kohtumõistmine
 благосклонно — heatahtlikult
 честолюбивый — auahne
 стан — laager

и опасности войны. Солдаты, замечая в походных колоннах странного господина верхом на коне, в чёрном сюртуке, покрытом буркой, и в цилиндре, принимали его за полковбого попа. Каково же было их изумление, когда этот поп в одной из стычек с турецкими всадниками вдруг вырвал пику из рук раненого казака, дал шпоры коню и один, с пикой наперевес, устремился к сражению! Офицер, которого в страхе за друга послал вдогонку Раевский, насилу захватил его и вытащил из передовой казачьей цепи. Да понапрасну был страх — турки, не приняв боя, повернули назад.

Но в Арзруме закончился его поход. Паскевич решительно невзлюбил незваного гостя, слишком дорожившего дружбой с неблагонадёжными офицерами; однажды он сказал ему:

— Господин Пушкин, мне вас жаль, жизнь ваша дорога для России.

Это был приказ покинуть армию. Приказ, и турецкая сабля в подарок. Он вынужден был подчиниться.

Пушкин примчался к Гончаровым прямо с Кавказа, себя не помня; раздеваясь в прихожей, всё швырял: калоши, шляпу, шинель.

Встреча была ужасна. Но этот раз его встретили даже не уклончивым ответом, а прямым отказом. Наталья Николаевна, когда ей разрешено было выйти к нему из своей комнаты, смотрела равнодушно.

Он был унижен и в отчаянии простился с Москвой.

Прошло несколько месяцев. Одно приветливое слово из Москвы, переданное ему приятелем, — только то, что на Никитской его вспоминают, кланяются ему, — и он бросил всё, всё забыл, даже испросить у Бенкендорфа разрешение на отъезд. Нет, он не мог, не смел явиться прямо к Гончаровым, как это было по его возвращении с Кавказа полгода назад. Но первое лицо, которое он увидел, очутившись вечером на каком-то концерте, было её лицо, сиявшее такой необычайной прелестью, что говор стоял вокруг, когда она проходила по залу! Он смотрел на неё с упоением и видел, себе не веря: взгляд её, обращённый к нему, выражал ласку и радость.

Ярко сверкало в Москве апрельское солнце, когда он шёл к Гончаровым. Одна беда — фрак чуточку жал под мышками,

странный — imelik
бурка — плащ из козьей и овечьей
шерсти
стычка — kokkupõrge
пика — piik
наперевес — ettekallutatult
невзлюбить — mitte armastama
неблагонадёжный — ebakindel
подчиниться кому? чему? — alistuma
подчиниться *
себя не помня — meeletu millestki

швырять — pilduma
швырнуть *
уклончивый — põiklev
отказ — äraütlemine
унижать — alandama
унизить *
отчаяние — meeleheide
упоение — joovastus
(с)жать — pigistama
под мышками — kaenla alt

не было у него своего фрака. пришлось надеть с чужого, хотя и с дружеского плеча. И ни о чём его не нужно было спрашивать, когда он вернулся от Гончаровых к другу, всё и так было ясно. Он хохотал. Белозубая его улыбка сверкала. Он прыгал по своему обыкновению, бил в ладоши — «Ай да Пушкин!», щекотал друга и дурачился, как мальчишка. Он только просил подарить ему этот фрак — волшебный фрак, который принесит счастье. В этот день Гончарова-мать дала ему своё согласие на его брак с дочерью.

*

Не вы ль сперва так долго гнали
Его свободный, чудный дар
И для потехи возбуждали
Чуть затаившийся пожар?..

(М. Ю. Лермонтов, «На смерть поэта».)

Петербургская зима сыпала снежок на фонари, на конские попоны, на кавалергардские кивера и дамские капоры. Самый иней в дворцовых окнах казался праздничным убранством. В Петербурге было весело.

Видели Пушкина на балу у княгини Бударо. Великолепие этого праздника поражало даже привычных петербуржцев: гостиные были обращены в сады, уставленные редкими цветами и растениями. Звучала музыка невидимого оркестра, в глубь стен и зеркал уходили отсветы балльных огней.

Пушкин проходил один мимо зеркал, колонн, узорчатых пальм. Он был мрачен, сторонился толпы; в высокие окна, в темноту зимней ночи уходил его взгляд.

А потом из толпы гостей вырвался красавец кавалергард Дантес. Он бродил по залам, взгляд его кого-то искал, румяное, чуть пухлое его лицо выражало тревогу. Видели, как вдруг он вышел из дальней гостиной и под руку с ним была она, Пушкина, первая красавица Петербурга. Делали рассеянный вид, когда они проходили мимо, и с любопытством тянули шеи им вслед, напрягая слух, ловили его шёпот:

— Уехать!.. Думаете ли вы об этом?.. Я этому не верю, вы этого не сделаете...

Все видели обоих их — в танце, в раззолоченной, всеми цве-

с дружеского плеча — *sõbra õlgadelt*
(по)щекотать — *kõdistama*
волшебный — *võlu-*
попона — *hobusetekk*
капор — *daami talvine peakate, ka-*
puuts
убранство — *ehe, kaunistus*

великолепие — *toredu*
обращать (превращать) — *muutma*
обратить * во что?
отсвет (отблеск) — *helk*
(по)колебаться — *kõikuma*
раззолоченный — *kullatud*

та́ми перелива́ющейсѣ бальной суетѣ. И в четырёхуго́льнике высокаго окна́ — одино́кую фигу́ру с заложёнными за спину рука́ми, лицомъ к окну. Все видели, а кто не видел, тому́ ука́зывали кивкомъ головы́.

Кто такой был Дантѣс? Француз, бежавшій из своего отѣчества после револю́ции 1830 года. Бродя́га, котораго подобралъ где-то по доро́ге в свою карѣту голландскій посолъ в Россіи барон Геккерн. «Ропотъ гвардіи», о кото́ром писалъ Пушкин в своёмъ дневникѣ, не помешалъ зачислить Дантѣса в кавалер-гардскій полкъ. Но как же он служилъ своимъ новымъ хозяевамъ, этотъ ба́ловень и бездѣльникъ? Четыре года службы — сорокъ четы́ре взыска́нія. Какое кому́ дело — он украшалъ собо́й дворъ, белоку́рый краса́вецъ, остро́словъ и весельча́къ.

Кто такой был Геккерн, посолъ короле́вы Голландіи, усыновившій Дантѣса? Геккерн был богаты́. Человекъ безнравственный, бесче́стный, он не стесня́лся использо́вать свои высо́кіе полномо́чія послá инострáнной держа́вы для того, чтобы умножа́ть своё состоя́ние.

Пушкин был чужимъ среди этой своры, окружа́вшей тронъ, и был сли́шкомъ вели́къ, чтобы его можно́ было просто не замеча́ть, отка́зывать ему в досто́инстве и в ува́женіи. Стало́ быть, его ненави́дели.

Не всё ли равно, чья рука написала́ подлый паскви́ль, кото́рый 4 ноября почта́льбо́н принёс ему на кварта́ру? Сам ли Геккерн (в чёмъ убеждёнъ былъ Пушкин) или князь Долгору́кий (что утвержда́л сто лет спустя́ по сличёнію почерковъ судёбный эксперт) написалъ эти грязныя слова́ — они родились и вылетели из той сплочённой толпы́ враговъ, которая окружа́ла его со всехъ сторо́н. Самъ министр Ува́ров распростра́нял по знако́мымъ списки этого́ письма́. Бездѣльники, завсегд́атаи гости́ной голландскаго посла́ передава́ли их из рукъ в руки. Они приходили́ во дворе́цъ, приходили́ к друзья́м и знако́мымъ Пушкина.

Первая́ его мысль́ была о Дантѣсе. Дантѣс, это он зналъ, былъ влюблёнъ в его жену́.

Но былъ и друго́й смыслъ в этомъ письме, ещё́ более отвратительный: намекали́ на друго́го. Царь — вотъ кого́ связывали с именемъ его жены́.

То, о чёмъ говори́лось в письме́, имело́ некоторыя основа́нія

перелива́ться — sillerdama
киво́къ головы́ — peanoogutus
отѣчество — родина
бродя́га — hulkur
ропотъ — nurin
ба́ловень — lemmik
бездѣльникъ — logeleja, logard
 взыска́ние — karistus, trahv
остро́словъ — остроумный человекъ
весельча́къ — весёлый человекъ
безнравственный — ebavooruslik

полномо́чія послá — saadiku õigused
свора — jõuk
досто́инство — väärikus
подлый — alatu
паскви́ль — paskvill
сличёние — võrdlemine
сплочённый — ühteliidetud
завсегд́атаи — alaline külastaja
отвратительный — vastik
основа́ние — alus

за собой. Царь, как прапорщик, гарцевал на коне под окнами его квартиры. Царь сажал рядом с собой его жену на ужинах, его пожаловал камер-юнкером, лишь бы его жена танцевала на балах. Вот за что и ухватились клеветники.

Ни на минуту — это утверждал он сам, это утверждали все близкие ему — не подозревал он жену, верил ей, любил её, верил её любви к нему. Но точно так же он знал, что по всем петербургским гостиным имя его повторяют со злорадным смешком, что где бы он ни появился теперь, за его спиной будут перешёптываться, щуриться и значительно поднимать брови.

Он должен был поступить так, как в таких случаях поступают люди чести. И ответить за клевету должен был Дантес.

Вызов был послан. «Чем кровавей, тем лучше», — сказал он потом своему секунданту. Бешенство его не знало меры, на него было страшно смотреть.

Не только это письмо было причиной тому — ярость копилась в нём годами. Тут всё смешалось, всё слилось воедино; постоянный гнёт, борьба с цензурой, зависимость, нужда, досада на пустоту той жизни, на которую обрекало его придворное звание, тревоги за жену, за семью, наконец самое горькое — ужасающая, чудовищная картина произвола и бесчестья вокруг, равнодушие к России, ненависти к России. Всё в нём кипело, всё возмущалось. Терпение его истощилось, когда пришло это письмо, — хорошо рассчитанный, точный удар.

Граф Соллогуб говорил потом: «В лице Дантеса он искал смерти или расправы с целым светским обществом».

*

(про)гарцевать (на коне) — ratsuta-
та
ухватываться за что? — haarama
ухватиться*
клеветник — laimaja
утверждать — kinnitama
утвердить*
злорадный — kahjurõõmus
бешенство — gaev, viha
ярость (гнев) — gaev
воедино — ühte
гнёт — surve

обрекать на что? — määrama mille-
legi
обречь*
произвол — omavoli
бесчестье — ebaausus
равнодушие — ükskõiksus
возмущаться чем? — nõrdima
возмутиться*
истощаться — lõppema, katkema
истощиться*
рассчитанный — arvestatud
расправа — arveteõidamine

Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде ... и убит!

(М. Ю. Лермонтов, «На смерть поэта».)

Как Пушкин провёл свой последний день, помнили многие. Он был очень спокоен, давно не видели его в таком ровном расположении духа. С утра он работал над своим «Современником», когда было уже за полдень, написал письмо одной писательнице, которая сочиняла хорошие книги для детей. Письмо было деловое, однако и в этом письме нашлось у него несколько ласковых, одобрительных слов, в которых нуждается всякое подлинное дарование. Потом переоделся с ног до головы во всё чистое. Вышел по обыкновению в бекеше, однако на улице было морозно, вернулся и надел шубу. В четыре часа дня в кондитерской Вольфа на Невском его встретил Данзас. Ящик с пистолетами лежал в санях.

Ещё были надежды у друга остановить то, что должно было произойти и произошло час спустя. Ни о каких уговорах и просьбах нечего было и думать, надежда была только на случай, на слепой случай, на вмешательство со стороны друзей, семьи, правительства — всё равно. Когда они выехали на Дворцовую набережную, сама жена Пушкина попала навстречу им; достаточно было одного её взгляда в их сторону, чтобы остановить сани, и всё могло бы сложиться иначе. Но она была близорука и не разглядела их, а Пушкин в рассеянности смотрел на строения по тому берегу Невы. И он, Данзас, не смел, не мог её окликнуть, он вынужден был молчать!

Противники съехались одновременно. Секунданты (с Дантесом приехал атташе французского посольства Д'Аршиак) отошли выбрать место для поединка. В те времена на Чёрной речке был сосновый лесок поодаль от проезжей дороги за гумнами и сараями — место уединённое, никем не посещаемое. Лежал глубокий, по колено, снег. Секунданты вытоптали с обеих сторон площадки, протоптали дорожки к барьерам. Всё было готово.

Противники стояли лицом к лицу за двадцать пять шагов

расположение духа — meeleolu
«Современник» — литературный и
общественно-политический журнал,
который основал Пушкин. Выходил
с 1836 года по 1866 год
одобрительный — heakskiitev
подлинный (настоящий) — tōeline
дарование (талант) — anpe
бекеша — ungaripārane palitu (tal-
jega)

Данзас К. К. — лицейский товарищ
Пушкина
уговор — veenmine
вмешательство — vahaesegamine
близорукий — lūhināgelik
рассеянность — hajameelsus
гумно — rehealune
(вы)топтать — āra tallama

друг от друга. Данзас подал сигнал сходится. Пушкин быстро подошёл к барьеру и поднял пистолёт. Дантес выстрелил с хода.

Пушкин упал лицом на шинель, которая обозначала барьер.

— Кажется, у меня раздроблено бедро, — сказал он. Когда секундэнты бросились к нему, он сделал усилие приподняться и остановил их. — Постойте. Я чувствую достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел.

Дантес встал боком к нему, защитив грудь пистолётом, как это разрешали дуэльные правила. Поединок продолжался. Друзья рассказывали потом: «Ужас сопровождал их бой. Они дрались, и дрались насмерть».

Пушкин лежал на снегу, опираясь на левую руку, в правой был пистолёт. Он целился долго, рука была тверда. Когда он выстрелил, Дантес упал.

— Bravo! — сказал Пушкин. На какую-то долю минуты сознание покинуло его; придя в себя, он только спросил: — Убил я его?

Прицел был верен, рука — тверда, но пуля, пробив противнику локоть, ударила о пуговицу его мундира и только раздробила ему ребро.

А Пушкин лежал на снегу и уже не слышал, что говорят секундэнты. Вокруг стояли сосны. Только и было вокруг: сосны, снег и тишина.

В шесть часов его уже привезли на Мойку. Он не мог двигаться, боли были ужасны, весь низ живота был у него разворотчен пулей. Никита, верный товарищ его скитаний, вынес его из кареты на руках, как маленького.

— Грустно тебе нести меня? — сказал Пушкин. Женé он велел всё объяснить, но не пускать её к нему, пока его не уложат и не разденут.

Когда пришёл врач, он лежал на диване в своём кабинете. Он спросил:

— Что вы думаете о моей ране? Скажите мне — смертельная?

Врач ответил:

— Считаю долгом этого не скрывать.

— Спасибо, — сказал Пушкин. — Вы поступили, как честный человек.

с хода — käigu pealt
обозначать — tähistama
обозначить*
(раз)дробить — purustama
бедро — puus
(с)делать усилие — pingutama
опираться на что? — toetuma
оперётся*
прицел — sihtimine

локоть — küünarnukk
ребро — ribi
разворачивать — purustama, katki
kiskuma
разворотить*
Никита Козлов — камердинер Пушкина
скитание — hulkumine

Его спросили, не хочет ли он повидать своих друзей. Взгляд его медленно обходил книжные полки.

— Прощайте, друзья! — сказал он книгам.

Но жизнь ещё не покидала его.

Съехались близкие: Жукóвский, Вяземский, Александр Ива́нович Тургéнев. Придвóрный врач привёз записку от импера́тора (всего несколько слов — последняя милость), которую велено было, однако, увезти после прочтёния обратно во дворец. Он велел вынуть из стола какие-то бумаги и сжечь их при нём. Спросили его последние распоряжения, он отвéтил:

— Всё женé и детям.

Иногда он подзывал к себе жену, говорил ей:

— Будь спокойна, ты невинна в этом. Не укоряй себя моей смертью.

Потом просил, чтоб она пошла к себе отдохнуть. Она уходила, а когда он начинал дремать, снова подкрадывалась к дверям его кабинета, стояла у дверей, и достаточно было лёгкого шороха её платья, чтобы он узнал её.

Так прошла ночь. Боли по временам были невыносимыми, но он глушил стоны, чтобы жена не услышала его мук.

Потом он сказал, что хочет проститься с близкими. Они входили к нему один за другим, каждому он пожимал руку и говорил: «Прощай. Будь счастлив». Некоторые, не в силах удержатъ рыдания, выходили из комнаты, другие плакали здесь же, возле него.

Детей к нему принесли полусонных, он каждому клал руку на голову, смотрел в глаза.

Так прошёл ещё день и ещё вечер. Двери в его квартиру не запирались. Приходили какие-то незнакомые люди, толпились в передней, спрашивали шёпотом — что Пушкин? Есть ли надежда? Весть о том, что он при смерти, облетела город. Никто не знал, что это за посетители, иногда бедно одетые, в студенческих и чиновничьих мундирах, но они входили и входили, притихшие, с тоской и надеждой в глазах. В передней уже было не протолкаться, пришлось отворить двери в буфетную, пропустить часть посетителей туда. Какой-то старичок сказал: «Боже мой! Я помню, как умирал фельдмаршал, но этого не было!»

И опять подошла ночь, вторая ночь его страданий. Врач, старый человек, отойдя от него, сказал: «Я был в тридцати сражениях, я видел много умирающих, но мало видел подобного».

придворный врач — õukonna-arst
милость — heategu, armulikkus
укорять кого? чем? — ette heitma
укорить *
подкрадываться — hiilima
подкрасться *
шорох — sahin

заглушать — sumbutama
заглушить *
рыдание — nuuksumine
при смерти — suremas
протолкаться — läbi trügima
протолкнуться *
буфетная — lauanõude hoiuruum

Народ всё прибывал. Уже пришлось отворить двери в залу. Вся набережная Мойки под его окнами была запружена толпой, кареты не могли подъехать к дому.

К полудню сознание всё чаще покидало умирающего. Тогда он сжимал руку друга, сидящего подле него, бормотал:

— Ну подними же меня, пойдём, да выше, выше, — ну пойдём.

Очнувшись, он сказал:

— Мне было пригрёзилось, что мы с тобой поднимаемся по этим книгам и полкам, высоко — и голова закружилась.

А ещё час спустя он сказал:

— Кончена жизнь.

Самый переход его от жизни к смерти был таким тихим, что друзья даже не заметили, как он перестал дышать.

Гроб с его телом установили в гостиной. Он был в любимом своём коричневом сюртуке. Лицо было очень спокойным, каким не видели его давно: он перестал страдать, тоска, гнев — всё, что отравляло ему жизнь последние годы, кончилось. В молчании стояли друзья вокруг него. Веки опущены, губы плотно сжаты.

А незнакомые люди всё шли и шли проститься с ним; в недоумении смотрели друзья на этот нескончаемый поток посетителей, и мало-помалу, даже в горькие эти минуты, радостно становилось у них на сердце. Шли старики, женщины, чиновники, студенты, беднота, голь в шинелишках на рыбьем меху, даже в простой овчине. Это шёл народ. Это шли все те, к кому донеслось его могучее поэтическое слово, которое вывел он на просторы России. Не было никакой возможности вместить в маленькой гостиной всю эту толпу; гроб, обитый красным бархатом, перенесли в переднюю. Не с парадного — с чёрного хода шёл к гробу народ, со двора, через дверь, на которой углем было нацарапано: «Пушкин». Сколько их, не узнавших им при жизни друзей, прошло через эту дверь? Считали — тридцать две тысячи. Иностранные наблюдатели говорили: пятьдесят тысяч. А они всё шли, шли, день-ночь, день-ночь, и некоторые из них даже отрывали куски сукна от его сюртука — память о мёртвом, а некоторые, отходя от гроба, сжимали кулаки, проклинали его убийц и вслух говорили о возмездии.

В этот день на набережной возле дома Пушкина видели молодого гусарского офицера. Он был бледен. Когда знакомый

запружать что? чем? — *ummistama, sulgema*
запрудить *
(при)грёзиться — *viirastuma, näima*
сюртук — *pikk-kuub*
отравлять кому? что? чем? — *mürgitama*
отравить *

в недоумении — *arusaamatuses*
поток — *vool*
голь — *kehvikud*
на рыбьем меху — *õhuke*
овчина — *lambanahk*
вмещать — *mahutama*
вместить *
возмездие (месть) — *kättemaks*

литератор, только что вышедший от Пушкина, сказал ему, что поэт уже нет, умер полчаса назад, он долго стоял, поражённый страшной вестью. Потом ушёл, а наутро по городу разнеслись в списках гневные, поистине пушкинской силы стихи:

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой! . .

Несколько дней спустя Лермонтов приписал к своим стихам «На смерть поэта» ещё шестнадцать строк — самых гневных. «Надменные потомки известной подлостью прославленных отцов», — их, окружавших трон, он в лицо обвинял в убийстве, им он грозил:

Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь.
И вы не смёте всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!

Газетам было строжайше запрещено что-либо печатать о его смерти. Только одна успела в траурной рамке поместить всего лишь несколько строк: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща! . . Более говорить о сём не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невознаграждаемой потёри и всякое русское сердце будет растёрзано. . .»

Отпевание предполагалось в Исаакиевском соборе, но в ночь пришёл приказ — перенести гроб в церковь на Конюшенной. Толпа, собравшаяся на другой день возле собора, нашла собор пустым; хлынули на Конюшенную, запрудили соседние улицы. Внутри церкви не пускали никого, только особо приглашённых.

Друзья вынесли гроб из церкви, впереди шли Крылов и Жу-

поражать *чем?* — gabama
поразить *
гневный — gaevukas
невольник — ori
пасть (погибнуть) — hukkuma
(о)клеветать — laimama
молва — kuulujutt
свинёц — tina
поникать головой — langetama pead
поникнуть *
надменный — ülbe
потомки — järelsugu
подлость — alatus

прославленный — kuulsaks tehtud,
ülistatud
(по)грозить — ähvardama
прибегать к *чему?* — kasutama
прибегнуть *
злословье — laim
траурный — leina-
во цвете лет — parimates eluaastates
поприще — tegevusala, tööpõld
невознаграждаемый — asendamatu
(рас)терзать — puruks kiskuma
отпевание — matusetalitus
церковь — kirik
хлынуть — järsku voogama

ковский. Кто-то ничком лежал на ступенях, всем телом вздрагивая от рыданий, — это был Вяземский.

Гроб внесли в подвал соседнего дома.

А ночью по темным улицам Петербурга проехали сани, на которых лежало что-то длинное, обёрнутое рогожей. Сидел на санях ящик, сидел закутанный в тулуп Никита Козлов. Позади скакал жандарм, а ещё дальше ехали другие сани.

Тело Пушкина приказано было вывезти из города тайно. Сопроводять — камердинеру его и Александру Ивановичу Тургеневу, другу покойного.

Ни один человек не видел — разве что будочник в полосатой своей будке, — как выехали сани за заставу на заметённый снегом тракт Петербург—Псков.

Жандарм торопил ящика. Один загнанный конь пал за Гатчиной. Когда над Петербургом вновь рассвело, тело Пушкина было уже далеко. «Вы всегда на дорогах», — десять лет назад говорил ему Бенкендорф. Что было при жизни, то ожидало его и в гробу: ухабы да версты за верстами...

Приказано было похоронить его в Святогорском монастыре, рядом с матерью, которую он сам проводил в прошлом году. Промёрзлую землю не брали лопаты, пришлось рыть неглубоко — лишь до весны.

Александр Иванович Тургенев первым бросил на крышку гроба горсточку земли, другую завернул в платок. Две младшие дочери Осиповой, с которыми играл когда-то их весёлый михайловский сосед, теперь уже взрослые девушки, опустили в могилу живые цветы. Григорские и михайловские крестьяне стояли вокруг, обнажив головы.

Жандарм мог быть доволен. Похороны прошли согласно приказу. Два букета да несколько крестьянских слёз не в счёт. Всё было тихо, только покряхтывали на ветерке монастырские древние сосны да стучал дятел.

ничком — kummuli
рогожа — rogusk
(за)кутать — kinni mässima
тулуп — reisikasukas
будочник — putkavaht
полосатый — vöödiline
застава — (linna)piir
заметать (снегом) — kinni tuiskama
заместить*

тракт (шоссé) — postitee, maantee
ухабы — augud (teel)
опекун — hooldaja
горсть (горсточка) — peotäis
согласно приказу — eeskirja kohaselt
не в счёт — arvesse võtmata
дятел — rähn

В СИБИРЬ.

(1827)

14 декабря 1825 года в Петербурге произошло восстание молодых дворян-революционеров против царя и царского строя. Восстание было жестоко подавлено. Участники его — декабристы — поплатились каторгой, ссылкой, тюрьмой, а пять руководителей восстания были повешены.

Пушкин не входил в организацию декабристов, но целиком разделял их революционные взгляды, со многими из них дружил. И когда в начале 1827 года жена декабриста Муравьева поехала к своему мужу в сибирскую каторгу, Пушкин послал своим друзьям-декабристам это стихотворение.

Во глубинé сибѣрских руд
Храните гордое терпѣнье,
Не пропадѣт ваш скорбный труд
И дум высóкое стремлѣнье.

Несчáстью верная сестрá,
Надѣжда в мрачном подземѣлье
Разбúдит бодрость и весѣлье,
Придѣт желáнная порá.

Любовь и дружество до вас
Дойдúт сквозь мрачные затвóры,
Как в ваши каторжные нóры
Доходит мой свободный глас.

Окóвы тяжкие падúт,
Темницы рúхнут — и свобóда
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадúт.

восстáние — ülestõus
строй — (riigi)kord
подавить — maha suruma
участник — osavõtja
(по)платиться *чем?* — karistama
(millegi eest)
руководитель — juht
повѣсить — üles pooma
целикóм — täiesti
глубинá — sügavus
скорбный — kurb

стремлѣнье — püüdlus
мрачный — sünge
подземѣлье — maa-alune ruum
затвóр — lukk
норá — urg
глас — голос
окóвы (кандалы, цепи) — ahelad
тяжкий — тяжѣлый
темница (тюрьмá) — vangla
рухнуть — kokku varisema

ОТВЕТ ПУШКИНУ.

(1827)

А. И. Одóевский.

В декабрé 1900 года за границей вышел первый номер газéты «Искра». Под заголóвком газеты б́ыло изречéние (эпíграф): «Из искры возгорíтся пламя». Эти слова взяты из отвéта декабри́стов поэту Пушкину, который послáл им привéтствие в сибíрскую ссылку.

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечáм рвану́лись наши руки,
Но лишь окóвы обрели.
Но будь споко́бен, бард, цепя́ми,
Судьбой своей горди́мся мы
И за затво́рами тюрьмы
В душе смеёмся над царя́ми.

Наш скорбный труд не пропаде́т:
Из искры возгорíтся пламя, —
И просвещённый наш наро́д
Сберётся под свято́е знамя.
Мечи скуём мы из цепей
И вновь зажжём огонь свобо́ды,
И с нею грянем на царей —
И с радостью вздохну́т наро́ды.

заголóвок — pealkiri, nimetus
изречéние — mõttepera, ütlus
возгорíтся (загорится) — lõõb põle-
ma
пламя — leek
струна́ — keel
вещий — prohvetlik
пламенный — leegitsev

обрести́ — найти
бард — певец, поэт
просвещённый — haritud, valgusta-
tud
меч — mõõk
(с)ковáть — gauda taguma
вздохну́ть — hinge tõmbama, ohkama

АРИОН.

(1827)

Арион — древнегреческий поэт и музыкант, о котором ходило сказание, что он, спасаясь от грабителей-корабельщиков, бросился в море, но был спасён дельфином, привлечённым его чудесным пением и доставившим его на сушу. Пушкин воспользовался этим сказанием, чтобы изобразить свои отношения к декабристам и их, как и свою, судьбу. Поэт писал в третьем лице:

Их было много на челнѣ...
А он, беспѣчной веры полн,
Пловцѣм он пел...

В окончательной редакции Пушкин поставил *нас, наши, я*. В письме к князю Вяземскому, взволнованный событиями, он писал: «Повешенные повешены: но каторга 120 друзей, братьев, товарищей, ужасна...» (август 1826 г.). В рукописях Пушкина, после черновых строк пятой главы «Евгения Онегина», им зарисованы вал и ворота (крепость), на валу виселища, а на ней пять повешенных декабристов и подпись: «И я мог бы как тут...» А в шестой главе «Евгения Онегина» (окончена в августе 1826 года), размышляя об участи, ожидавшей убитого поэта Ленского, если бы он остался в живых после дуэли с Онегиным, Пушкин писал в черновом варианте, что юный поэт мог оказаться в ссылке или быть повешен, как Рылеев.

Нас было много на челнѣ,
Иные парус напрягали.
Другие дружно упирали
В глубь мощны вѣслы. В тишинѣ
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чёлн;
А я — беспѣчной веры полн —
Пловцѣм я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налёту вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, тайственный певец,
На берег выброшен грозною,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

древнегреческий — vana-kreeka
сказание (легенда) — muistend
грабитель — güüstaja
корабельщик — laevnik
привлекать кого? чем? — juurde mee-
litama
привлечь*
доставлять — kohale toimetama
доставить*
суша — manner, maa
беспѣчный (беззаботный) — muretu
событие — sündmus
черновѣй — mustandi-
вал — vall

виселища — võllas
чёлн (лодка) — paat
напрягать парус — pingutama purje
упирать — toetama
глубь (глубина) — sügavus
мощный (сильный) — tugev, võimas
руль — rool
кормщик — tüürimees
грузный (тяжёлый) — raske
лоно волн — vetepind
с налёту — lennult
вихорь (вихрь) — tuuleil
риза (одежда) — rüü
влажный — niiske

И. И. ПУЩИНУ.

(1826)

И. И. Пущин получил это послание в сибирской ссылке. В своих воспоминаниях он рассказывал: «В самый день моего приезда в Читю призывает меня к частокóбу А. Г. Муравьёва (жена Никиты Муравьёва) и отдаёт листок бумаги, на котором неизвестной рукой написано было: «Мой первый друг, мой друг бесцённый...» и прочее. Отрáдно отозвáлся во мне голос Пушкина. Преиспóлненный глубóкой, живительной благодарности, я не мог объять его, как он меня обнимáл, когда я первый посетил его в изгнáнии.»

Мой пёрвый друг, мой друг бесцённый,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединённый,
Печáльным снегом занесённый,
Твой колоко́льчик огласил.
Молю святóе провидёнье —
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешёнье!
Да озарит он заточёнье
Лучом лицейских ясных дней.

Я ВАС ЛЮБИЛ...

(1829)

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмóлвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Это стихотворение согрето подлинным чувством, проникнуто глубóкой нежностью и искренностью. Оно особенно интересно тем, что раскрывáет достойное и благородное отношение поэта к любви. Последняя заключительная стрóка стихотворения раскрывáет характерное для Пушкина отношение к окружающим: поэт умел радоваться не только своими радостями, но и радостями других.

бесцённый — väga kallis
отрáдно (радостно) — gómsalt
преиспóлненный (полный) — täis
благословлять — õnnistama
благословить *
уединённый — üksildane
занесённый — (on)kinni tuisanud
провидёние — saatus
даровáть (дать) — andma, kinkima
утешёнье — lohutus

озарять *чем?* — valgustama
озарить *
заточёнье — vangistus
угасáть — kustuma
угáснуть *
подлинный — siiras
проникнутый — täis
искренность (ж. р.) — siirus
достóйный — vääriline
благорóдный — õilis, üllas

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР.

(1825)

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломою зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

мгла — *somp, vine*
(по)крыть — *katma*
снежный вихрь — *lumetuisk, -keeris*
обветшалый — старый, ветхий
ветхий — старый
лачужка (лачуга) — *onnike*

приумолкнуть — *vaikseks jääma*
завыванье — *ulgumine*
утомлённый — *väsinud*
жужжанье — *sumin*
веретено — *värten*

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН.

(Роман в стихах.)

Глава первая.

И жить торопится, и чувствовать спешит...

П. Вяземский.

I

«Мой дядя самых честных правил,

Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил,
И лучше выдумать не мог;
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и

ночь,

Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмёт тебя!»

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса

Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С гербом моего романа
Без предисловий сей же час
Позвольте познакомиться вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.

III

Служив отлично, благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.
Судьба Евгения хранила:
Сперва Madame за ним

ходила,

Потом Monsieur её сменил.

Ребёнок был резов, но мил.

не в шутку занемог, — серьёзно заболел, сильно захворал
коварство (злобная хитрость) — *salakavalus*

забавлять (развлекать) — *lõbustama, nalja tegema*

забавить* (развлечь*)
повеса (бездельник, проказник, шалуни) — *võrukael*

почтовые (лошади) — *posthobused*

всевышний (бог) — *kõrgeim*

Зевес (Зевс) — верховный бог древних греков

наследник — *räijä*

друзья Людмилы и Руслана —

друзья-читатели Пушкина, которые узнали и полюбили его после выхода в свет поэмы «Руслан и Людмила» (в 1820 году)

некогда — когда-то

вреден север для меня — Пушкин намекает (*vihjab*) на свою ссылку с севера, из Петербурга на юг промотаться (растратить свои деньги, имущество) — *pillama*
madame — мадам (франц.), *siin: prantslannast kasvataja*

monsieur — мосье (франц.), *siin: prantslasest õpetaja, kasvataja*
резвый (резв, резов) — живой

Monsieur l'Abbé, француз
 убогий,
 Чтоб не измучилось дитя,
 Учил его всему шутя,
 Не докучал моралью строгой,
 Слегка за шалости бранил
 И в Летний сад гулять водил.

IV

Когда же юности мятежной
 Пришла Евгению пора,
 Пора надежд и грусти нежной,
 Monsieur прогнали со двора.
 Вот мой Онегин на свободе;
 Острижен по последней моде;
 Как dandy лондонский одет —
 И наконец увидел свет.
 Он по-французски совершенно
 Мог изъясняться и писал;
 Легко мазурку танцевал;
 И кланялся непринуждённо:
 Чего ж вам больше? Свет
 решил,
 Что он умён и очень мил.

V

Мы все учились понемногу
 Чему-нибудь и как-нибудь;

Так воспитаньем, слава богу,
 У нас не мудрено блеснуть.
 Онегин был по мнению многих
 (Судей решительных и строгих)
 Учёный малый, но педант.
 Имел он счастливый талант.
 Без принуждения в разговоре
 Коснуться до всего слегка,
 С учёным видом знатока
 Хранить молчанье в важном

споре

И возбуждать улыбку дам
 Огнём нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
 Так, если правду вам сказать,
 Он знал довольно по-латыни,
 Чтоб эпиграфы разбирать,
 Потолковать об Ювенале,
 В конце письма поставить *vale*,
 Да помнил, хоть не без греха,
 Из Энеиды два стиха.
 Он рётся не имел охоты
 В хронологической пыли
 Бытописания земли:
 Но дней минувших анекдоты
 От Ромула до наших дней
 Хранил он в памяти своей.

убогий (бедный) — vilets
 докучать (надоедать) чем? — tüüta-
 ma
 бранить (ругать) — riidlema
 мятежный (беспокойный, тревожный)
 — mässuline, rahutu
 (о)стричь — pügama
 dandy — дэнди (англ.) — keigar,
 моенарг
 изъясняться — говорить
 непринуждённо (естественно) — sun-
 dimatult, loomulikult
 не мудрено (нетрудно) — pole raske
 блестять — hiilgama, sägama
 блеснуть * чем?
 малый — мужчи́на, человек
 педант — человек, который слишком
 много обращает внимания на мело-
 чи
 без принуждения (непринуждённо,
 свободно) — sundimatult

касаться кого? чего? — puudutama
 коснуться *
 знаток — asjatundja
 возбуждать что? чем? — välja kut-
 suma
 возбудить *
 эпиграмма — злое и остроумное за-
 мечание
 латынь, латинский язык — ladina
 keel
 Ювенал — сатирик, живший в Риме
 в I веке нашего летосчисления
 vale! — будь здоров! прощай! (по-
 латински)
 Энеида — произведение римского
 поэта Вергилия (I век до нашего
 летосчисления)
 бытописание — историческое описа-
 ние
 Ромул — легендарный основатель
 Рима

XV

Бывало, он ещё в постеле.
 К нему записочки несёт. —
 Что? Приглашения? В самом
 деле,
 Три дома на вечер зовут.
 Там будет бал, там детский
 праздник.
 Куда ж поскочет мой
 проказник?

С кого начнёт он? Всё равно:
 Везде поспеть не мудрено.
 Покамест в утреннем уборе,
 Надев широкий *боливар*,
 Онегин едет на бульвар
 И там гуляет на просторе,
 Пока недремлющий брегёт
 Не прозвонит ему обед.

XVI

Уж темно: в санки он садится.
 «Падй! падй!» — раздался
 крик;
 Морозной пылью серебрится
 Его бобрóвый воротник.
 К *Talon* помчался: он уверен,
 Что там уж ждёт его Кавэрин.

Вошёл — и пробка в потолок,
 Вина кометы брызнул ток,
 Пред ним *roast-beef*
 окровавленный,
 И трюфли, роскошь юных лет,
 Французской кухни лучший
 цвет,
 И Страсбурга пирог нетленный
 Меж сыром лимбургским
 живым
 И ананасом золотым.

XVII

Ещё бокалов жажда просит
 Залить горячий жир котлет,
 Но звон брегёта им доносит,
 Что новый начался балет.
 Театра злой законодатель,
 Непостоянный обожатель
 Очаровательных актрис,
 Почётный гражданин кулис,
 Онегин полетел к театру,
 Где каждый, вольностью дыша,
 Готов охлопать *entrechat*,
 Обшикать Фэдру, Клеопатру,
 Мойну вызвать (для того,
 Чтоб только слышали его).

проказник (шалун) — *vallatleja, tem-butaja*
 покамест — *пока*
 боливар — шляпа с широкими полями
 брегёт — часы (названы по имени часового мастера Брегёта)
 бобрóвый — *korpanahkne*
 Талон — хозяин ресторана; здесь: модный ресторан
 Кавэрин — приятель Пушкина-лицейста
 пробка — *korq*
 вино кометы — вино 1811 года, времени появления кометы
 брызгать — *pritsima, porskama*
 брызнуть *
 ток — *juga*
roast-beef (ростбиф) — кушанье; мясо, изжаренное особым способом
 трюфли (грибы) — *trüffel*

роскошь — *luksus*
 страсбургский пирог — паштёт; консервы из печёнки, которые приготавливались особым образом в Страсбурге
 нетленный (непортящийся) — *riknematu*
 законодатель — *tooniantja; seaduseandja*
 непостоянный — *truudusetu*
 обожатель (поклонник) — *austaja*
 кулисы — *kulissid*
entrechat (антрашá) — ловкий прыжок вверх
 (об)шикать (шумом выразить неодобрение кому-нибудь) — *välja vilistama*
 Фэдра — героиня трагедии Расина
 Клеопатра — героиня трагедии Корнеля
 Мойна — героиня трагедии Озерова

Театр уж полон; лóжи блещут;
Партёр и кресла — всё кипит;
В райкѣ нетерпеливо плещут,
И, взвѣвшись, занавес шумит.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина, она,
Одною ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эбла,
То стан совѣт, то разовѣт,
И быстрой ножкой ножку бѣт.

XXI

Всѣ хлопают... Онѣгин вхóдит,
Идѣт меж кресел по ногам,
Двойно́й лорнет, скосясь,
наводит

На лóжи незнако́мых дам;
Все ярусы окинул взором,
Всѣ ви́дел: лицами, убором
Ужасно недово́лен он;
С мужчи́нами со всех сторо́н
Расклáнялся, потóм на сцѣну

В большóм рассеяньи взглянул,
Отворотился — и зевнул,
И молвил: «Всех порá на смѣну;
Балѣты долго я терпѣл,
Но и Дидло́ мне надоёл».

XXXV

Что ж мой Онѣгин? Полусонный
В постѣлю с бала ѣдет он;
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробуждѣн.
Встаѣт купец, идѣт разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувши́ном охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Просну́лся утра шум приятный,
Открыты ставни, трубный дым
Столбо́м восходит голубым,
И хлѣбник, немец аккуратный,
В бума́жном колпакѣ, не раз
Уж отворя́л свой *васидас*.

XXXVI

Но, шумом бала утомлённый,
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тенѣ
блаже́нной

раёк — *gõdu*
плещут — аплодируют, рукоплещут
взвиваться (подниматься) — *kerkima*
(*üles*), *tõusma*
взвиться *
смычок — (*viili*)*poogen*
волшебный — *võlu*-
Истомина — фамилия знаменитой
балерины
Эбл — у древних греков бог ветра
стан (талия) — *piht*
(с)вить * — (*kokku*)*keerutama*, *kee-*
gata
(раз)вить * — (*lahti*)*keerutama*
лорнет — складные очки с ручкой
убор — наряд, туалёт
рассеянье — *hajameelsus*
отворотиться (отвернуться *) — *kee-*
gas ära

молвить (сказать) — *lausuma*
Дидло — известный балетмейстер,
постановщик балета
неугомонный — человек, который не
может успокоиться
биржа — уличная стойка извозчи-
ков
охтенка — жительница Охты (район
Петербурга)
хрустеть — *krudisema*
хрустнуть *
ставни — *aknalugid*
колпак — высокая, конусообразная
шапка
васидас — здесь: форточка, через
которую немецкий булочник спра-
шивал: «Что надо?»
обращать *во что?* — *muutma*
обратить *

Забав и роскоши дитя.
Проснётся за-полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.
Но был ли счастлив мой
Евгений,
Свободный, в цвете лучших
лет,
Среди блистательных побед,
Среди всендневных
наслаждений?
Вотще ли был он среди пиров
Неосторожен и здоров?

XXXVII

Нет: рано чувства в нём
остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steak и страсбургский
пирог
Шампанской обливать
бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова:
И хоть он был повеса пылкий,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинёц.

XXXVIII

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому
сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.
Как Child-Harold, утрумый,
томный,
В гостиных появлялся он;
Ни сплетни света, ни бостон,
Ни милый взгляд, ни вздох
нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замечал он ничего.

LIII

Вот наш Онегин сельский
житель,
Заводов, вод, лесов, земель
Хозяин полный, а досель
Порядка враг и расточитель,
И очень рад, что прежний путь
Переменял на что-нибудь.

блаженный (счастливый, радостный)
— õnnis
забава — игра, развлечение
однообразный (одинаковый) — üks-
luine
вотще — вообще
beef-steak (бифштекс) — мясное блю-
до
повеса (бездельник, проказник, ша-
лу́н) — võrukael
брань (война) — sõda
сабля (шашка) — mõõk
свинёц — tina

недуг (болезнь) — haigus
сплин — тоска, скука, хандра
Child-Harold (Чайльд Гарольд) —
разочарованный герой одноимён-
ной поэмы английского поэта Бай-
рона
томный (устало-нежный) — gauge,
õrn, gammestav
гостиная — külalistetuba
сплетни — kuulujutud
бостон — карточная игра
досель — до сих пор
расточитель — pillaja

I

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных

наслаждений

Благословить бы небо мог.
Господский дом уединённый,
Горой от ветров ограждённый,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали села, здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад.
Приют задумчивых дриад.

II

Почтенный замок был построен,
Как замки стробиться должны:
Отменно прочен и спокоен,
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах.
Все это ныне обветшало,
Не знаю, право, почему;
Да, впрочем, другу моему

В том нужды было очень мало,
Затем, что он равно зевал
Средь модных и старинных зал.

III

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей
бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Все было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван
пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил:
В одном нашёл тетрадь

расхода,

В другом наливки целый строй,
Кувшины с яблочной водой,
И календарь осьмого года;
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

IV

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.

благословлять кого? за что? — õnnis-
tama

благословить* (в//вл)

мелькать — vilkuma

мелькнуть*

сени (листвá) — lehestik

запускать — hooletusse jätma

запустить* (ст//ш)

приют — varjupaik

Дриада — у древних греков лесное
божество, родившееся вместе с
деревом и жившее в его листве

замок (дворец) — loss

отменно — очень

прочный (крепкий) — tugev

штофный (шелковый или шерстяной)

— siidist või villasest

изразец — кирпич, покрытый гла-
зурью

(об)ветшать (состариться) — kõdu-
nema, vananema

затем — потому что

покой — комната

старожил — тот, кто давно живёт в
одном и том же месте

ключница — mõisateenija, kes valvab
toidutagavarade üle

браниться (ругаться) — riidlema
(раз)давить — lõmastama, katki pi-
gistama

целый строй — целый ряд

владение — omand

учреждать — looma, korraldama

учредить*

В своей глуши мудрец

Ярём он барщины старинной
Оброком лёгким заменил:
И раб судьбу благословил.
Зато в углу своём надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчётливый сосед.
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так:
Что он опаснейший чудак.

V

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой

Заслышит их домашни дороги —
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с

«Сосед наш неуч; сумасбр-
дит;

Он фармазон; он пьёт одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Всё да, да нет; не скажет

Иль нет-с». Такóв был общй
глас.

VI

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал.
По имени Владимир Ленский,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учёности плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно

странный,
Всегда восторженную речь
И кудри чёрные до плеч.

XI

В пустыне, где один Евгений
Мог оценить его дары,
Господ соседственных селений
Ему не нравились пиры;
Бежал он их беседы шумной.
Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни

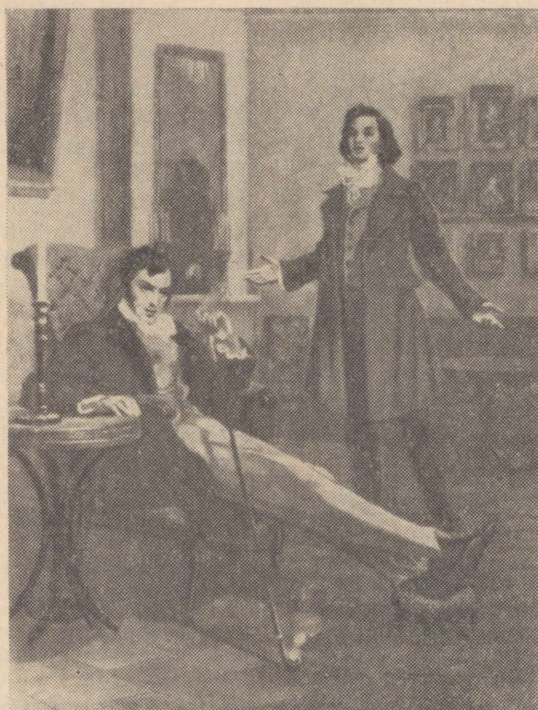
чувством,
Ни поэтическим огнём,
Ни остротою, ни умом,
Ни общежития искусством,
Но разговор их милых жён
Гораздо меньше был умён.

мудрец — tark, filosoof
ярём (ярмо) — ike, orjus
барщина — teoorjus, mõisategu
обрóк — kruntrent, obrok
расчётливый — kaalutlev, arupidav
чудак — veidrik
жеребёц — täkk
дроги (телёга) — vanker
оскорбляться чем? — solvuma
оскорбиться* (б/бл)
неуч (невежда) — необразованный
человек
сумасбрóдить — действовать безрас-
сúдно, по капризу

фармазон — вольнодумец
не подходит к ручке — не целует
руки
(по)давать повод — rõhjust andma
Кант (1724—1804) — немецкий фило-
соф-идеалист
пылкий (способный увлекаться) —
äge, hoogus
восторженный (экзальтированный) —
eksalteeritud, vaimustuv
кудри (локоны) — lokid
дар (талант, способность) — anne
благоразумный — mõistlik
псарня — penila

Богат, хоро́ш собо́ю Лёнский
 Везде́ был при́нят как жени́х;
 Тако́в обыча́й деревёнский;
 Все дочек про́чили сво́их
 За *полурúсского сосе́да*;
 Взойде́т ли он, тотча́с бесе́да
 Заво́дит сло́во стороно́й
 О ску́ке жи́зни холосто́й;
 Зову́т сосе́да к самова́ру,
 А Ду́ня разлива́ет чай,
 Ей шепчу́т: «Ду́ня, Примеча́й!»
 Потом прино́сят и гита́ру:
 И запи́щит она́ (бог мой!):
Приди́ в черто́г ко мне злато́й!..

Но Лёнский, не имев, конечно,
 Охоты́ у́зы бра́ка несть,
 С Оне́гиным желал сердёчно
 Знако́мство покороче́ свесть.
 Они́ сошли́сь. Волна́ и ка́мень,
 Стихи́ и про́за, лёд и пла́мень
 Не столь различны́ меж собо́й.
 Сперва́ взаимной разното́й
 Они́ друг дру́гу бы́ли скучны́;
 Потом понра́вились; потом
 Съезжа́лись ка́ждый день
 верхом,
 И скоро́ ста́ли неразлу́чны.
 Так лю́ди (пе́рвый каю́сь я)
 От де́лать не́чего друзья́.

жени́х — reigmees
 прочи́ть (предсказывать) — ennustata
 черто́г (дворец) — loss

несть узы брака — быть жена́тым
 свесть покороче́ знако́мство — лучше,
 ближе познако́миться
 разнота́ (различие) — erinevus

Он слушал Ленского с
 улыбкой:
 Поэта пылкий разговор,
 И ум, ещё в суждениях
 зыбкий,
 И вечно вдохновленный взор, —
 Онегину всё было ново;
 Он охлаждающее слово
 В устах старался удержать
 И думал: глупо мне мешать
 Его минутному блаженству;
 И без меня пора придёт;
 Пускай покамест он живёт
 Да верит мира совершенству;
 Простим горячке юных лет
 И юный жар, и юный бред.

XXI

Чуть отрок, Ольгою пленённый,
 Сердечных мук ещё не зная,
 Он был свидетель умилённый
 Её младенческих забав;
 В тени хранительной дубравы
 Он разделял её забавы,
 И детям прочили венцы
 Дружья-сосёды, их отцы.
 В глуши, под сению смиренной,
 Невинной прелести полная,
 В глазах родителей, она
 Цвела как ландыш потаённый,
 Незнаемый в траве глухой
 Ни мотыльками, ни пчелой.

зыбкий (нетвёрдый) — kõikuv
 вдохновлённый — hingestatud
 совершенство — täiuslikkus
 охлаждающий — jahutav
 уста (губы, рот) — huuled
 горячка (жар) — palavik
 бред — sonimine
 отрок (мальчик) — poiss, nooruk
 пленённый — vangistatud; võlutud
 мýка — piin
 умилённый — heldinud
 младенческий (детский) — lapsepõl-
 ve-
 забава (развлечение, игра) — meele-
 lahutus

Всегда скромна́, всегда
 послушна,
 Всегда как утро весела́,
 Как жизнь поэта простодушна,
 Как поцелуй любви мила́;
 Глаза как небо голубые,
 Улыбка, локоны льняные,
 Движенья, голос, лёгкий стан,
 Всё в Ольге... но любой роман
 Возьмите, и найдёте верно
 Её портрет: он очень мил;
 Я прежде сам его любил,
 Но надоёл он мне безмерно.
 Позвольте мне, читатель мой,
 Заняться старшею сестрой.

XXV

Итак, она́ звалась Татьяной.
 Ни красотой сестры своей,
 Ни свежестью её румяной
 Не привлекла б она́ очей.
 Дика́, печальна, молчалива,
 Как лань лесная боязлива,
 Она́ в семье своей родной
 Казалась девочкой чужой.
 Она́ ласкаться не умела
 К отцу́, ни к матери своей;
 Дитя́ сама, в толпе детей
 Играть и прыгать не хотела
 И часто, целый день одна,
 Сидела молча у окна́.

дубрава — tammik
 прочить венцы — ennustama abielu
 невинный — süutu
 ландыш — maikelluke
 потаённый (спрятанный) — peidetud
 мотылёк (бабочка) — liblikas
 простодушный — lihtsameelne
 льняной — linane, hele
 безмерно — очень
 привлекать — meelitama
 привлечь*
 очи (глаза) — silmad
 лань — emahirv
 (по)ласкаться — õrnutsema
 дитя — rebёнок

XXVI

Задумчивость, её подруга
 От самых колыбельных дней,
 Теченье сельского досуга
 Мечтами украшала ей.
 Её изнеженные пальцы
 Не знали игл; склоняясь на
 пядьцы,
 Узбором шелковым она
 Не оживляла полотна.

XXVII

Но куклы даже в эти годы
 Татьяна в руки не брала;

Про вести города, про моды
 Беседы с нею не вела,
 И были детские проказы
 Ей чужды; страшные рассказы
 Зимой, в темноте ночей,
 Пленяли больше сердце ей.
 Когда же няня собирала
 Для Ольги на широкий луг
 Всех маленьких её подруг,
 Она в горелки не играла.
 Ей скучен был и звонкий смех,
 И шум их ветреных утех.

задумчивость — mõtlikkus
 досуг — свободное от работы время
 изнеженный (нежный) — õrn
 игла (игёлка) — nõel
 пядьцы — väljaõmblemisraam
 полотно — linane riie
 проказы (шалости) — vallatused

пленять — vangistama
 пленить*
 играть в горелки — mängima «tagu-
 mist paari»
 ветренный — kergemeelne
 утеха (развлечение) — meelelahutus

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И, вестник утра, ветер веет,

И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает
И доле в празднои тишине,
При туманной луне,
Восток ленивый почивает,
В привычный час пробуждена,
Вставала при свечах она.

Глава третья.

Elle était fille, elle était amoureuse
*Malfilâtre*¹

I

«Куда? Уж эти мне поэты!» —
«Прощай, Онегин, мне пора». —
«Я не держу тебя; но где ты
Свой проводишь вечера?» —
«У Лариных». — «Вот это
чуждо.

Помилуй! И тебе не трудно
Там каждый вечер
убивать?» —

«Нимало». — «Не могу понять.
Отселе вижу, что такое:
Во-первых (слушай, прав ли
я?),

Простая, русская семья,
К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лён, про скот-
ный двор...» —

II

«Я тут ещё беды не вижу». —
«Да скука, вот беда, мой
друг». —
«Я модный свет наш ненавижу;
Милее мне домашний круг,
Где я могу...» — «Опять
эклога!

Да полно, милый, ради бога.
Ну что ж? ты едешь: очень
жаль.

Ах, слушай, Ленский; да
нельзя ль

Увидеть мне Филлиду эту,
Предмет и мыслей, и пера,
И слёз, и рифм et cetera?

Представь меня». — «Ты шу-
тишь?» —
«Нету».

«Я рад». — «Когда же?» —
«Хоть
сейчас.

Они с охотой примут нас.

предупреждать — ennetama
предупредить* (д/жд)
небосклон — taevaaloetus, taevavõlv
хоровод — ringmäng
вестник — sõnumitooja, teataja
(по)везать — puhuma
доле — дольше
обладать чем? — omandama
почивать (отдыхать) — puhkama
привычный — tavaline, harilik
при свечах — küünlavalgusel

отселе — отсюда
усердие — püüdlikkus
скотный двор — loomalaut
эклога — вид старинных стихотворе-
ний, посвящённых деревенской жиз-
ни
Филлида — имя пастушки, героини
древнегреческой эклоги
et cetera (эт сетера) — и так далее
с охотой (охотно, с удовольствием)
— hea meeleaga

¹ Она была девушка, она была влюблена. Мальфилатр.

Поедем». —

Поскакали други,
Явились; им расточены
Порой тяжёлые услуги
Гостеприимной старины.
Обряд известный угощения:
Несут на блюдечках варенья,
На столик ставят вошаной
Кувшин с брусничною водою.

IV

Они дорогой самой краткой
Домой летят во весь опор.
Теперь послушаем украдкой
Гербов наших разговор. —
«Ну, что ж, Онегин? Ты
зевáешь». —
«Привычка, Ленский». — «Но
скучаешь
Ты как-то больше». — «Нет,
ровно,
Однако в поле уж темно;
Скорей! пошёл, пошёл,
Андрюшка!
Какие глупые места!
А кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мне не надделала б вреда».

Скажи: котóрая Татьяна?» —
«Да та, котóрая грустна
И молчалива, как Светлана,
Вошла и села у окна». —
«Неужто ты влюблён в мень-
шую?» —
«А что?» — «Я выбрал бы дру-
гую,
Когда б я был, как ты, поэт.
В чертах у Ольги жизни нет,
Точь-в-точь в Вандиковой Ма-
донне».

Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.
Владимир сухо отвечал
И после во весь путь молчал.

VI

Меж тем Онегина явленье
У Лариных произвело
На всех больше впечатленье
И всех соседей развлекло.
Пошла догадка за догадкой.
Все стали толковать украдкой,
Шутить, судить не без греха,
Татьяне прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсем,
Но остановлена затем,
Что модных колец не достали.
О свадьбе Ленского давно
У них уж было решено.

расточать — pillama, gaiskama
расточить*
гостеприимный — külalislahke
обряд — kombetalitus, tavand
угощение — kostitamine
вошаной (натёртый воском) — vaha-
tatud
во весь опор — во весь дух, очень
быстро
украдкой (тихонько) — salaja
надделать вредá — kahjustama

Светлана — героиня баллады Жу-
ковского «Светлана», образ мечта-
тельной девушки
Мадонна Вандика — изображение
мадонны знаменитого голландского
художника Ван-Дейка (1599—1641)
догадка (предположение) — oletus
прочить жениха (предсказывать же-
ниха) — ennustama peigmeest
свадьба — pulmad

Татьяна слѣшала с досадой
 Такие сплетни; но тайком
 С неизяснимою отрадой
 Небольно думала о том;
 И в сердце дума заронилась;
 Пора пришла, она влюбилась.
 Так в землю падшее зерно
 Весны огнём оживлено.
 Давно её воображенье,
 Сгорая негой и тоской,
 Алкало пищи роковой;
 Давно сердечное томленье
 Теснило ей младую грудь;
 Душа ждала... кого-нибудь...

VIII

И дождалась. Открылись очи;
 Она сказала; это он!
 Увы! теперь и дни, и ночи,
 И жаркий одинокий сон,
 Всё полно им; всё деве милой
 Безумолку волшебной силой
 Твердит о нём. Докучны ей
 И звуки ласковых речей,
 И взор заботливой прислуги.
 В уныние погружена,
 Гостей не слушает она
 И проклиняет их досуги,
 Их неожиданный приезд
 И продолжительный присест.

Татьяна, милая Татьяна!
 С тобой теперь я слёзы лью;
 Ты в руки модного тирана
 Уж отдала судьбу свою.
 Погибнешь, милая; но прежде
 Ты в ослепительной надежде
 Блаженство тёмное зовёшь,
 Ты негу жизни узнаёшь,
 Ты пьёшь волшебный яд желаний,
 Тебя преследуют мечты:
 Везде воображаешь ты
 Приюты счастливых свиданий;
 Везде, везде перед тобой
 Твой искунитель роковой.

XVI

Тоска любви Татьяну гонит,
 И в сад идёт она грустить...
 И вдруг недвижны очи клонит,
 И лень ей далее ступить.
 Приподнялась грудь, ланиты
 Мгновенным пламенем покрыты,
 Дыханье замерло в устах,
 И в слухе шум, и блеск в очах...
 Настанет ночь; луна обходит

с досадой — rahameelega
 сплетни — kuulujutud
 неизяснимый — необьяснимый
 отрада — радость
 падшее — упавшее
 нега (ласка, блаженство) — hurm,
 hellus
 алкать (жаждать) — jапunema
 томленье — igatsus
 (с)теснить — аngistama
 очи — глаза
 докучны — скучны
 прислуга — teenijaskond
 уныние — грусть, тоска
 погружать — sukeldama
 погрузить *

проклипать — needma
 проклясть *
 присест — külasviibimine, istumine
 ослепительный — pimestav
 яд — mürk
 свидание — kokkusaamine
 искунитель — ahvatleja
 роковой — saatuslik
 недвижимый (неподвижный) — liikumatu
 клонить (опускать) — langetama
 ланиты (щёки) — põsed
 замереть — tarduma
 замирать *

Дозóром дáльный свод небéс,
И словéй во мгле дрéвeс
Напéвы звúчные завóдит.
Татьяна в темнóтe не спит
И тíхо с няней говорít:

XVII

«Не спится, няня: здесь так
душно!

Открóй окнó да сядь ко
мне». —

«Что, Таня, что с тобой?» —
«Мне скучно,

Поговорím о старинé». —
«О чём же, Таня? Я бывáло

Хранила в памяти не мало
Старинных былей, небылиц

Про злых духóв и про девиц;
А нынче всё мне тёмно, Таня:

Что знала, то забýла. Да,
Пришлá худáя чередá!

Зашибло...» — «Расскажи мне,
няня,

Про ваши старые годá:
Былá ты влюбленá тогда?» —

XVIII

«И, пóлно, Таня! В эти лéта
Мы не слышали про любóвь;

А то бы согналá со света
Меня покойница свекрóвь». —

«Да как же ты венчáлась,
няня?» —

«Так, видно, бог велел.

Мой Ваня
Мóложе был меня, мой свет,
А было мне трина́дцать лет.

Недéли две ходила сваха
К моей роднé, и наконец
Благословил меня отец.

Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели,
Да с пеньем в церковь

повели.

XIX

И вот ввели в семью чужую...
Да ты не слушаешь меня...» —

«Ах, няня, няня, я тоскую,
Мне тошно, милая моя:

Я плакать, я рыдáть гóтова!...»
«Дитя моё, ты нездорóва;

Господь помíлуй и спасí!
Чего ты хочешь, попросí!..

Дай окроплю свято́й водою,
Ты вся горíшь...» — «Я не

больнá:

Я... знаешь, няня... влюбленá.
«Дитя моё, господь с тобою!» —

И няня девушку с мольбóй
Крести́ла дряхлюю руко́й.

XX

«Я влюбленá», — шептала
снова

Старушке с горестью она.

дозóр — обход для осмотра
свод небéс (небосвод) — taevalao-
tus
во мгле дрéвeс — в листьe дерéвьев
напéв (мелодия) — viis
душно — lámmatav
быль — tósilugu
небылица — olematu asi
дúхи — vaimud
чередá (очередь) — järjekord, kord
зашибло — забылось
покойница — surpu

свекрóвь — ämm
(по)венчáться — laulatama
сваха — kosjasobitaja
церковь — kirik
(за)рыдáть — nuuksuma, nutma
окроплáть чем? — piserdama
окропíть* (п/пл)
мольбá — palve
дряхлýй (старый) — vana
горесть (чувство печáли) — mure,
kurbus

«Сердечный друг, ты нездоровъ». —

«Оставь меня: я влюбленá». —
И между тем луна сияла
И томным светом озаряла
Татьяны бледные красы,
И распущенные власы,
И капли слез, и на скамейке
Пред героиней молодой,
С платком на голове седой,
Старушку в длинной
телогрейке;
И всё дремало в тишинé
При вдохновительной лунé.

XXI

И сердцем далекó носилась
Татьяна, смóтря на луну...
Вдруг мысль в умé её родилась...
«Подí, оставь меня одну.
Дай, няня, мне перó, бумагу
Да стол подвинь; я скоро лягу;
Простí». И вот она одна.
Всё тихо. Светит ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишет,
И всё Евгéний на умé,
И в необдуманном письмé
Любóвь невинной дéвы дышит.
Письмó гóтovo, сложенó...
Татьяна! для когó ж онó?

XXXI

Письмó Татьяны предо мною;
Егó я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умилный вздор,
Безумный сердца разговор
И увлекательный и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живою картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц:

Письмо Татьяны к Онегину.

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Повéрьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши
речи,

томный (устало-нежный) — õgn
озарять (освещать) — valgustama
озарить *

красá — красотá
распускáть — lahti ripuma
распустить *

власы — волосы
телогрейка — женская тёплая кофта
без рукавóв

вдохновительный — hingestatud
подвигáть — nihutama
подвинуть *

облокáчиваться — toetuma küünarnu-
kile

облокотиться *
свято — pühalikult
начинаться — lugema külluseni
небрежность — hooletus
умилный — heldinud
Фрейшиц (или «Волшебный стрелок») — опера композитора Вебера, создавшая ему мировое имя
презренье — põlastus

Вам слово молвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой
встречи.

Но говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне всё вам
скучно,

А мы... ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады простодушно.
Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья,
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как
знать?),

По сердцу я нашлá бы друга,
Была бы верная супру́га
И добродетельная мать.
Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж

мил,
Твой чудный взгляд меня
томил,

В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошёл, я вмиг узнала,
Вся обомлела, заплыла

И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой улаждала
Тоску волнүемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте

мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и

любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли
хранитель,

Или коварный искуcитель:
Мои сомненья разреши.
Быть может, это всё пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слёзы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи,
Иль сон тяжёлый перерви,
Увы, заслуженным укором!
Кончаю! страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукóй ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

нелюдимый — любящий одиночество,
угрюмый
глушь — место, отдалённое от цент-
ров культурной и общественной
жизни
смирять — vaigistama, rahustama
смирить*
супруга (женá) — abikaasa, abielu-
paine
залог — pant
хранитель — kaitsja, hoidja
сновиденье (сон) — unenägu

незримый — nähtamatu
(обо)млеть — nõrkema, kohmetuma
улаждать — kosutama
уладить*
прозрачный — läbipaistev
приникать к чему? — end vastu su-
guma
приникнуть*
изголовье — peats
коварный — salakaval
искуcитель — ahvatleja
порукá — tagatis

Ты зна́ешь, непоня́тна я...
 Да что ж ты сно́ва
 побледне́ла?» —
 «Так, ня́ня, пра́во ниче́го.
 Пошли́ же вну́ка свое́го».

XXXVI

Но день протёк, и нет ответа.
 Другой настал; всё нет, как
 нет.

Бледна́, как тень, с утра одёта,
 Татьяна ждёт: когда ж ответ?
 Приехал Ольгин обожа́тель.
 «Скажите: где же ваш
 прия́тель? —
 Ему вопро́с хозяйки был. —
 Он что-то нас совсем забыл».
 Татьяна, вспыхнув, задрожала.
 «Сегодня́ быть он обещал, —
 Старушке Ленский отвечал, —
 Да, видно, почта
 задержала». —
 Татьяна потупи́ла взор,
 Как будто слы́ша злой укóр.

XXXVII

Смерка́лось; на столе, блиста́я,
 Шипе́л вече́рний самова́р,
 Кита́йский чайник нагрева́я;
 Под ним клуби́лся лёгкий пар.
 Разли́тый Ольгиной руко́ю,
 По чашкам те́мную струёю

Уже души́стый чай бежал,
 И сливки мальчик подава́л;
 Татьяна пред окном стоя́ла,
 На стёкла хладные дыша́,
 Задума́вшись, моя́ душа,
 Преле́стным пальчи́ком писа́ла
 На отуманенном стекле́
 Заветный вензель *O* да *E*.

XXXVIII

И ме́жду тем душа́ в ней ны́ла,
 И слёз был по́лон то́мный взор.
 Вдруг то́пот!.. кровь её
 засты́ла.
 Вот бли́же! ска́чут... и на двор
 Евге́ний! «Ах!» — и лёгче те́ни
 Татья́на прыг в други́е се́ни,
 С крыльца́ на двор, и пра́мо в
 сад,
 Летит, летит; взгляну́ть наза́д
 Не сме́ет; ми́гом обежа́ла
 Курти́ны, мо́стики, лужо́к,
 Аллею́ к о́зеру, лесо́к,
 Кусты́ сире́н переломáла,
 По цветника́м летя́ к ручью́,
 И, зады́хаясь, на скамы́ю

XXXIX

Упа́ла...
 «Здесь он! здесь Евге́ний!
 О бо́же! что подумал он!»
 В ней се́рдце, по́льное муче́ний,

протекать (проходить) — mööduma,
 läbi voolama
 протечь* (пройти)
 обожа́тель (покло́нник) — austaja
 потупля́ть (взор) — langetama (pil-
 ku)
 потупи́ть*
 укóр — etteheide
 (за)шипеть — susisema
 (за)клуби́ться — pilvena keerlema
 отумани́вать — ähmaseks, uduseks
 tegema
 отумани́ть*
 заветный — salajane, palavasti ihal-
 datud

вензель — инициáлы, краси́во напи-
 санные и соединённые между со-
 бой; инициáлы — нача́льные буквы
 имени и фами́лии
 (за)ны́ть — valutama
 застыва́ть — tarduma
 засты́ть*
 курти́на — садовая грядка с цвета-
 ми; клумба
 цветни́к — грядка с цветами
 зады́хаться — hingetuks muutuma,
 hingeldama, lämbuma
 задохну́ться*

Хранит надежды тёмный сон;
Она дрожит и жаром пышет,
И ждёт: нейдет ли? Но не

слышит,

В саду служанки, на грядках,
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели
И пеньем были заняты:
Затя сельской остроты!)

XL

Они поют, и с небреженьем
Внимая звонкий голос их,
Ждала Татьяна с нетерпеньем,
Чтоб трепет сердца в ней затих,
Чтобы прошло ланит пыланье.
Но в персях то же трепетанье,

И не проходит жар ланит,
Но ярче, ярче лишь горит.

XLI

Но наконец она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
В аллею, прямо перед ней,
Блестая взорами, Евгений
Стоит, подобно грозной тени,
И, как огнём обожжена,
Остановилась она.
Но следствия нежданной

встречи

Сегодня, милые друзья,
Пресказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять и отдохнуть:
Докончу после как-нибудь.

Глава четвертая.

La morale est dans la nature des choses.¹
Necker.

XI

Но, получив посланье Тани,
Онэгин живо тронут был:
Язык девических мечтаний
В нём думы роём возмутил;
И вспомнил он Татьяны милой
И бледный цвет и вид унылый;
И в сладостный, безгрешный
сон

Душою погрузился он.
Быть может, чувствий пыл
старинный
Им на минуту овладел;
Но обмануть он не хотел
Довёрчивость души невинной.
Теперь мы в сад перелетим,
Где встретила Татьяна с ним.

сон

пышет — hõögub, õhkub
по наказу (по приказанию) — käsu
peale
уста (губы, рот) — huuled
лукавый (хитрый) — kelm, kaval
затя — mõte, riugas
острота — teravmeelsus
с небреженьем (без внимания) —
внимать (слушать) — kuulama

трепет (дрожание) — värin
ланиты (щёки) — põsed
перси (грудь) — rind
следствие (последствие) — tagajärg
посланье — письмо
рой — sülem
погружаться во что? — sukelduma
погрузиться*
пыл (жар) — kuumus

¹ Нравственность в природе вещей. Некер.

Минуты две они молчали,
 Но к ней Онегин подошёл
 И молил: «Вы ко мне писали,
 Не отпирайтесь. Я прочёл
 Души доверчивой признанья,
 Любви невинной излиянья;
 Мне ваша искренность мила,
 Она в волненье привела
 Давно умолкнувшие чувства;
 Но вас хвалить я не хочу;
 Я за неё вам отплачу
 Признаньем также без

искусства;
 Примите исповедь мою:
 Себя на суд вам отдаю.

XIII

Когда бы жизнь домашним
 Я ограничить захотёл;
 Когда б мне быть отцом,

супругом
 Приятный жребий повелёл;
 Когда б семейственной

картиной
 Пленился я хоть миг единый, —
 То верно б кроме вас одной
 Невесты не искал иной.
 Скажу без блёсток

мадригальных:
 Нашед мой прежний идеал,
 Я верно б вас одну избрал

В подружки дней моих
 печальных,
 Всего прекрасного в залог,
 И был бы счастлив... сколько
 мог!

XIV

Но я не создан для блаженства;
 Ему чужда душа моя;
 Напрасны ваши совершенства:
 Их вовсе недостойн я.
 Поверьте (совесть в том

поручкой),
 Супружество нам будет мукой.
 Я, сколько ни любил бы вас,
 Привыкнув, разлюблю тотчас;
 Начнёте плакать: ваши слёзы
 Не тронут сердца моего,
 А будут лишь бесить его.
 Судите ж вы, какие розы
 Нам заготовит Гименей
 И, может быть, на много дней!

XV

Что может быть на свете хуже
 Семьи, где бедная жена
 Грустит о недостойном муже
 И днём и вечером одна;
 Где скучный муж, ей цену зная
 (Судьбу однако ж проклиная),
 Всегда нахмурен, молчалив,
 Сердит и холодно-ревнив!
 Таков я. И того ль искали

молвить (сказать) — lausuma
 отпирается от чего? — tagasi ajama
 отперётся*
 излияние — (südame) puistamine
 искренность — siirus
 исповедь — pihtimus
 ограничивать чем? — piigama
 ограничить*
 супруг — abikaasa
 жребий — loos
 плениться — end võluda laskma
 невеста — pruut
 мадригальный (хвалебный) — kiidu-

залог — pant
 блаженство — nauding
 совершенство — täiuslikkus
 недостойный — pole väärt
 поручка — tagatis
 супружество (брак) — abielu
 (вз)бесить — vihastama
 Гименей — бог брака по верованию
 древних
 проклинать — needma
 проклясть*
 (на)хмуриться — kulmu kortsutama
 ревнивый — armukade

Вы чистой, пламенной душой,
 Когда с такою простотой,
 С таким умом ко мне писали?
 Ужели жребий вам такой
 Назначен строгою судьбой?

XVI

Мечтам и годам нет возврата;
 Не обновлю души моей...
 Я вас люблю любовью брата
 И, может быть, ещё нежней.
 Послушайте ж меня без гнева:
 Сменит не раз младая дева
 Мечтами лёгкие мечты;

Так деревцо свои листы
 Меняет с каждою весною.
 Так видно небом суждено.
 Полюбите вы снова: но...
 Учитесь властвовать собою;
 Не всякий вас, как я, поймёт;
 К беде неопытность ведёт».

XVII

Так проповедовал Евгений.
 Сквозь слёз не видя ничего,
 Едва дыша, без возражений,
 Татьяна слушала его...

жребий — loos
 возврат (возвращение) — tagasi
 pöördumine
 обновлять — uuendama
 обновить*
 сменять — vahetama
 сменить*

младая дева — молодая девушка
 листы — листья
 (по)властвовать кем? — valitsema
 неопытность — kogematus
 проповедовать — jutlustama
 возражение — vasturääkimine, vastu-
 väide

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана!

Жуковский.

I

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись
рано,

В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Все ярко, все бело кругом.

II

Зима!.. Крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке.
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегаёт дворовый мальчик,
В салазки Жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалу́н уж заморозил пальчик:

Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

IV

Татьяна (русская душою),
Самá не зная, почему
С её холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнце иней в день
морозный,
И сани, и зарёю поздней
Сиянье розовых снегов,
И мглу крещенских вечеров.
По старине торжествовали
В их доме эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своих гадали
И им сулили каждый год
Мужьев военных и поход.

V

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Её тревожили приметы;
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,

узор (рисунок) — muster
сорока — harakas
устилать чем? — katma
устлать*
дровни — regi
бразда (борозда) — vagu
облучок — rukk
салазки — санки
(по)грозить — ähvardama

иней — härmatis
мгла (темнота) — pimedus
крещенский вечер — kolmekuninga-
päeva eelõhtu (5. jaanuaril)
торжествовать — здесь: праздновать
(по)сулить — lubama
мужьев — мужей
преданье (легенда) — muistend
примета — tunnus

Предчувствия теснили грудь.
Жеманный кот, на печке сядя,
Мурлыча, лапкой рыльце мыл:
То несомненный знак ей был,
Что едут гости. Вдруг увидя
Младой двурогий лик лунный
На небе с левой стороны,

VI

Она дрожала и бледнела.
Когда ж падучая звезда
По небу тёмному летела
И рассыпалась, — тогда
В смятении Таня торопилась
Пока звезда ещё катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случилось где-нибудь
Ей встретить чёрного монаха,
Иль быстрый заяц меж полей
Перебежал дорогу ей, —
Не зная, что начать со страха,
Предчувствий горестных полна,
Ждала несчастья уж она.

VII

Что ж? Тайну прелесть
находила
И в самом ужасе она:
Так нас природа сотворила,
К противоречию склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадает ветренная младость,

Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светлая, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Всё потеряв невозвратимо;
И всё равно: надежда им
Лжёт детским лепетом своим.

X

Татьяна, по совету няни
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;
Но стало страшно вдруг
Татьяне...
И я — при мысли о Светлане
Мне стало страшно — так и
быть...
С Татьяной нам не ворожить.
Татьяна поясок шелковый
Сняла, разделась и в постель
Легла. Над нею вьётся Лель,
А под подушкой пуховой
Девичье зеркало лежит.
Утихло всё. Татьяна спит.

XI

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она

предчувствие — eelaimdus
теснить (грудь) — ängistama
жеманный (кокетливый) — peenut-
sev
рыльце — koonuke
лик — лицо
падучий (падающий) — langev
смятение — hämmeldus
монах — munk
горестный — грустный
ужас — õudus
противоречие — vasturääkivus
святки — jõuluaeg kuni kolmekunin-
garäevani

ветренный — kergemeelne
необозримый — нельзя окинуть
взглядом
у гробовой доски — незадолго до
смерти
(со)лгать — valetama
лепет — vadistamine, lallutus
(по)ворожить (гадать) — nõiduma,
ennustama
накрыть стол на два прибора — katta
laud kahele inimesele
Лель — бог любви в славянской ми-
фологии

Идёт по снеговóй поляне,
 Печальной мглой окружена́;
 В сугрóбах снежных перед нею
 Шумит, клубит волно́й своею
 Кипучий, тёмный и седой
 Поток, не скованный зимой;
 Две жёрдочки, склеены

льдиной,
 Дрожа́щий, гибельный мосто́к,
 Положены через пото́к:
 И пред шумя́щею пучи́ной,
 Недоуме́ния полно́а,
 Останови́лася она.

XII

Как на доса́дную разлу́ку,
 Татьяна ропшет на ручей;
 Не видит никого, кто руку
 С той стороны пода́л бы ей;
 Но вдруг сугрób зашевели́лся,
 И кто ж из-под него яви́лся?
 Большо́й, взёрóшенный

медве́дь;
 Татьяна *ах!* а он реве́ть,
 И лапу с острыми когтя́ми
 Ей протяну́л: она скрепя́сь
 Дрожа́щей ручко́й оперла́сь
 И боязли́выми шага́ми
 Перебрала́сь через ручей;
 Пошла — и что ж? медведь за
 ней.

XIII

Она, взгляну́ть назад не сме́я,
 Поспéшный ускоря́ет шаг;
 Но от косма́того лаке́я
 Не может убежа́ть никак;
 Кряхтя́, валит медведь

несно́сный;
 Пред ними лес; недви́жны

сосны
 В своей нахму́ренной красе;
 Отягчены́ их ветви все
 Клока́ми снега; сквозь

верши́ны
 Осин, берёз и лип наги́х
 Сияет луч светил noctных;
 Доро́ги нет; кусты, стремни́ны
 Метелью все занесены́,
 Глубо́ко в снег погружены́.

XIV

Татья́на в лес; медве́дь за нею;
 Снег рыхлы́й по колéно ей;
 То дли́нный сук её за шею
 Заце́пит вдруг, то из уше́й
 Златые се́рьги вы́рвет си́лой;
 То в хрупко́м сне́ге с но́жки

ми́лой
 Увя́знет мо́крый башмачо́к;
 То вы́ронит она́ плато́к;
 Подня́ть ей неко́гда; бо́ится,

кипучий — kobrutav
 седой — siin: vahust hall
 поток (ручей) — oja
 (с)ковать — aheldama
 жёрдочка — latike
 (с)клеить — kleepima (kokku)
 гибельный — hukutav
 пучина — kuristik, neelukoht
 недоумение — nõutus
 (за)ропта́ть на кого? на что? — pu-
 risema
 взёрóшенный (лохматый) — puls-
 tunud karvaga
 (за)реве́ть — mõigama
 (с)крепиться — südant rindu võtma
 опира́ться на что? — toetuma
 опере́ться *

поспéшный (быстрый) — kiire
 косма́тый (лохматый, взёрóшенный)
 — pika sassis karvaga
 несно́сный — talumatu
 кло́к снега — (lume) tort
 осина — haab
 нагой (голый) — paljas, lehtedeta
 стремни́на — круча, обрыв, пропасть
 метель (вьюга) — tuisk
 рыхлы́й — kobe
 сук, сучья — oks, oksad
 се́рьги — kõrvarõngad
 хрупкий — õrn, kergesti murduv
 (у)вя́знуть * — kinni jääma
 башмачо́к (туфель) — kingake

Медвѣдя слышит за собой,
И да́же трѣпетной рукой
Оде́жды край подня́ть
сты́дится;

Она́ бежи́т, он всё восле́д,
И сил уже́ бежа́ть ей нет.

XV

Упа́ла в снег — медвѣдь
проворо́но
Её хвата́ет и несёт;
Она́ бесчу́вственно-поко́рна,
Не шевельнё́тся, не дохнё́т;
Он мчит её лесно́й доро́гой;
Вдруг — меж дере́в шала́ш
убо́гий;
Круго́м всё глушь; отвсю́ду он
Пусты́нным сне́гом занесе́н,
И я́рко све́тится око́шко,
И в шалаше́ и крик, и шум;
Медвѣдь промолвил: «Здесь
мой кум:
Погре́йся у него́ немно́жко!»
И в сѣни пра́мо он иде́т
И на поро́г её кладёт.

XVI

Опо́мнилась, глядит Татьяна:
Медвѣдя нет; она в сѣнях;
За дверью крик и звон стака́на,

Как на больших похорона́х;
Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихо́нко в щёлку,
И что же! видит ... за столом
Сидят чудовища кругом;
Один в ро́гах с соба́чьей

мордой,

Другой с пету́шьей голово́й,
Здесь ведьма с козье́й боро́дой,
Тут о́стов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужура́вль и полукот.

XVII

Ещё страшней, ещё чуднее:
Вот рак верхом на пауке,
Вот череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке,
Вот мельница вприсядку
пляшет
И крыльями трещит и машет;
Лай, хохот, пенье, свист и
хлоп,
Людская молвь и конский топ!
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала меж гостей
Того, кто мил и страшен ей, —
Геро́я нашего романа;
Онегин за столом сидит
И в дверь укра́дкою глядит.

(по)сты́диться — häbenema
проворо́но — быстро, поспѣшно
(по)мча́ть — tormama
шала́ш — hagudest onn
кум — vader
поро́г — lävi
опо́мниться (прийти в созна́ние, прийт́и в себя) — meelemärkusele tulema
сени (коридор) — esik, koridor
похороны — matused, peied
щёлка (щель) — pragu
чудовища — koletis, peletis, imeelukas
морда — кооп
пету́шья голова́ — голова́ петуха́

ведьма — põid
о́стов (скелет) — luukere
чопорный (неестественно строгий в поведе́нии) — väiklaselt täpne, pedantne
карла (карлик) — kääbus
паук — ämblik
череп — pealuu
колпа́к — высокая остроконечная шапка
мельница — veski
вприсядку — kükakil (tantsima)
хлоп (хлопанье) — plaksutamine
молвь (разговóр) — kõne, gääkimine
топ (топот) — plagin
укра́дкою (тайно) — vargsi

XVIII

Он знак подаёт: и все
хлопочут;
Он пьёт: все пьют и все кричат;
Он засмеётся: все хохочут;
Нахмурит брови: все молчат;
Он там хозяин, это ясно:
И Тане уж не так ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь...
Вдруг ветер дунул, загашая
Огонь светильников ночных;
Смутилась шайка домовых;
Онегин, взорами сверкая,
Из-за стола гремя встаёт;
Все встали: он к дверям идёт.

XIX

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бежать:
Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может; дверь толкнул
Евгений:
И взорам адских привидений
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; очи всех,
Копыты, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,

Рогá и пальцы костяные,
Всё указует на неё,
И все кричат: моё! моё!

XX

Моё! сказал Евгений грóзно,
И шайка вся сокрылась вдруг;
Осталась во тьме морóзной
Младая дева с ним сам-друг,
Онегин тихо увлекает
Татьяну в угол и слагает
Её на шаткую скамью
И клонит голову свою
К ней на плечо; вдруг Ольга
входит,
За неё Лёнский; свет блеснул;
Онегин руку замахнул
И дико он очами бродит,
И незванных гостей бранит;
Татьяна чуть жива лежит.

XXI

Спор громче, громче; вдруг
Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Повёржен Лёнский; страшно
тени
Сгустились; нестерпимый крик
Раздался... хижина шатну-
лась...
И Тана в ужасе проснулась...

подавать знак кому? — märku andma
подать *
(за)хлопотать (т/ч) — askeldama
(за)гасить (с/ш) — kustutama
светильник — lamp, rasvalamp, val-
guseallikas
шайка — jõuk
домовой — живущий в доме дух
(за)гремять — müristama, kolistama
силиться (стараться) — püüdma
привидение — viirastus, kummitus
ярый (полный гнева) — äge
копыто, копыта — kabi, kabjad
хобот — lont
клык — kihv

указует (указывает) — näitab, osu-
tab
сам-друг — здесь: Онегин
слагать (класть) — rapema
шаткий — kõikuv
скамья (скамейка) — lai pink
дико — metsikult
(за)бранить (ругать) — sõimama,
riidlema
повёржен — убит
сгущаться — tihenema
сгуститься* (ст//ш)
нестерпимый — väljakannatamatu
шататься — kõjkuma
шатнуться*

Гляди́т, уж в ко́мнате светло́;
 В окне́ сквозь ме́рзлое стекло́
 За́ри багря́ный луч игра́ет;
 Дверь отвори́лась. Ольга к ней,
 Авро́ры се́верной але́й
 И ле́гче ла́сточки, влета́ет;
 «Ну, — говори́т, — скажи́ ж
 ты мне,
 Кого́ ты ви́дела во сне?»

XXV

Но вот багря́ною руко́ю
 За́ря от утренних доли́н
 Выводи́т с солнцем за собою
 Весёлый праздни́к именíи.
 С утра́ дом Лариных гостя́ми
 Весь полон; целыми семья́ми
 Соседи́ съехались в вокза́х,
 В киби́тках, в бричках и в
 саня́х.
 В пе́редней толкотня́, трево́га;
 В гости́ной встреча́ но́вых лиц,
 Лай мосе́к, чмокание́ деви́ц,
 Шум, хохот, давка́ у поро́га,
 Покло́ны, шарканье́ госте́й,
 Корми́лиц крик и плач дете́й.

XXVI

С своёй супру́гою доро́дной
 При́ехал толстый Пустяко́в;

Гвозди́н, хозя́ин превосхо́дный,
 Владеле́ц нищих мужико́в;
 Скоти́нины, чета́ седа́я,
 С детьми́ всех возрастов,
 счита́я
 От тридцати́ до двух годо́в;
 Уе́здный франтик Петушко́в,
 Мой брат двою́родный, Буя́нов
 В пуху́, в карту́зе с козырько́м
 (Как вам, конечно́, он знако́м),
 И отставно́й советник Флянов,
 Тяже́лый сплетник, старый́
 плут,
 Обжо́ра, взяточник и шут.

XXVII

С семье́й Панфи́ла Харлико́ва
 При́ехал и мосье́ Трике́,
 Остря́к, неда́вно из Тамбо́ва,
 В очках и в рыжем парике́.
 Как истинный француз, в
 карма́не
 Трике́ привёз купле́т Татья́не
 На голос, знаемый́ детьми́:
 Réveillez-vous, belle endormie.
 Меж ветхих песен альмана́ха
 Был напеча́тан сей купле́т;
 Трике́, дога́дливый поэт,
 Его́ на свет явил из пра́ха,
 И смело́ вместо belle Niná
 Поставил belle Tatiana.

багря́ный — густо-красный, цвета
 крови
 Авро́ра — бо́гиня утренней за́ри
 именíи — пиме́раев
 бри́чка (ле́гкая повозка) — kaless
 чмокание́ — matsutamine
 давка́ — trügimine
 шарканье́ — jalgade kraarimine
 корми́лица — amm, lapsehoidja
 доро́дный (полный, толстый) — tüse,
 paks
 чета́ — abielupaar
 франтик (франт) — keigar
 двою́родный брат — tädi- või опу-
 роег

карту́з с козырько́м — pokkmüts
 сплетник — tühjajuturääkija
 плут — kelm, petis
 обжо́ра — õgard
 взяточник — altkäemaksuvõtja
 шут — napp
 остря́к — teravmeelne inimene
 на голос (на мотив) — viisil
 réveillez-vous, belle endormie (ревей-
 ву, бел андромí) — нача́ло фран-
 цу́зского рома́нса «Просни́сь, спя-
 щая краса́вица ...»
 явил на свет (вытащил) — tõi päe-
 vavalgele
 прах (пыль) — põrm, tolm

И вот из ближнего посада
Созрѣвший барышень кумир,
Уѣздных матушек отрада,
Приѣхал ротный командир;
Вошѣл... Ах, новость, да

Музыка будет полковая!
Полковник сам её послал.
Какая радость: будет бал!
Девчонки прыгают заране;
Но кушать подали. Четой
Идут за стол рука с рукой.
Теснятся барышни к Татьяне,
Мужчины против; и крестясь,
Толпа жужжит, за стол садясь.

XXIX

На миг умолкли разговоры;
Уста жуят. Со всех сторон
Гремят тарелки и приборы
Да рюмок раздаётся звон.
Но вскоре гости понемногу
Подъёмлют общую тревогу.
Никто не слушает, кричат,
Смеются, спорят и пищат.
Вдруг двѣри настѣжь. Лѣнский
И с ним Онѣгин. «Ах, творец! —
Кричит хозяйка. — Наконец!»
Теснятся гости, всяк отводит

посад (пригород) — eeslinn
кумир — ebaĵumal
отрада (радость) — (silma)gõm
(по)тесниться — trügima
(пере)креститься — risti ette lõõma
(за)жевать — mäluma
рюмка — napsiklaas
подъёмлют — поднимают
настѣжь — pärani
творец — looja
лань — emahirv
ей дурно — tal on halb
(за)капать — tilkuma
упасть в обморок — minestusse lan-
geta
рассудок — mõistus

Приборы, стулья поскорей;
Зовут, сажают двух друзей.

XXX

Сажает прямо против Тани,
И, утренней луны бледней
И трепетней гонимой лани,
Она темнеющих очей
Не подымает: пышет бурно
В ней страстный жар; ей
Она приветствий двух друзей
Не слышит; слезы из очей
Хотят уж капать; уж готова
Бедняжка в обморок упасть;
Но воля и рассудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишком,
И усидела за столом.

XXXI

Трагический нервический явлений,
Девичьих обмороков, слез
Давно терпеть не мог Евгений;
Довольно их он перенес.
Чудак, попав на пир огромный,
Уж был сердит. Но, дева
Замета трепетный порыв,
С досады взоры опустив,

превозмогать — jagu saama
превозмочь *
тишком — тихо, шепотом
трагический — traagiline
нервический (болезненно-нервный) —
närviline
явление — nähtus
обморок (потеря сознания) — mines-
tus
чудак (странный человек) — veid-
rik
томный — устало-нежный
порыв (сильное, внезапное движе-
ние) — puhang, hoog
досада — meelepaha

Надўлся он и, негодўя,
 Поклялся Лёнского взбесить
 И уж порядком отомстить.
 Тепёрь заране торжествўя,
 Он стал чертить в душѣ своѣй
 Карикатуры всех гостей.

XXXIII

Освободясь от пробки влажной,
 Бутылка хлопнула; вино
 Шипит; и вот с осанкой важной,
 Куплетом мучимый давнó,
 Трике встаёт; пред ним

собрáнье

Хранит глубокое молчанье.
 Татьяна чуть живá; Трике,
 К ней обратясь с листком в

руке,

Запёл, фальшивя. Плески,

клики

Его привѣтствуют. Она

Певцў присѣсть принужденá;

Поэт же скромный, хоть

великий,

Еѣ здорóвье первый пьёт

И ей куплет передаёт.

XXXIV

Пошли привѣты, поздравленья;
 Татьяна всех благодарит.

Когда же дело до Евгенья
 Дошло, то девы томный вид,
 Еѣ смущенье, усталость
 В его душѣ родили жалость:
 Он молча поклонился ей;
 Но как-то взор его очей
 Был чудно нежен. Оттого ли,
 Что он и вправду тронут был,
 Иль он, кокетствуя, шалил,
 Невольно ль иль из доброй
 воли,
 Но взор сей нежность изъявил:
 Он сердце Тани оживил.

XXXV

Гремят отдвинутые стўлья;

Толпа в гостиную валит;

Так пчёл из лакомого ўлья

На ниву шумный рой летит.

Довольный праздничным

обѣдом,

Сосѣд сопит перед сосѣдом;

Подсѣли дамы к камелькў;

Девицы шепчут в уголку;

Столы зелёные раскрыты:

Зовут задóрных игроков

Бостон и ломбер стариков,

И вист, донѣне знаменитый,

Однообразная семья,

Все жадной скўки сыновья.

(на)дўться на кого? за что? — *pos-*
sitama

(вз)бесить — сильно рассердить
 порядком — очень, как следует
 чертить карикатуры — рисовать ка-
 рикатуры

пробка — *kork*

влажный — *niiske*

(за)шипѣть — *sisisema*

осанка — *kehahoid*

фальшивить (брать неправильные зву-
 ки, ноты) — *valesti laulma*

плески (рукоплескание) — *aplodeeri-*
mine

был тронут — *oli liigutatud*

изъявил — выразил, показal
 оживлять — *elustama*

оживить*

отодвигать — *kõrvale, eemale lükka-*
ma

отодвинуть*

лакомый — *maias*

улей — *(mesilas)taru*

рой — *sülem*

(за)сопѣть — *nohisema*

камелѣк — камин

задóрный — *riiakas*

бостон

ломбер

вист

} карточная игра

Но чай несут: девѣцы чинно
 Едва за блюдечки взялись,
 Вдруг из-за двери в зале
 длинной
 Фагót и флейта раздалѣсь.
 Обрадован музыки громом,
 Оста́ва чашку чаю с ромом,
 Парисъ окрѣжныхъ городко́в,
 Подхо́дит к Ольге Петушко́в,
 К Татьяне Ленский, Харлико́ву,
 Невесту переспѣлыхъ лет,
 Берёт тамбо́вский мой поэт,
 Умча́л Буя́нов Пустяко́ву,
 И в зале высыпали все,
 И бал блестя́т во всей красе́.

XLI

Однообра́зный и безу́мный,
 Как вихорь жизни молодо́й,
 Кружи́тся вальса вихорь
 шумный;
 Четá мелька́ет за четóй.
 К минуте мщенья приближа́ясь,
 Онегин, втайне усемехая́сь,
 Подхо́дит к Ольге. Быстро с
 ней
 Вертится́ около́ госте́й,
 Потом на стул её сажает,
 Заво́дит речь о том, о сѣм;
 Спустя́ минуты две потом
 Вновь с нею вальс он продол-
 жает;
 Все в изумлѣньи. Ленский сам
 Не верит собственнымъ глазамъ.

Буя́нов, бра́тец мой задорный,
 К геро́ю нашему́ подвёл
 Татья́ну с Ольгою; проворно
 Оне́гин с Ольгою пошёл;
 Ведёт её, скользятъ небрежно,
 И, наклоня́сь, ей шѣпчет нежно
 Какóй-то пошлый мадрига́л,
 И руку́ жмёт — и запылал
 В её лице́ самолюбиво́м
 Румя́нец ярче. Ленский мой
 Всѣ ви́дел: вспыхнул, сам не
 свой;
 В негодовании́ ревни́вом
 Поэтъ конца́ мазурки ждѣт
 И в котильо́н её зоветъ.

XLV

Но ей нельзя́. Нельзя́? Но что
 же?
 Да Ольга́ сло́во уж дала́
 Оне́гину. О бо́же, бо́же!
 Что слы́шит он? Она́ могла́...
 Возмо́жно ль? Чуть лишь из
 пелёнок,
 Кокётка, ветреный ребёнок!
 Уж хитрость ве́дает она́,
 Уж изменять научена́!
 Не в силахъ Лѣнский снести́
 удара;
 Прокáзы же́нские кляня́,
 Выхо́дит, трѣбует коня́
 И ска́чет. Пистолётовъ пара́:
 Две пу́ли — бо́льше ничего́ —
 Вдруг разреша́т судьбу́ его́.

чинно — väärikalt
 блюдечко — alustas
 Парис — красавец-герой из сказания
 о Троянской войне
 переспелый — üleküpsenud
 во всей красе — täies hiilguses
 вихорь (вихрь) — tuuleil
 мщение (месть) — kättemaks
 заводить речь — начать разговор
 изумление (удивление) — imestus
 задорный — trotslik
 пошлый — labane

матригал — стихотворение шуточного или любовного характера
 самолюбивый — enesearmastaja
 румянец — puna
 сам не свой — endast väljas
 ревнивый — armukade
 котильон — танец (им обычно заканчивался бал)
 пеленки — mähkmed
 изменять — truudust murdma, geetma
 изменить*
 (про)клясть — needma

La, sotto i giorni nubilosi ne brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole.
*Petrarca.*¹

I

Замётив, что Владíмир
скры́лся,

Онéгин, скúкой вновь гонím,
Близ Ольги в дúму погрузíлся,
Довóльный мщéнием своим.
За ним и Оленька зевáла,
Глазáми Лénского иска́ла,
И бесконéчный котильо́н
Её томíл, как тяжкий сон.
Но ко́нчен он. Идúт за úжин.
Постéли стéлют; для гостéй
Ночлéг отвóдят от сенéй
До самой девичьи. Всем нужен
Покойный сон. Онегин мой
Один уехал спать домой.

II

Всё успоко́илось: в гости́ной
Храпíт тяжёлый Пустяко́в
С своей тяжёлой полови́ной.
Гвозд́ин, Буя́нов, Петушкóв
И Фля́нов, не совсем здоро́вый,
На стульях улеглись в столó-
вой.

А на полу́ мосьё Трике́,
В фуфа́йке, в старом колпакé.
Девицы в комнатах Татьяны
И Ольги все объ́аты сном.

Одна, печальна под окном,
Озаренá лучóм Диáны,
Татьяна бедная не спит
И в поле тёмное глядит.

III

Его неждáнным появлéнием,
Мгновéнной нежностью очéй
И странным с Ольгой пове-
дэ́нием
До глубины́ души́ своей
Она пронíкнута; не может
Никак понять его; трево́жит
Её ревни́вая тоска́,
Как будто хладная рука́
Ей сердце жмёт, как будто
бездна

Под ней черне́ет и шумíт...
«Поги́бну, — Таня говорíт, —
Но гибель от него́ любéзна,
Я не ропщú; зачем роптáть?
Не может он мне счастья дать».

IV

Вперёд, вперёд, моя истóрья!
Лицо нас новое зовёт,
В пяти верста́х от Красногóрья,

погружа́ться в думы — môttesse va-
juna

погрузи́ться *

зевáть — haigutama

зевну́ть *

томíть — siin: vaevama

(за)храпéть — norskama

фуфа́йка — тёплая вязаная руба́ш-
ка

все объ́аты сном — kóik on unehõlmas

луч Диáны — луч луны́

до глубины́ души́ — südame põhjani

(с)жать — pigistama

бездна — kuristik

(за)роптáть (т//щ) — nurisema

¹ Там, где дни облачны и кратки, родится племя, которому не больно умирать. *Петрарка.*

Дерёвни Ленского, живёт
 И здравствует ещё донёне
 В философической пустыне
 Зарёцкий, некогда буян,
 Картёжной шайки атамán,
 Глава повёс, трибун трактёр-
 ный,
 Теперь же добрый и простой,
 Отец семейства холостой,
 Надёжный друг, помещик
 мирный
 И даже честный человек:
 Так исправляется наш век!

VIII

Он был не глуп; и мой
 Евгений,
 Не уважая сердца в нём,
 Любил и дух его суждений,
 И здравый толк о том, о сём.
 Он с удовольствием, бывало,
 Видался с ним, и так нимало
 Поутру не был удивлён,
 Когда его увидел он.
 Тот после первого привёта,
 Прервав начатый разговор,
 Онегину, осклабя взор,
 Вручил записку от поэта.
 К окну Онегин подошёл
 И про себя её прочёл.

IX

То был приятный, благородный,
 Короткий вызов иль *картель*:

пустыня — kõrb
 буян (забияка) — tülinorigja, riukukk
 шайка — jõuk
 атамán — realik
 повёса (бездельник, шалун) — võgukael, logard
 суждение (мнение) — arvamus
 осклабить взор — улыбаться глазами
 вручать (передавать) — kätte andma, edasi andma
 вручить *

Учтиво, с ясностью холодной
 Звал друга Ленский на дуэль.
 Онегин с первого движенья,
 К послу такого порученья
 Оборотясь, без лишних слов
 Сказал, что он *всегда* готов.
 Зарёцкий встал без
 объяснений;
 Остаться доле не хотел,
 Имёя дома много дел.
 И тотчас вышел, но Евгений
 Наединё с своей душой
 Был недоволен сам собой.

XII

Кипя враждой нетерпеливой,
 Отвёта дома ждёт поёт;
 И вот сосёд велеречивый
 Привёз торжественно отвёт.
 Теперь ревнивцу то-то
 праздник!
 Он всё боялся, чтоб проказник
 Не отшутился как-нибудь,
 Уловку выдумав и грудь
 Отворотив от пистолёта.
 Теперь сомненья решены:
 Они на мельницу должны
 Приехать завтра до рассвета,
 Ввести друг на друга курок
 И метить в ляжку иль в висок.

XIII

Решась кокетку ненавидеть,
 Кипящий Лёнский не хотёл

вызов (картель) — väljakutse
 посол — saadik
 доле (долее) — дольше
 вражда — vaep
 велеречивый — человек, который
 много и красиво говорит
 ревнивец — armukadetseja
 уловка — riugas, vigur
 курок — (püssi-)kukk
 ляжка — reis
 висок — meelekoht

Пред поединком Ольгу видеть.
 На солнце, на часы смотрел,
 Махнул рукою напоследок —
 И очутился у соседа.
 Он думал Оленьку смутить,
 Своим приездом поразить;
 Не тут-то было: как и прежде,
 На встречу бедного певца
 Прыгнула Оленька с крыльца,
 Подобно ветреной надежде,
 Резва, беспечна, весела,
 Ну точно та же, как была.

XIV

«Зачем вечер так рано скры-
 лись?» —
 Был первый Оленькин вопрос.
 Все чувства в Ленском пому-
 тились,
 И молча он повесил нос.
 Исчезла ревность и досада
 Пред этой ясностью взгляда,
 Пред этой нежной простотой,
 Пред этой резвою душой!
 Он смотрит в сладком уми-
 ленье;
 Он видит: он ещё любим;
 Уж он, раскаяньем томим,
 Готов просить у ней прощенье,
 Трепещет, не находит слов,
 Он счастлив, он почти здоров...

XIX

Весь вечер Ленский был
 рассеян,
 То молчалив, то весел вновь;
 Но тот, кто музою взлелеян,
 Всегда таков: нахмуря бровь,
 Садился он за клави́корды
 И брал на них одни аккорды,
 То к Ольге взоры устремив,
 Шептал: «Не правда ль? я
 счастлив?»
 Но поздно; время ехать.

Сжалось
 В нём сердце, полное тоской;
 Прощаясь с дево́й молодой,
 Оно как будто разрывалось.
 Она глядит ему в лицо.
 «Что с вами?» — «Так» — И
 на крыльцо.

XX

Домой приехав, пистоле́ты
 Он осмотрел, потом вложил
 Опять их в ящик, и раздетый,
 При свечке, Шиллера открыл;
 Но мысль одна его объе́млет;
 В нём сердце грустное не
 дремлет;
 С неизъяснимою красо́й
 Он видит Ольгу пред собой.
 Владимир книгу закрыва́ет,

поединок (дуэль) — kahevõitlus
 напоследок (наконец) — lõpuks
 смущать кого? чем? — segadusse vii-
 та
 смутить* (т//щ)
 поражать кого? чем? — gabama
 поразить* (з//ж) ()
 не тут-то было! — võta näpust!
 резвый (живой, шаловливый) — elav,
 vallatu
 беспечный (беззаботный) — muretu
 вечер — вчера вечером
 повесить нос — pootutama

умиленье — heldimus
 раскаяние — kahetsus
 (за)трепетать (дрожать) — värisema
 (вз)лелеять (бережно воспитывать)
 — hellalt kasvatama
 клави́корды (фортепьяно) — klaver
 разрываться — lõhkema
 разорваться*
 объе́млет — haarab
 неизъяснимый (необъяснимый, непо-
 нятный) — seletamatu
 красá — красота́

Берёт перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучат и льются.

XXIII

Так он писал *темно* и *вяло*
(Что романтизмом мы зовём,
Хоть романтизма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в том?)
И наконец перед зарёю,
Склонясь усталой головою,
На модном слове *идеал*
Тихонько Ленский задремал;
Но только сонным обаяньем
Он позабылся, уж сосед
В безмолвный входит кабинет
И будит Ленского воззванием:
«Пора вставать: седьмой уж
час.
Онегин верно ждёт уж нас».

XXIV

Но ошибался он: Евгений
Спал в это время мёртвым
сном.
Уже редёют ночи тени
И встречен Веспер петухом;
Онегин спит себе глубоко.
Уж солнце катится высоко
И перелётная метель
Блестит и вьётся; но постель
Ещё Евгений не покинул,
Ещё над ним летает сон.

темно — непонятно
вяло — loiult
обаяние — völu
воззвание — üleskutse, kutse
Веспер — утренняя и вечерняя звезда
(за)виться — keerlema
полá — hõlm
завеса (занавес) — eesriie
ящик боевой — ящик с пистолетами
мельница — veski

Вот наконец проснулся он
И полы завеса раздвинул;
Глядит — и видит, что пора
Давно уж ехать со двора.

XXV

Он поскорей звонит. Вбегает
К нему слуга француз Гильбо,
Халат и туфли предлагает
И подаёт ему бельё.
Спешит Онегин одеваться,
Слуге велит приготовляться
С ним вместе ехать и с собой
Взять также ящик боевой.
Готовы санки беговые.
Он сел, на мельницу летит.
Примчались. Он слуге велит
Лепажу стволы роковые
Нести за ним, а лошалям
Отъехать в поле к двум дубкам.

XXVI

Опершись на плотину, Ленский
Давно нетерпеливо ждал;
Меж тем, механик деревенский,
Зарёцкий жёрнов осуждал.
Идёт Онегин с извинением.
«Но где же, — молвил с
изумлением
Зарёцкий, — где ваш секун-
дант?»
В дуэлях классик и педант,
Любил методу он из чувства,
И человека растянуть

Лепаж — знаменитый ружейный ма-
стер
роковой — saatuslik
жёрнов — veskikivi
осуждать кого? за что? — hukka
mõistma
осудить*
метода — метод, здесь: соблюдение
всех принятых правил и форм
растянуть — убить

Он позволял — не как-нибудь,
Но в стрóгих прáвилах
искусства,
По всем предáньям старинý
(Что похвалить мы в нём
должны).

XXVII

«Мой секундант? — сказал
Евгений: —
Вот он: мой друг, monsieur
Guillot.

Я не предвижу возражений
На представление моё:
Хоть человек он неизвестный,
Но уж, конечно, малый чест-
ный».

Зарецкий губу закусил.
Онегин Ленского спросил:
«Что ж, начинать?» — «Начнём,
пожалуй», —
Сказал Владимир. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарецкий наш и *честный малый*
Вступили в важный договор,
Враги стоят, потупя взор.

XXX

«Теперь сходитесь».
Хладнокрóвно,
Ещё не целя, два врага
Похóдкой твёрдой, тихо, ровно
Четыре перешли шагá,

Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставáя наступáть,
Стал первый тихо подымáть.
Вот пять шагов ещё ступили,
И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить — но как
раз

Онегин выстрелил... Пробили
Часы урóчные: поэт
Роняет, молча, пистолет.

XXXI

На грудь кладёт тихóнько
руку

И падает. Тумáнный взор
Изображает смерть, не мýку.
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистáя,
Спадáет глыба снеговáя.
Мгновénным холодом облит,
Онегин к юноше спешит,
Глядит, зовёт его... напрáсно:
Его уж нет. Младóй певец
Нашёл безврёмный конец!
Дохну́ла бýря, цвет

прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтарé!..

XXXII

Недв́жим он лежал, и странен
Был то́мный мир его́ челá.

предáнье (обычай) — tava
возражение — vasturääkimine
представлénие — esitlemine
честный малый — честный человек
договор — kokkulepe
потупить взор (опустить глаза) —
pilku langetama
(при)целиться (целить) — sihtima
ступень — aste
(при)жмурить глаз — kissitama, pilu-
tama silma

урóчный (определённый) — ettenäh-
tud
тумáнный — looritatud, ähmane
мука — piin
скат горы — mäenõlvak
глыба — kamakas, pank
безврёмный — enneaegne
дышáть — hingama, puhuma
дохну́ть*
(по)ту́хнуть — kustuma
мир (поко́й) — rahu
челó (лоб) — laup

Под грудь он был навьлет
ранен;

Дымясь, из раны кровь текла.
Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохно-

венье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь;
Теперь, как в доме опусте-

лом,
Всё в нём и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, бог весть. Пропал и

след.

XXXV

В тоске сердечных угрызений,
Рукою стиснув пистолет,
Глядит на Лёнского Евгений.
«Ну, что ж? убит», — решил
сосед.

Убит!.. Сим страшным восклицаньем

Сражён, Онёгин с содроганьем
Отходит и людей зовёт.

Зарёцкий бережно кладёт
На сани труп оледенелый;
Домой везёт он страшный клад.
Почуя мёртвого, храпят
И быются кони, пеной белой
Стальные мочат удила,
И полетели, как стрела.

Глава седьмая.

Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?

Дмитриев.

Как не любить родной Москвы?

Баратынский.

Гоненье на Москву! что значит
видеть свет!

Где ж лучше?

— Где нас нет.
Грибоедов.

I

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа

Сквозь сон встречает утро года;
Синяя блещут небеса.

Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчелы за данью полевой
Летят из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;

навьлет ранен — läbi lastud
вдохновенье — innustus, inspiratsioon
ставни — aknalugid
бог весть (бог знает) — jumal teab
пропал и след — kadus jäljetult
угрызение — südametunnistuse piinad
стиснуть (сжать) — pigistama, suru-
ma

содроганье — võpatus, värin
труп — laip
клад — aage, (peidetud) varandus
удила — suuraavad
вешний — весённый
мутный — sogane
потопленный — üleujutatud
келья (здесь: улей) — kong (taru)

Стада́ шумя́т, и соловей
Уж пел в безмо́лвии но́чей.

VI

Меж гор, лежа́щих полукру́гом,
Пойде́м туда́, где ручеёк
Вия́сь бежи́т зелёным лу́гом
К реке́ сквозь ли́повый лесо́к.
Там соловей, весны́ любóвник,
Всю ночь поёт; цветёт

шипóвник,
И слы́шен го́вор ключево́й, —
Там ви́ден ка́мень гробово́й
В тени́ двух со́сен устарéлых.
Прише́льцу на́дпись говори́т:
«Влади́мир Ле́нский здесь
лежи́т,
Поги́бший ра́но сме́ртью
сме́лых,
В тако́й-то год, таки́х-то лет.
Покóйся, ю́ноша-поёт!»

VII

На ветви со́сны преклонённой,
Быва́ло, ра́нный ветеро́к
Над это́й у́рною смире́нной
Кача́л тайнственны́й вено́к.
Быва́ло, в по́здние досу́ги
Сюда́ ходи́ли две подро́уги,

И на моги́ле при лу́не,
Обня́вшись, пла́кали оне́.
Но ны́не . . . памятник уны́лый
Забы́т. К нему́ привы́чный след
Загло́х. Венка́ на ветви нет;
Оди́н под ним седо́й и хи́лый
Пасту́х по-прежнему́ поёт
И о́бувь бе́дную плетёт.

VIII. IX. X

Мой бедный Ленский! изны́вая,
Не долго плакала она.
Увы! невеста мо́лодая
Своей печа́ли не верна.
Другой увлёк её внима́нье,
Другой успел её страда́нье
Любóвной лестью усыпи́ть,
Улан умел её плени́ть,
Улан любím её душою. . .
И вот уж с ним пред алтарём
Она стыдлiва под венцо́м
Стоит с пони́кшей голово́ю,
С огнём в поту́пленных о́чах,
С улыбкой лёгкой на устах.

XII

И скоро звонкий голос Оли
В семействе Лариных умолк.
Улан, своей нево́льник до́ли,

безмо́лвие (тишина́) — vaikus
виться — keeglema
ли́повый — pãgna-
любóвник — armuke
шипóвник — kibuvits
ключево́й (говор) — lãte (kohin), oja
(vulin)
гробово́й — haua-
покóйся — puhka, uipu
урна — ugn
смире́нный (скромный) — tagasihoid-
lik
досу́г (свободное от работы время) —
jõudeaeg
уны́лый (грустный, тоскли́вый) —
kurb

(за)гло́хнуть (след) — kinni kasvama
хилый (слабый, больной) — kidur
(с)плести́ — riputama
изны́вать (грусти́ть, томи́ться) —
nikrutsema
увлекать — kaasa kiskuma, veetlema
увлечь *
лесть — meelitus
ула́н — офице́р одного из видов ка-
валерийских войск
пленя́ть — vangistama
пленить *
алта́рь (м. р.) — altar
поту́пить (очи, взгляд) — langetama
уста́ (губы) — huuled
нево́льник — vang

Был должен ехать с нею в
полк.

Слезáми горько облива́ясь,
Старушка, с дочерью проща́ясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной бледностью
покрылось

Её печальное лицо.
Когда все вышли на крыльцо,
И всё, прощаясь, суетилось
Вокруг кареты молодых,
Татьяна проводила их.

XIII

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядела им вослед...
И вот одна, одна Татьяна!

XV

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходились хороводы;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыба́чий. В поле чистом,
Луны при свете серебри́стом,
В свои мечты погружена́,
Татьяна долго шла одна́.
Шла, шла. И вдруг перед
собо́ю

С холма господа́ский видит дом,
Селенье, рощу под холмом
И сад над светлою рекою́.
Она глядит — и сердце в ней
Забилось чаще и сильней.

горько облива́ться слезáми — kibe-
dasti nutma
меркнуть (темнеть, гаснуть) — kus-
tuma
(за)струи́ться — voolama
холм — küngas
сомне́нье — kahtlus
недоуме́нье — arusaamatus
драка — riid, kaklus

XVI

Её сомне́ния смуща́ют:
«Пойду ль вперёд, пойду ль
назад? ..
Его здесь нет. Меня не
знают...

Взгляну́ на дом, на этот сад».
И вот с холма Татьяна сходит,
Едва дыша; кругом обво́дит
Недоуме́нья полный взор...
И входит на пусты́нный двор,
К ней, лая, кинулись собаки.
На крик испуганный её
Ребят дворо́вая семья́
Сбежа́лась шумно. Но без
драки

Мальчишки разогна́ли псов,
Взяв барышню под свой
покро́в.

XVII

«Уви́деть ба́рский дом нельзя́
ли?» —
Спроси́ла Та́ня. Поскорей
К Ани́сье де́ти побежа́ли
У ней ключи́ взять от сеней;
Ани́сья то́тчас к ней яви́лась,
И дверь пред ни́ми отвори́лась,
И Та́ня входит в дом пусто́й,
Где жил неда́вно наш геро́й.
Она́ гляди́т: забы́тый в за́ле
Кий на билья́рде отдыха́л,
На смя́том канапе́ лежа́л
Мане́жный хлы́стик. Та́ня да́ле;
Стару́шка ей: «А вот ками́н;
Здесь ба́рин сиживал оди́н.

пёс, псы (соба́ка) — koer (peni),
koerad
покро́в (защи́та) — kaitse
барский дом — härrastemaja
сени (коридо́р, пере́дняя) — esik, ko-
ridor
кий — piljardikepp
канапе́ — дива́н
мане́жный хлы́стик — ratsapiits

Здесь с ним обѣдывал зимою
 Покойный Лѣнский, наш сосед.
 Сюда пожалуйте, за мною.
 Вот это барский кабинет;
 Здесь почивал он, кофея кушал,
 Приказчика доклады слушал
 И книжку поутру читал...
 И старый барин здесь живал;
 Со мной, бывало, в воскресенье,
 Здесь под окном, надев очки,
 Играть изволил в дурачки.
 Дай бог душе его спасенье,
 А косточкам его покой
 В могиле, в мать-земле сырой!»

XIX

Татьяна взором умиленным
 Вокруг себя на все глядит,
 И все ей кажется бесценным,
 Все душу томную живит
 Полумучительной отрадой:
 И стол с померкшею лампадой,
 И груда книг, и под окном
 Кровать, покрытая ковром,
 И вид в окно сквозь сумрак
 лунный,
 И этот бледный полусвет,
 И лорда Байрона портрет,
 И столбик с куклою чугунной
 Под шляпой с пасмурным
 челом,
 С руками, сжатыми крестом.

XX

Татьяна долго в келье модной
 Как очарована стоит.

Но поздно. Ветер встал
 холодный.
 Темно в долине. Роша спит
 Над отуманенной рекою;
 Луна сокрылась за горою,
 И пилигримке молодой
 Пора, давно пора домой.
 И Таня, скрыв свое волнение,
 Не без того, чтоб не вздохнуть,
 Пускается в обратный путь.
 Но прежде просит позволения
 Пустынный замок навещать,
 Чтоб книжки здесь одной
 читать.

XXI

Татьяна с ключницей
 простилась
 За воротами. Через день
 Уж утром рано вновь явилась
 Она в оставленную сень.
 И в молчаливом кабинете,
 Забыв на время все на свете,
 Осталась наконец одна,
 И долго плакала она,
 Потом за книги принялась.
 Сперва ей было не до них,
 Но показался выбор их
 Ей странен. Чтению предалась
 Татьяна жадною душой;
 И ей открылся мир иной.

XXIII

Хранили многие страницы
 Отметку резкую ногтей;
 Глаза внимательной девицы
 Устремлены на них живеи.
 Татьяна видит с трепетаньем,

покойный (умерший) — kadunud
 почивать (отдыхать) — puhkama
 приказчик — kubjas
 умиленный — heldinud
 померкшая лампада (погасшая лампа) — kustunud lamp
 сумрак (тьма, темнота) — pimedus
 чугунный — malmist
 пасмурный (угрюмый) — mogn

келья (комната) — kong
 пилигримка (странница, путешественница) — rändaja
 навещать — külastama
 навестить*
 ключница — võtmekandja
 сень — varjupaik
 отметка — märk
 ноготь, ногти — küüs, küüned

Какою мыслью, замечаньем
Бывал Онегин поражён,
В чём молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает,
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

XXV

Ужель загадку разрешила?
Ужели слово найдено?
Часы бегут; она забыла,
Что дома ждут её давно,
Где собрались два соседа
И где об ней идёт беседа.
«Как быть? Татьяна не дитя, —
Старушка молвила кряхтя. —
Ведь Оленька её моложе.
Пристроить девушку, ей-ей,
Пора; а что мне делать с ней?
Всем наотрѣз одно и то же:
Нейду. И всё грустит она,
Да бродит по лесам одна». —

XXVI

«Не влюблена ль она?» —
«В когó же?»
Буянов сватался: отказ.

Ивану Петушкову — тоже.
Гусар Пыхтин гостил у нас;
Уж как он Танею прельщался,
Как мелким бесом рассыпался!
Я думала: пойдёт авось;
Куда! и снова дело врозь». —
«Что ж, матушка? за чём же
стало?
В Москвѹ, на ярманку невест!
Там, слышно, много прѣздных
мест». —
«Ох, мой отец! доходу мало». —
«Довольно для одной зимы,
Не то уж дам хоть я взаймы».

XXVII

Старушка очень полюбила
Совет разумный и благой;
Сочлась — и тут же положила
В Москву отправиться зимой —
И Таня слышит новость эту.
На суд взыскательному свету
Представить ясные черты
Провинциальной простоты,
И запоздалые наряды,
И запоздалый склад речей;
Московских франтов и цирцей
Привлечь насмѣшливые
взгляды! ..
О страх! нет, лучше и верней
В глуши лесов остаться ей.

поля — (gaamatu-, vihu-) ääred
вопросительный крючок — вопросительный знак
(за)кряхтеть — ähkima, puhkima
пристроить девушку — здесь: выдать замуж
ей-ей — честное слово
наотрѣз — järsult, kategooriliselt
(по)святаться — kosjas käima
рассыпаться мелким бесом — libitsema
ярмарка (ярманка) — laat
доход — sissetulek
давать (дать) взаймы — võlgu andma
благой — heatahtlik

считать — arvutama; kokku, üle loendada
счастье *
положила — здесь: решила
взыскательный (требовательный) — paljunõudlik
запоздалые наряды — туалеты, которые вышли из моды
склад речей — привычка, манера говорить
Цирцея — героиня поэмы Гомера «Одиссея», волшебница, которая околдовывала путешественников
привлекать — juurde meelitama
привлечь *

Вставая с первыми лучами,
Теперь она в поля спешит
И, умиленными очами
Их озирая, говорит:
«Простите, мирные долины,
И вы, знакомых гор вершины,
И вы, знакомые леса!
Прости, небесная краса,
Прости, весёлая природа!
Меняю милый тихий свет
На шум блистательных суёт!..
Прости ж и ты, моя свобода!
Куда, зачем стремлюся я?
Что мне сулит судьба моя?» —

XXIX

Её прогулки длятся доле.
Теперь то холмик, то ручей
Останавлиют поневоле
Татьяну прелестью своей.
Она, как с давними друзьями,
С своими рощами, лугами
Ещё беседовать спешит.
Но лето быстрое летит.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, бледна,
Как жертва пышно убрана...
Вот север, тучи нагоняя,

Дохнул, завыл — и вот сама
Идёт волшебница зима.

XXX

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сровняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдёт она зиму встречать,
Морозной пылью подышать
И первым снегом с кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьяне страшен зимний путь.

XXXI

Отъезда день давно просрочен,
Проходит и последний срок.
Осмóтрен, вновь обит, упрóчен
Забвёную брошенный возок.
Обóz обычный, три киби́тки
Везу́т домашние пожитки,
Кастрю́льки, сту́лья, сундуки́,
Варёнье в ба́нках, тюфяки́,

суе́та — askeldus
(по)суи́ть (обеща́ть) — lubama
глушь — место, отдалённое от куль-
турного центра
(про)длится (продолжа́ться) — kest-
ma
жертва — ohver
убра́ть (наряди́ть) — ehtima
нагоня́ть тучи — pilvi kokku ajama
волше́бница — võlur
рассы́паться — laiali pudenema
клок — (lume)tort
сук — jäme oks
волни́стый — laineline
берег — берер
сравни́вать — ühetasaseks tegema
сравни́ть * чем? с чем?

пухлый (пушистый) — kobe, kerge
пелена́ — kate
проказы́ (шалости) — vallatused
плечо́, плечи (плеча́) — õlg, õlad
просра́чивать — tähtaega mõõda lask-
ma
просро́чить *
срок — tähtpäev
обива́ть чем? — üle tõmbama
оби́ть *
забвёнье — unustus
возо́к — tõldsaan
киби́тка — talvine kaetud sõidutõld
пожи́тки — koli, kimpsud-kompsud
сунду́к — kirst
тюфя́к (матрац) — madrats, voodikott

Пери́ны, клéтки с петухáми,
Горшкí, тазы et ceterá,
Ну, много всякого добра́.
И вот в избе между слугáми
Поднялся шум, прощáльный

плач:

Ведúт на двор осьмáдцать
кляч,

XXXII

В возóк боя́рский их впряга́ют,
Готовят завтрак повара́,
Горóй кибитки нагружа́ют,
Браня́тся бабы, кучера́.
На кляче тощей и косма́той
Сидит форейтор борода́тый
Сбежа́лась челядь у ворот
Прощаться с барами. И вот
Уселись, и возóк почтённый,
Скользя, ползёт за ворота́.
«Простите, мирные места́!
Прости, прию́т уединённый!
Увижу ль вас? . . .» И слéз ручей
У Тани льётся из очей.

XXXV

К несча́стью Ла́рина тащи́лась,
Боя́сь прого́нов доро́гих,
Не на почто́вых, на своих,
И на́ша де́ва наслади́лась

Доро́жной ску́кою вполне:
Семь су́ток е́хали оне́.

XXXVI

Но вот уж бли́зко. Перед ни́ми
Уж белока́менной Москв́ы,
Как жар, крестáми золоты́ми
Горя́т старинные главы́.
Ах, бра́тцы! как я был дово́лен,
Когда́ церкв́ей и колоко́лен,
Садо́в, черто́гов полукру́г
Откры́лся предо мно́ю вдруг!
Как ча́сто в го́рестной разлу́ке,
В моёй блужда́ющей судьбе́,
Москв́а, я думáл о тебе́!
Москв́а. . . как мно́го в э́том

звúке

Для се́рдца ру́сского слило́сь!
Как мно́го в нём отозва́лось!

XXXVIII

Поше́л! Уже́ столпы́ заста́вы
Беле́ют; вот уж по Тверско́й
Возо́к несётся чрез уха́бы.
Мелька́ют мимо́ будки, ба́бы,
Мальчи́шки, ла́вки, фонари́,
Дворцы́, сады́, монастыри́,
Буха́рцы, са́ни, огоро́ды,

пери́на — sulgkott
таз — silmapesukauss
et ceterá — и так далее
кляча — hobusekronu
боя́рский (здесь: барский, помещи-
чий) — härraste
браниться (ругаться) — sõimlema
тощий (худой) — kõhn
косма́тый (лохма́тый, взъеро́шенный)
— pulstunud karvaga
форейтор — слуга, который управ-
лял цугом лошадей и сидел на
одной из передних лошадей
челядь — здесь: крепостные слуги
баре (господá) — hägrased

прого́ны — плата за пользование поч-
то́выми лошады́ми
наслажда́ться чем? — nautima, mõnu
tundma
наслади́ться* (д/жд)
крест — rist
глава́ — kirikutorn
черто́г (дворец) — loss
слива́ться с чем? — ühte sulama
слиться*
отзыва́ться — arvamust avaldama
отозва́ться*
столпы́ — sammad, tulp
заста́ва — linnavärv
уха́бы — auk, lohk (talveteel)
буха́рцы — купцы́ из Бухары́

Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины, моды,
Балконы, львы на воротах
И стай галок на крестах.

XXXIX. XL

В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тётке,
Четвёртый год больной в ча-
хотке,

Они приехали теперь.
Им настезь отворяет дверь,
В очках, в избрванном кафтане,
С чулком в руке, седой калмык.
Встречает их в гостиной крик
Княжны, простёртой на диване.
Старушки с плачем обнялись,
И восклицанья полились.

XLI

«Княжна, mon ange!» —
«Pachette!» — «Алина!» —
«Кто б мог подумать?» — «Как
давно!» —
«Надолго ль?» — «Милая! Ку-
зина!» —
«Садись — как это мудрено!
Ей-богу сцена из романа...» —
«А это дочь моя, Татьяна». —
«Ах, Таня! подойди ко мне —
Как будто брежу я во сне...»

Кузина, помнишь Грандисо-
на?» —
«Как, Грандисон?.. а, Гранди-
сон!
Да, помню, помню. Где же
он?» —
«В Москве, живёт у Симео́на;
Меня в сочельник навести́л:
Недавно сына он жени́л.

XLII

А вот... но после всё расска-
жем,
Не правда ль? Всея её родне
Мы Таню завтра же покажем.
Жаль, разъезжать нет мочи
мне;
Едва, едва таскаю ноги.
Но вы замучены с дороги;
Пойдёмте вместе отдохнуть...
Ох, силы нет... устала грудь...
Мне тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Уж никуда не годна я...
Под старость жизнь такая га-
дость...» —

И тут, совсем утомленá,
В слезах раскáшлялась она.

XLIII

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогают; но ей
Не хорошо на новоселье,
Привыкшей к горнице своей.
Под занавескою шелковой

лачужки — onnikesed
стая — рагв
галка — hakk
чахотка — туберкулёз
простёртый — лежачий
княжна — vürstitar
mon ange (мон анж) — minu ingel
как это мудрено — как это сложно
брédить (д//ж) — sopima

Грандисон — добродетельный герой
романа «Грандисон» английского
писателя Ричардсона (1689—1761)
сочельник — jõululaupäev
родня (родственники) — sugulased
нет мочи (не могу, нет сил) — pole
jõudu
гадость — jälkus, inetus
новоселье — uus elukoht
горница — комната

Не спится ей в постели новой,
 И ранний звон колоколов,
 Предтеча утренних трудов,
 Её с постели подымает.
 Садится Тánя у окнá.
 Редеет сýмрак; но она́
 Своих полёй не раличает:
 Пред нею незнако́мый двор,
 Конюшня, кúхня и забор.

XLIV

И вот: по родственным обедам
 Развóзят Тánю ка́ждый день
 Предста́вить ба́бушкам и де-
 дам

Её рассеянную лень.
 Родне, прибывшей издалеча,
 Повсюду ласковая встреча,
 И восклицáнья, и хлеб-соль.
 «Как Тánя вы́росла! Давно́ ль
 Я, ка́жется, тебя́ крести́ла?
 А я так на руки брала́!
 А я так за́ уши дра́ла!
 А я так прýником корми́ла!»
 И хóром ба́бушки твердят:
 «Как на́ши го́ды-то летя́т!»

XLVI

Их дочки Тánю обнима́ют.
 Младые грации Москвы
 Сначала молча озира́ют
 Татьяну с ног до головы́;
 Её находят что-то странной,
 Провинциальной и жемáнной,

И что-то бледной и худой,
 А прочем, очень недурной;
 Потом, покорствуя природе,
 Дружатся с ней, к себе ведут,
 Целуют, нежно руки жмут,
 Взбивают кудри ей по моде,
 И поверяют нараспев
 Сердечны тайны, тайны дев.

XLVIII

Татьяна вслушаться желает
 В беседы, в общий разговор;
 Но всех в гостиной занимает
 Такой бессвязный, пошлый
 вздор;
 Всё в них так бледно, равно-
 душно;
 Они клеветают даже скучно;
 В бесплодной сухости речей,
 Расспросов, сплетен и вестей
 Не вспыхнет мысли в целы
 сутки,
 Хоть невзначай, хоть наобум;
 Не улыбнется томный ум,
 Не дрогнет сердце, хоть для
 шуток.
 И даже глупости смешной
 В тебе не встретишь, свет
 пустой.

LI

Её привозят и в Собранье.
 Там теснота́, волненье, жар,
 Музыки грохот, свет блиста́нье,

предтеча (предвестник) * — eelkäija
 (по)редеть — hõredamaks muutuma
 драсть за уши — kõrvust kiskuma, re-
 bima
 младой — молодой
 озира́ть (разглядывать) — vaatlema
 покорствовать (покоряться) — alista-
 ma
 нараспев — laulva häälega
 дева — девушка
 пошлый — labane

(о)клеветать (т/щ) — laimama
 сухость — kuivus
 вспыхивать — lõkkele lõõma
 вспыхнуть *
 невзначай (нечаянно) — kogemata
 томный — бледный
 пустой свет — tühine (kõrgem) selts-
 kond
 теснота — kitsus, ruumipuudus
 грохот — mürin
 блиста́нье (блеск) — sära

Мельканы, вихорь быстрых пар,
 Красавиц лёгкие уборы,
 Людми пестреющие хоры,
 Невест обширный полукруг —
 Всё чувства поражает в друг.
 Здесь кажут франты записные
 Своё нахальство, свой жилёт
 И невнимательный лорнет.
 Сюда гусары отпускные
 Спешат явиться, прогремёт,
 Блеснуть, пленить и улететь.

LIII

Шум, хохот, беготня, поклоны,
 Галоп, мазурка, вальс... Меж
 тем,
 Между двух тёток, у колонны,
 Не замечаема никем,
 Татьяна смотрит и не видит,
 Волнение света ненавидит;
 Ей душно здесь... она мечтой
 Стремится к жизни полевой,
 В деревню, к бедным поселя-
 нам,

В уединённый уголок,
 Где льётся светлый ручеёк,
 К своим цветам, к своим ро-
 мамам
 И в сумрак липовых аллей,
 Туда, где он являлся ей.

LIV

Так мысль её далече бродит:
 Забыт и свет и шумный бал,
 А глаз меж тем с неё не сводит
 Какой-то важный генерал.
 Друг другу тетушки мигнули,
 И локтем Таню враз толкнули,
 И каждая шепнула ей:
 «Взгляни налево поскорей». —
 «Налево? где? что там
 такое?» —
 «Ну, что бы ни было, гляди...
 В той кучке, видишь? впереди,
 Там, где ещё в мундирах двое...
 Вот отошёл... вот боком
 стал...» —
 «Кто? толстый этот генерал?»

Глава восьмая.

Fare thee well, and if for ever,
 Still for ever, fare thee well.

Byron.¹

I

Онегин (вновь займётся им),
 Убив на поединке друга,
 Дожив без цели, без трудов

До двадцати шести годов,
 Томясь в бездействии досуга
 Без службы, без жены, без дел,
 Ничём заняться не умёл.

мельканы — vilkumine
 уборы (наряды, туалеты) — kleidid,
 tualetid
 хор (балкон) — rõdu
 кажут — показывают
 нахальство — jultumus
 жилёт — vest
 пленять кого? кем? — võluma äga
 пленить *

стремиться к чему? — püüdlema
 поселянин — крестьянин
 не сводить глаз — üksisilmi vaatama
 мигать — silmi pilgutama
 мигнуть *
 локоть — küünarnukk
 враз — в одно и то же время
 томиться — vaevlema
 бездействие — jõudeolek

¹ «Прощай! и если мы расстаёмся навсегда, то прощай навсегда».
Байрон.

Им овладѣло беспокойство,
 Охота к переменѣ мест
 (Весьма мучительное свойство,
 Немногих добровольный крест).
 Оставил он своё селенье,
 Лесов и нив уединенье,
 Где окровавленная тень
 Ему являлась каждый день,
 И начал странствия без цели,
 Доступный чувству одному;
 И путешествия ему,
 Как всё на свете, надоели;
 Он возвратился и попал,
 Как Чацкий, с корабля на бал.

XIV

Но вот толпа заколебалась,
 По зале шепот пробежал...
 К хозяйке дама приближалась,
 За нею важный генерал.
 Она была не тороплива,
 Не холодна, не говорлива,
 Без взора наглого для всех,
 Без притязаний на успех,
 Без этих маленьких ужимок,
 Без раздражительных затей...
 Всё тихо, просто было в ней.
 Она казалась верный снимок
 Du comme il faut... Шишков,
 прости:
 Не знаю, как перевести.

мучительный — piinarikas
 добровольный — vabatahtlik
 (за) колебаться (зашевелиться) —
 kōikuma, liikuma
 говорливый — jutukas
 наглый — jultunud
 притязание (желание) — pretensioon,
 nõudlus
 ужимка — grimass
 du comme il faut (дю ком иль фо) —
 как надо, образец хорошего вкуса

XV

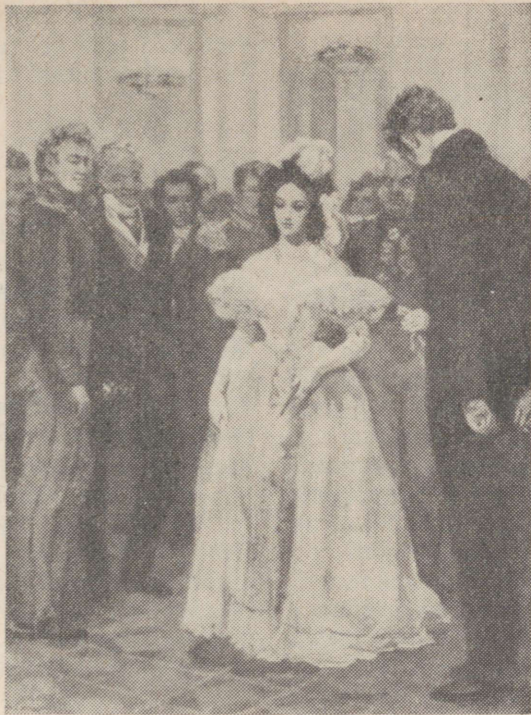
К ней дамы подвигались
 ближе;
 Старушки улыбались ей;
 Мужчины кланялись ниже,
 Ловили взор её очей;
 Девицы проходили тише
 Пред ней по зале: и всех выше
 И нос и плечи подымал
 Вошедший с нею генерал.
 Никто б не мог её прекрасной
 Назвать: но с головы до ног
 Никто бы в ней найти не мог
 Того, что модой самовласт-
 ной

В высоком лондонском кругу
 Зовётся vulgar. (Не могу...

XVI

Люблю я очень это слово,
 Но не могу перевести;
 Оно у нас покамест ново,
 И вряд ли быть ему в чести.
 Оно б годилось в эпиграмме...)
 Но обращаюсь к нашей даме.
 Беспечной прелестью мила,
 Она сидела у стола
 С блестящей Ниной
 Воронскою,
 Сей Kleopáтрою Невы:
 И верно б согласились вы,
 Что Нина мраморной красою
 Затмить соседку не могла,
 Хоть ослепительна была.

Шишков (1754—1841) — адмирал и
 литератор, враг употребления ино-
 странных слов
 самовластный — isevalitsuslik
 vulgar (вульгарный, грубый) — laba-
 ne, jäme
 покамест — пока
 беспечный (беззаботный) — muretu
 затмевать кого? чем? — varju jätma,
 ületama
 затмить*
 ослепительный — pimestav

XVII

«Ужели, — думает Евгений, —
Ужель она? Но точно... Нет...
Как! из глуши степных
селений...»

И неотвязчивый лорнет
Он обращает поминутно
На ту, чей вид напомнил
смутно

Ему забытые черты.
«Скажи мне, князь, не знаешь
ты,

Кто там в малиновом берете
С послым испанским говорит?»
Князь на Онегина глядит:
«Ага! давно ж ты не был в
свете.

Постой, тебя представлю я». —

«Да кто ж она?» — «Жена
моя». —

XVIII

«Так ты женат! не знал я ранее!
Давно ли?» — «Около двух
лет». —

«На ком?» — «На Лариной». —
«Татьяне!» —

«Ты ей знаком?» — «Я им
сосед». —

«О, так пойдём же». Князь
подходит

К своей жене и ей подводит
Родню и друга своего.

Княгиня смотрит на него...

И что ей душу ни смутило,
Как сильно ни была она

ужели — неужели
неотвязчивый — pealetükkiv

малиновый — vabarnavärviline
посыл — saadik

Удивленá, пораженá,
Но ей ничтó не изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был так же тих её поклóн.

XIX

Ей-ей! не то чтоб содрогну́лась
Иль ста́ла вдруг бледна́,

красна́...

У ней и бровь не шевельну́лась;
Не сжа́ла да́же губ она́.

Хоть он гляде́л нельзя́

приле́жней,

Но и следóв Татьяны́ прёжней
Не мог Оне́гин обрести́.

С ней речь хотёл он завести́

И — и не мог. Она́ спроси́ла,

Давно́ ль он здесь, отку́да он

И не из их ли уж сторо́н?

Потóм к супру́гу обрати́ла

Уста́лый взгляд; скользну́ла

вон...

И недви́жим оста́лся он.

XX

Ужель та самая Татьяна,

Которой он наедине́,

В начале нашего романа,

В глухой, далёкой стороне́,

В благо́м пылу нравоуче́нья,

Читал когда-то наставле́нья;

Та, от которой он хранит́

Письмо, где сердце говори́т,

Где всё нару́же, всё на воле,

Та девочка... иль это сон? ..

Та девочка, которой он

Пренебрега́л в смиренной доле,
Ужели с ним сейчас была
Так равноду́шна, так смела́?

XXI

Он оставляет раут тесный,

Домой задумчив едет он;

Мечто́й то грустной, то

преле́стной

Его встрево́жен поздний сон,

Просну́лся он; ему прино́сят

Письмо: князь N покóрно

просит

Его на вечер. «Боже! к ней! ..

О буду, буду!» и скорей

Мара́ет он ответ учти́вый.

Что с ним? в каком он

странном сне?

Что шевельну́лось в глубине

Души холо́дной и ленивой?

Доса́да? сýетность? иль вновь

Забóта юности — любóвь?

XXII

Оне́гин вновь часы́ счита́ет,

Вновь не дожде́тся дня конца́,

Но де́сять бьёт; он выезжа́ет,

Он полете́л, он у крыльца́,

Он с трéпетом к княги́не

вхо́дит;

Татья́ну он одну́ нахо́дит,

И вме́сте не́сколько мину́т

Они́ сидят. Слова́ нейдут́

Из уст Оне́гина. Угри́мый,

Нелóвкий, он едва́-едва́

Ей отвеча́ет. Голова́

поража́ть кого? чем? — gabama

порази́ть *

содрогну́ться (вздро́гнуть) — vōpata-
та

бровь (ж. р.) — kulm

обрести́ — найти

наедине́ — üksi olles

нравоуче́нье — kõlblusõpetus, moraal

наставле́ние — manitsus, õpetus

пренебрега́ть кем? чем? — hülgama

пренебре́чь *

раут — званный вечер без танцев

(на)мара́ть (напа́чькать) — määgima

учти́вый (вежли́вый) — viisakas

доса́да — pahameel

сýетность — edevus

трепет (волне́ние) — värin

Его полна упрямой думой.
Упрямо смотрит он: она
Сидит покойна и вольна.

XXIII

Приходит муж. Он прерывает
Сей неприятный tête-à-tête,
С Онегиным он вспоминает
Проказы, шутки прежних лет.
Они смеются. Входят гости.
Вот крупной солью светской

злости
Стал оживляться разговор;
Перед хозяйкой лёгкий вздор
Сверкал без глупого жеманства,
И прерывал его меж тем
Разумный толк без пошлых

тем,

Без вечных истин, без
педантизма

И не пугал ничьих ушей
Свободной живостью своей.

XXVII

Но мой Онегин вечер целый
Татьяной занят был одной,
Не этой девочкой несмелой,
Влюблённой, бедной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.

XXVIII

Как изменилася Татьяна!
Как твердо в роль свою вошла!
Как утешительного сана
Приёмы скоро приняла!
Кто б смел искать девчонки

нежной

В сей величавой, в сей
небрежной

Законодательнице зал?
И он ей сердце волновал!
Об нём она во мраке ночи,
Пока Морфей не прилетит,
Бывало, девственно грустит,
К луне подымлет томны очи,
Мечтая с ним когда-нибудь
Свершить смиренный жизни
путь!

XXX

Сомненья нет: увы! Евгений
В Татьяну, как дитя, влюблён;
В тоске любовных помышлений
И день и ночь проводит он.
Ума не внемля строгим пеням,
К её крыльцу, стеклянным

сеням

Он подъезжает каждый день;
За ней он гонится, как тень;
Он счастлив, если ей накинёт
Боа пушистый на плечо,
Или коснётся горячо
Её руки, или раздвинет

tête-à-tête (тэт-а-тэт) — разговор
наедине

проказы (шалости) — vallatused

вздор — mõttetus

жеманство — peenutsemine

неприступный — ligipääsematu

богиня — jumalanna

утешительный (трудный, стесняю-
щий) — kitsendav, segav

сан — seisus

величавый — suursugune

небрежный — hooletu

законодательница — tooniandja

Морфей — бог сна в древнегрече-
ской мифологии

подымлет — поднимет

смиренный (скромный) — tagasihoid-
lik

сомненье — kahtlus

дитя — ребёнок

помышление (размышление) — mõ-
tiskelu

не внемля — не слушая

пени (жалобы, укор) — etteheide,
kaebus

Пред нею пёстрый полк
Или платок подымет ей.

XXXI

Она его не замечает,
Как он ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимает,
В гостях с ним молвит слова
Порой одним поклоном
Поробю вовсе не заметит:
Кокетства в ней ни капли
Его не терпит высший свет.
Бледнеть Онегин начинаёт:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онегин сохнет, и едва ль,
Уж не чахоткою страдает.
Все шлют Онегина к врачам,
Те хором шлют его к водам.

XXXII

А он не едет; он заране
Писать ко прадедам готов
О скорой встрече, а Татьяна
И дела нет (их пол таков);
А он упрям, отстать не хочет,
Еще надеется, хлопочет;
Смелей здорового, больно́й,
Княгине слабою рукой
Он пишет страстное посланье,
Хоть толку мало вообще
Он в письмах видел не

вотще.

Но, зная, сердечное страданье
Уже пришло ему не в мочь.
Вот вам письмо его точь-в-
точь.

Письмо Онегина к Татьяне.

Предвижу всё, вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!
Случайно вас когда-то встречу,
В вас искру нежности замечу,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постыльную свободу
Я потерять не захотел.
Еще одно нас разлучило...
Несчастной жертвой Ленский

пал...

Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем не
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан!
Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюблёнными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой всё ваше совершенство,

ливрѳя — teenriulikond, siin: teeni-
jaskond
как ни бѳйся (как ни старайся) —
kuidas ka ei püüaks
вѳды — tervisveed
прадеды — esivanemad
пол — sugu
страстный — kirglik
посланье (письмо) — lākitus, kiri
вотщѳ — naprasno

не в мочь (не под силу) — üle jõu
kāiv
предвидеть — ette nägema
оскорблять кого? чем? — solvama
оскорбить*
повод — põhjus, ajend
постыльный — vastumeelne, tüütav
замена — asendamine
внимать (слушать) — kuulama
совершенство — täiuslikkus

Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот
блаженство!

И я лишён того: для вас
Тащусь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днём увижусь я...
Боюсь: в мольбе моей смирен-

ной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной —
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени,
И, зарывав у ваших ног,
Излить мольбы, признанья,

пени,
Всё, всё, что выразить бы мог,
А между тем притворным
хладом

Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас весёлым
взглядом!..

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Всё решено; я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

Ответа нет. Он вновь
посланье:
Второму, третьему письму
Ответа нет. В одно Собрание
Он едет: лишь вошёл... ему
Она навстречу. Как сурова!
Его не видит, с ним ни слова;
У! как теперь окружена
Крещенским холодом она!
Как удержат негодования
Уста упрямые хотят!
Вперил Онегин зоркий взгляд:
Где, где смятенье, состраданье?
Где пятна слёз?.. Их нет, их
нет!
На сем лице лишь гнева след... .

Да, может быть, боязни тайной,
Чтоб муж иль свет не угадал
Проказы, слабости случай-

ной...
Всего, что мой Онегин знал.
Надежды нет! Он уезжает,
Свое безумство прокликает —
И, в нём глубоко погружён,
От света вновь отрёкся он.
И в молчаливом кабинете
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За ним гналась в шумном
свете,

Поймала, за ворот взяла
И в тёмный угол заперла.

замирать — tarduma
замереть*
блаженство — õndsus
наудачу — hea õnne peale
(ис)тратить — raiskama, kulutama
затея — kavatsus, ettevõte
тягостный (трудный) — raske
презренный — põlatud, nurjatu
укор — etteheide
(за)пылать — leegitsema
притворный — teeseldud

хлад — холод
противиться (сопротивляться) — vas-
tu panema
крещенский — siin: käre külm
негодование — meelepaha
вперить взгляд — ainiti vahtima
гнев — gaev
безумство — meeletus
отрекаться — ära ütleva
отречься*
ворот — krae

Дни мчались — в воздухе
нагретом
Уж разрешалась зима.
И он не сделался поэтом,
Не умер, не сошёл с ума.
Весна живит его. Впервые
Свой покой запертые,
Где зимовал он как сурок,
Двойные окна, камелёк
Он ясным утром оставляет,
Несётся вдоль Невы в санях.
На синих, иссечённых льдах
Играет солнце; грязно тает
На улицах разрытый снег.
Куда по нём свой быстрый бег

XL

Стремит Онегин? Вы заранее
Уж угадали; точно так:
Примчался к ней, к своей
Татьяне,
Мой неисправленный чудак.
Идёт, на мертвеца похожий.
Нет ни одной души в прихожей.
Он в залу; дальше. Никого.
Дверь отворил он. Что ж его
С такою силой поражает?
Княгиня перед ним, одна,
Сидит, не убрана, бледна,
Письмо какое-то читает
И тихо слёзы льёт рекой,
Опершись на руку щекой.

(о) живить — elustama
сурок — ümiseja, kooraogav
камелёк — камин
(ис)сечь — tükkiüks raiuma
(раз)рыть — üles kaevama
неисправленный — parandamatu
мертвец — surnu
прихожая (передняя) — esik

О, кто б немых её страданий
В сей быстрый миг не прочи-
тал!
Кто прежней Тани, бедной Тани
Теперь в княгине б не узнал!
В тоске безумных сожалений
К её ногам упал Евгений;
Она вздрогнула и молчит,
И на Онегина глядит
Без удивления, без гнева...
Его больной, угасший взор,
Молящий вид, немой укор,
Ей внятно всё. Простая дева,
С мечтами, сердцем прежних
дней,
Теперь опять воскресла в ней.

XLII

Она его не подымает
И, не сводя с него очей,
От жадных уст не отымает
Бесчувственной руки своей...
О чём теперь её мечтанье? ..
Проходит долгое молчанье,
И тихо наконец она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вам объясниться откровенно.
Онегин, помните ль тот час,
Когда в саду, в аллее нас
Судьба свела, и так смиренно
Урок ваш выслушала я?
Сегодня очередь моя.

опираться на кого? на что? — toetu-
ma
опереться*
немой — vaikiv
(у)гаснуть — kustuma
внятно — понятно
отымает — отнимает
бесчувственный — tundetu
смиренно (покорно) — alandlikult

XLIII

Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была.
И я любила вас; но что же?
Что в сердце вашем я нашла?
Какой ответ? одну сурóвость.
Не правда ль? Вам была не

новость

Смирénной девочки любовь?
И нынче — боже! стынет кровь,
Как только вспомню взгляд
холодный

И эту проповедь... Но вас
Я не виню: в тот страшный
час

Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной;
Я благодарна всей душой...

XLIV

Тогда — не правда ли? — в
пустыне,
Вдали от сýетной молвы,
Я вам не нравилась... Что ж

ныне

Меня преслédуете вы?
Зачем у вас я на примéте?
Не потому ль, что в высшем
свете

Теперь являться я должна,
Что я богата и знатна́,
Что муж в сражéнях
изувéчен,
Что нас за то ласкаёт двор?

Не потому ль, что мой позóр
Теперь бы всеми был замéчен
И мог бы в обществе принéсть
Вам соблазнительную честь?

XLVI

А мне Оне́гин, пышность э́та,
Посты́лой жи́зни мишура́,
Мой успе́хи в ви́хре све́та,
Мой мо́дный дом и вече́ра,
Что́ в них? Сейча́с отда́ть я
ра́да

Всю э́ту ве́тошь маскара́да,
Весь э́тот блеск, и шум, и чад
За по́лку книг, за ди́кий сад,
За на́ше бе́дное жили́ще,
За те места́, где в пе́рвый раз,
Оне́гин, ви́дела я вас,
Да за смире́нное кладби́ще,
Где ны́нче крест и тень ветве́й
Над бе́дной нянею моёй...

XLVII

А сча́стье бы́ло так возмо́жно,
Так бли́зко!.. Но судьба́ моя́
Уж решена́. Неосторо́жно,
Быть мо́жет, поступи́ла я:
Меня́ с слеза́ми заклинáний
Моли́ла мать; для бе́дной Та́ни
Все бы́ли жре́бии равны́...
Я вы́шла за́муж. Вы должны́,
Я вас прошу́, меня́ оста́вить;
Я зна́ю: в ва́шем се́рдце есть

сурóвость — karmus
смирéнный (скромный, покорный) —
alandlik
(о)сты́нуть — jahtuma, tarduma
проповедь — jutlus
благоро́дно — suursuguselt
сýетный — tühine, edev
молва́ — kuulujutt
знатный — kuulus
(из)увéчить — vigastama
двор — õukond

позóр — häbi
соблазнительный — meelitav
посты́лый — vastumeelne, tüütu
пышность — toredus
мишура́ — обманчивый, показной
блеск
вихрь света — seltskonnaelu keeris
ветошь (ничего не стоящее) — gãmps
чад — ving, suits
заклинáние — tungiv palve
жребий — liisk

И гордость и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лука-
вить?),

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

XLVIII

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражён.
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружён!
Но шпор внезапный звон

раздался,

И муж Татьяны показлся,
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда. За ним
Довольно мы путём одним
Бродили по свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли) пора!

XLIX

Кто б ни был ты, о мой
читатель,

Друг, недруг я хочу с тобой
Расстаться ныне как приятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здесь не искал в строфах

небрежных,

Воспоминаний ли мятёжных,
Отдохновенья ль от трудов,
Живых картин, иль острых

слов,

Иль грамматических ошибок,
Дай бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальных
сшибок,

Хотя крупницу мог найти.
Засим расстанемся, прости!

лукавить (хитрить) — kavaldama
ощущение — tunne
шпоры — kannused
небрежный — hooletu

мятёжный (неспокойный) — rahutu
отдохновенье — отдых
сшиб — спор, ссора
крупница — terakene

ПОВЕСТИ БЕЛКИНА.

МЕТЕЛЬ.

Кони мчатся по буграм,
Топчуг снег глубокій...
Вот, в сторонке божий храм
Виден одинокий.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Воздымая гривы...

Жуковский.

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своём поместье Ненарадове добрый Гаври́ла Гаври́лович Р **. Он славился во всей округе гостеприимством и раду́шием; соседи поминутно ездили к нему пое́сть, попи́ть, поигра́ть по пяти копе́ек в босто́н с его же́но́ю, а некоторые для того, чтоб посмотре́ть на дочку их, Мари́ю Гаври́ловну, стройную, бледную и семнадцатиле́тнюю деви́цу. Она счита́лась богатой невесто́ю, и многие прочли её за себя или за сынове́й.

Мари́я Гаври́ловна была воспита́на на францу́зских романах, и следственно была влюбле́на. Предме́т, избранный ею, был бедный арме́йский прапори́к, находя́щийся в отпу́ску в своей деревне. Само́ по себе́ разуме́ется, что молодой человек пыла́л равною страсти́ю и что родители его любе́зной, заме́тя их взаимную склонность, запре́тили дочери о нём и думать, а его прини́мали хуже, нежели отставно́го заседа́теля.

буго́р (здесь: сугро́б) — lumehang,
küngas
божий храм (церковь) — kirik
метелица (метель, вьюга) — lumetuisik
клок — (lume)tort
вран (ворон) — gonk
вещий — ennustav
стон — oie
гласит (предсказывает) — ennustab
чутко — erksalt
грива — (hobuse)lakk
достопамятный (замеча́тельный) — mälestusväärne
поместье (имение, уса́дба) — mõis
(про)сла́виться *чем?* — kuulus olema

деви́ца — девушка
невеста — pruut
про́чить *за кого?* — määrana (abielumiseks)
следственно — järelikult
арме́йский — jalaväe-
прапори́к — leitnant
(за)пыла́ть страсти́ю — palavalt armastama
любезный (любимый) — armastatu
вза́имный — vastastikune
склонность (симпа́тия) — poolehoid
запре́щать *кому?* — keelama
запре́тить *
отставно́й заседа́тель — kaasistuja
erus

Наши любóвники были в переписке и всякий день видáлись наедине в соснóвой роще или у старой часóвни. Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу́ и делали различные предложéния. Переписываясь и разговáривая таким образом, они (что весьма́ естéственно) дошли́ до следующего рассуждéния: если мы друг без друга дышáть не можем, а воля жесто́ких родителей препятствует нашему благополúчию, то нельзя́ ли нам будет обойтись без неё? Разуме́ется, что эта счастливая мысль пришлá сперва́ в голову молодому человеку и что она весьма́ понравилась романическому воображéнию Марьи Гавриловны.

Наступи́ла зима и прекрати́ла их свидáния; но переписка сделалась тем живее. Владимир Никола́евич в каждом письме́ умоля́л её предáться ему, венча́ться тайно, скрывать́ несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые конéчно будут тронуты наконец героическим постоянством и несча́стьем любóвников и скажут им непременно: Дети! придите в наши объ́ятия.

Марья Гавриловна долго колебáлась; множество планов побéга было отвёргнуто. Наконец она согласи́лась: в назначенный день она должна́ была не ужинать и удалиться́ в свою комнату́ под предло́гом головной боли. Девушка её́ была́ в заговоре, обе они должны́ были выйти́ в сад через заднее крыльцо́, за садом найти́ гото́вые сани, садиться́ в них и ехать́ за пять вёрст от Ненара́дова в село́ Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожидáть.

Накануне́ решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она уклады́валась, увязывала бельё́ и платье, написáла длинное письмо́ к одной своей подруге, друго́е к своим родителям. Она прощалась с ними́ в самых трогательных выражéниях, извиня́ла свой постúпок неодоли́мою силою страсти́ и окáнчивала тем, что блажéннейшею мину́тою жизни почтёт она ту, когда позво́лено будет ей броситься́ к ногáм дражай-

любóвники (любящие) — armastajad
 часóвня — kabel
 клясться кому? в чём? — vanduma
 клянуться*
 (по)сетовать на что? — kaebama
 препятствовать кому? чему? — takis-
 tama
 благополúчие — heaolu
 воображéние — ettekujutus
 (по)венча́ться — laulatama
 трогать кого? чем? — liigutatud ole-
 ma
 тронуть*
 постоянство — püsivus
 объ́ятия — embus

побéг — põgenemine
 отверга́ть — kõrvale lükkama
 отвёргнуть*
 за́говор — salanõu
 трогательный — liigutav
 простúпок — eksisamm, eksimus
 неодоли́мый (непобедимый) — üle-
 saamatu
 блажéнный — õnnis
 почита́ть (счита́ть) — pidama, luge-
 ma
 поче́сть*
 дражайший — очень дорогой
 запеча́тывать — kinni pitseerima
 запеча́тать*

ших её родителей. Запечатав оба письма тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с личной надписью, она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но и тут ужасные мечтания поминутно её пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец её останавливал её, с мучительной быстротою тащил её по снегу и бросал в тёмное, бездонное подземелье. . . и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил её пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться. . . Другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим. Наконец она встала, бледнее обыкновенного и с непритворной головою болью. Отец и мать заметили её беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? раздирали её сердце. Она старалась их успокоить, казаться веселою, и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла её сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, её окружающими.

Подали ужинать; сердце её сильно забилось. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью. Они её поцеловали и, по обыкновению, благословили: она чуть не заплакала. Придя в свою комнату, она кинулась в кресла и залилась слезами. Девушка уговаривала её успокоиться и ободриться. Всё было готово. Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь. . . На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали; всё казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием. Скоро в доме всё утихло и заснуло. Маша окуталась шалью, надела тёплый капот, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад. Метель не утихла; ветер дул навстречу, как будто сиюсь остановить молодую преступницу. Они насили дошли до конца сада. На дорб-

печатка — pitsat (sõrmusel)
 (об)венчаться — laulatama
 подземелье — maa-alune ruum
 стремглав — очень быстро
 с замиранием сердца — hinge kinni
 pidades
 пронзительный — läbilõikav
 непритворный — teesklematu
 раздирать (сердце) — lõhki rebima,
 käristama
 разозлить *
 стеснять сердце — ängistama südant

благословлять — õnnistama
 благословить *
 ободриться — julgust võtma
 ободриться *
 ставень (м. р.), ставни — aknaluuk,
 -luugid
 угроза — ähvardus
 предзнаменование — enne
 капот — женская верхняя одежда,
 пальто
 шкатулка — laegas
 узел (р. п. — узла) — komps
 насили — suure vaevaga

ге сани дожидáлись их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхáживал перед оглóблями, удёрживая ретивых. Он помог барышне и её девушке усéсться и уложíть узлы и шкатулку, взял вожжи, и лошади полетéли. Поручív барышню попечéнию судьбы и искúству Терёшки-кучера, обратímся к молодóму нашему любóвнику.

Целый день Владíмир был в развезде. Утром был он у жадринского священника; насíлу с ним уговорíлся; потом поехал искáть свидетелей между соседними помещиками. Первый, к кому явился он, отставной сорокалётний корнёт Дравин, согласíлся с охóтою. Это приключéние, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусáрские прокáзы. Он уговорíл Владимира остаться у него отобédать и увéрил его, что за другими двумя свидетелями дело не станет. В самом деле, тóтчас после обеда явились землемёр Шмит в усáх и шпорах и сын капитáн-исправника, мальчик лет шестнáдцати, недавно поступívший в улáны. Они не только прíняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готóвности жертвовать для него жизнью. Владимир обнял их с востóргом и поехал домой приготовляться.

Уже давно смеркáлось.. Он отправил своего надёжного Терёшку в Ненарáдово с своéю тройкою и с подрóбным, обстоятельным наkáзом, а для себя велел заложíть маленькие сани в одну лошадь, и один, без кучера, отпра́вился в Жадрино, куда часа через два должнá была приехать и Марья Гаврíловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за окóлицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло: окрéстность исчéзла во мгле мутной и желтовáтой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилóся с землёю. Владимир очутíлся в поле и напрасно хотел снова попáсть на дорогу; лошадь ступáла наудáчу и поминúтно то въезжáла на сугрób, то провáливалась в яму; сани поминúтно опрокидывались. Владимир старáлся только не потеря́ть настоящего направлénия. Но ему казалось, что уже прошлó более получáса, а он не доезжáл ещё до жадринской роши. Прошлó ещё около десяти минút; роши всё было не видать.

оглóбли — aisad
ретивый (конь) — tuline
поручáть кому? — kellegi hoolde
usaldama
поручíть *
попечéние (забóта) — hoolitsus
уговорíться — kokku leppima
прокáзы — vallatused
корнёт — ratsaváe noorem-leitnant
дело не станет за кем? — asi ei jää
peatuma

землемёр — maamõõtja
исправник — maakonna politseiülem
tsaariajal
надёжный — usaldusväärne
накáз (прикáз) — käsk
за окóлицу — külast välja, küla taha
мутный — sogane
хлопья — (lume)helbed
наудáчу — hea õnne peale
опрокидываться — ümber minema
опрокинуты *

Владимир ехал полем, пересечённым глубокими овра́гами. Метель не ути́хала, небо не проясня́лось. Лошадь начина́ла устава́ть, а с него пот кати́лся градом, несмотря́ на то, что он поми́нотно был по пояс в снегу́.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остано́вился: начал думать, припомина́ть, сообража́ть и уве́рился, что должно́ было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступа́ла. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно́ было быть недалекó. Но он ехал, ехал, а полю не было конца́. Все сугробы да овра́ги; поми́нотно сани опроки́дывались, поминутно он их подыма́л. Время шло; Владимир начинал сильно беспоко́иться.

Наконец в сторонé что-то стало черне́ть. Владимир поворотил туда. Приближа́ясь, увидел он рощу. Слава богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около роши, наде́ясь то́тчас попасть на знако́мую дорогу или объехать рощу кругóм: Жадрино находи́лось то́тчас за нею. Скоро нашёл он дорогу и въехал во мрак деревьев, обнажённых зимо́ю. Ветер не мог тут свирепствова́ть; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успоко́ился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отча́яние овладе́ло им. Он ударил по лошади; бедное живóтное пошло́ было рысью, но скоро стало пристава́ть и через четверть часа пошло́ шагом, несмотря́ на все усил́ия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревья начали редёть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видеть. Должно́ было быть около полу́ночи. Сле́зы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода ути́хла, тучи расходили́сь, перед ним лежа́ла равнина, устланная белым волни́стым ковро́м. Ночь была дово́льно ясна́. Он увидел недалекé деревушку, состоящую из четырёх или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой избушки он выпрыгнул из саней, подбежа́л к окну и стал стуча́ться. Через несколько минут деревя́нный ста́вень поднялся, и старик высунул свою седую́ бороду. «Что те надо?» — «Далекó ли Жадрино?» — «Жадриното далеко ли?» — «Да, да! Далекó ли?» — «Недалече; ве́рст десяток будет». При сем ответе Владимир схвати́л себя за волосы и остался недви́жим, как человек, приговорённый к смерти.

пересекать — läbi lõikama
пересечь *
кати́лся градом (пот) — voolas oja-
na (higi)
по по́яс — vööni
овра́г — org
обнажённый — paljastatud
мрак — pimedus

(по)свирепствовать — raevutsema
отча́яние — meeleheide
уси́лие — pingutus
(по)редёть — harvaks muutuma
волни́стый — laineline
приговори́ть к смерти — surmaotsust
tegema

«А откóле ты?» — продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. «Можешь ли ты, старик, — сказал он, — достать мне лошадей до Жадрина?» — «Какие у нас лошади», — отвечал мужик. — «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будет угодно». — «Постой, — сказал старик, опуская ставень, — я те сына вышлю; он те проведит». Владимир стал дожидаться. Не прошло минуты, он опять начал стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Что ж твой сын?» — «Сейчас выдет, обувается. Али ты прозяб? взойди погреться». — «Благодарю, высылай скорее сына».

Ворота заскрипели: парень вышел с дубиной и пошел вперед, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снеговыми сугробами. «Который час?» — спросил его Владимир. «Да уж скоро рассвет», — отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи, и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарядовским помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Гаврила Гаврилович в колпак и байковой куртке, Прасковья Петровна в шлафроке на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девочку узнать от Марьи Гавриловны, каково её здоровье и как она почивала. Девочка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сейчас придет в гостиную. В самом деле дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька», — отвечала Маша. «Ты, верно, Маша, вчера угорела», — сказала Прасковья Петровна. «Может быть, маменька», — отвечала Маша.

День прошел благополучно, но в ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашёл больную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба.

Никто в доме не знал о предполагаемом побеге. Письма, на-

проводник — saatja
дубина — teivas
колпак — öömüts
байковый — baikast (riide sort)
шлафрок — pikk hommikukuub
почивать — спать

угорать — karmust paevalu saama
угореть*
занемочь (захворать) — заболеть
лекарь — врач
вред — sonimine
горячка (лихорадка) — külmtõbi
гроб — kirst

кануне ею написанные, были сожжены; её горничная никому ни о чём не говорила, опасаясь гнева господ. Священник, отставной корнёт, усатый землемер и маленький улан были скромны, и не даром. Терёшка-кучер никогда ничего лишнего не высказывал, даже и во хмелю. Таким образом тайна была сохранена более чем полудюжиною заговорщиков. Но Марья Гавриловна сама, в беспредастном бреду, высказывала свою тайну. Однако ж её слова были столь несообразны ни с чем, что мать, не отходящая от её постели, могла понять и них только то, что дочь её была смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что вероятно любовь была причиною её болезни. Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конём не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

Между тем барышня стала выздоравливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Положили послать за ним и объявить ему неожиданное счастье: согласие на брак. Но каково было изумление ненарадовских помещиков, когда в ответ на их приглашение получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остаётся единою надеждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, нашед имя его в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородиным, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка её не возвратилась. Однако, слава богу, обморок не имел послѣдствия.

Другая печаль её посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя её наследницей всего имения. Но наследство не утешало её; она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею не расставаться; обе они оставили Ненарадово, место печальных воспоминаний, и поехали жить в ***ское поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Мать иногда уговаривала её выбрать себе друга; Марья Гавриловна качала го-

во хмелю — purjuspäi
заговорщик — vandeseitlane
суженый — saatusest määratud peig-
mees
порок — rahe
оправдание — vabandus

отличаться — välja paistma
отличиться *
упасть в обморок — minestama
последствие — järeltus
скончаться — умереть
горесть — горе, несчастье

ловой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов. Память его казалась священной для Маши; по крайней мере она берегла всё, что могло его напомнить; книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для неё. Соседи, узнав обо всём, дивились её постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностью этой девственной Артемизы.

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные песни: *Vive Henri-Quatre*, тирольские вальсы и арии из Жоконда. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество!* Как сладки были слёзы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к госудáрю! А для него, какая была минута!

Женщины, русские женщины, были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоитель, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*

Кто из тогдашних офицеров не сознаётся, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградою?..

В это блистательное время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губернии и не видела, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был ещё сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве.

Мы уже сказывали, что, несмотря на её холодность, Марья Гавриловна всё по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в её замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Гебргием в петлице и с *интересной бледностию*, как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находящиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нём обыкновенная задум-

постоянство (верность) — *truudus*
 девственный — *neitsilik*
 Артемиза (греч. Артемидá, рим. — Диána) — богиня, покровительница женского целомудрия (*voorus*)
 отрок — *поогук*
 (воз)мужать — *mehiseks muutuma*
 незабвенный — *незабываемый*
 восторг — *vaimustus*
 единодушные — *üksmeel*

бесподобный — *võrratu*
 упоительный — *joovastav*
 искатель (руки) — *püüdleja, kosilane*
 торжество — *праздник*
 отступать — *taganema*
 отступить *
 с Гебргием в петлице — *Georgi au-
 märk põõpaugus*
 тамошний — *sealne*

чивость её оживлялась. Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала; но поёт, замéтя её поведéние, сказал бы:

Se amor non è, che dunque? . .

Бурмин был, в самом деле, очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдéния, безо всяких притязáний и беспéчно насмéшливый. Поведéние его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душá и взоры его так за нею и следовали. Он казался нрава тихого и скромного, но молвá уверяла, что некогда был он ужасным повéсою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовóльствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера.

Но более всего. . . (более его нежности, более приятного разговóра, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчáние молодого гусáра более всего подстрекало её любопытство и воображéние. Она не могла не сознавать в том, что она очень ему нравилась; вероятно и он, с своим умóm и опытностию, мог уже заметить, что она отличáла его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и ещё не слыхала его признáния? Что удерживало его? робость, неразлучная с истинною любóвию, гордость или кокетство хитрого волокíты? Это было для неё загадкою. Подумав хорошéнько, она решила, что робость была единственной тому причíною, и положила ободрить его бóльшею внимáтельностью и, смотря по обстоятельствам, даже нежностию. Она приуготовляла развязку самую неожиданныю и с нетерпéнием ожидала минуты романического объяснénия. Тайна, какого роду ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Её военные действия имéли желаемый успех: по крайней мере, Бурмин впал в такую задумчивость и чёрные глаза его с таким огнём останáвливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседи говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь её наконец нашла себе достóйного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гран-пасьянс, как Бурмин вошёл в комнату и тотчас осведо-

se amor non è, che dunque? — если это не любовь, так что же это? (итал.)

наблюдéние — vaatlemine, vaatlus
притязáние — pretensioon, nõudlus
повéса — võrukael
пылкость характера — темперамент
подстрека́ть (любопытство) — äratama (uudishimu)

опытность — kogemus
признáние — ülestunnistus
робость — arglikkus
волокíта — naistekütt
смотря по обстоятельствам — olenevalt olukorrast
развязка — lahendus, lõpp
тягостный — трудный
достóйный — vääriline

мился о Марье Гавриловне. «Она в саду, — отвечала старушка, — пойдите к ней, а я вас буду здесь ожидать». Бурмин пошёл, а старушка перекрестилась и подумала: «авось дело сегодня же кончится!»

Бурмин нашёл Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образом взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только внезапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей своё сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза в знак согласия.

«Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно. . .» (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову ещё ниже.) «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно. . .» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux.) «Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне ещё остаётся исполнить тяжёлую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду. . .» — «Она всегда существовала, — прервала с живостию Марья Гавриловна, — я никогда не могла быть вашею женою. . .» — «Знаю, — отвечал он ей тихо, — знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований. . . Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать моё счастье. если бы. . . молчите, ради бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнейшее создание. . . я женат!»

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

«Я женат, — продолжал Бурмин; — я женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!»

«Что вы говорите? — воскликнула Марья Гавриловна: — как это странно! Продолжайте; я расскажу после. . . но продолжайте, сделайте милость».

ива — raju
поддерживать разговор — jutulõnga
ülal hoidma
взаимный — vastastikune
замешательство — segadus
внезапный — ootamatu
потуплять глаза — langetama silmi
потупить*
привычка — harjumus

St. Preux — Сан-Пре, герой романа
Ж. Ж. Руссо «Новая Элоиза»
противиться (сопротивляться) чему?
— vastu panema
непреодолимый — ülesaamatu
преграда — takistus
сетование (жалоба) — kurtmine,
ahastamine
терзать (мучить) — piinama

«В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихла; я увидел огонек и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда, сюда!» — кричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты замешкался? — сказал мне кто-то: — невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в темном углу церкви; другая терла ей виски. «Слава богу, — сказала эта, — насыла вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили». Старый священник подошел ко мне с вопросом. «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показала мне недурна... Непонятная, непростительная ветреность... я стал подле нее перед алтарем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. — «Поцелуйтесь», — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное свое лицо. Я хотел было ее поцеловать... Она вскрикнула: «Ах, не он! не он!» — и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви, безо всякого препятствия, бросился в кибитку и кричал: пошел!»

«Боже мой! — кричала Марья Гавриловна: — и вы не знаете, что сделалось с бедной вашей женою?»

«Не знаю, — отвечал Бурмин, — не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что,

смотритель — postijaama ülem
 ямщик — postipoiss, küüdimees
 паперть — kirikuesine trepiga
 замешкаться — kinni pidama
 лавочка (скамейка) — pink
 виски — meelekohad
 уморить — surnuks piinama
 рассеянно — hajameelselt
 ветреность — kergemeelsus

алтарем — lugemispult (õigeusu kirikus)
 упасть без памяти — потерять сознание
 препятствие — takistus
 преступный — kuritegelik
 проказа (шалость) — vallatus
 (ото)мстить — kätte maksm

отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отмщена».

«Боже мой, боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку: — так это были вы! И вы не узнаете меня?..»
Бурмин побледнел... и бросился к её ногам...

ИЗ ЖИЗНИ ЛЕРМОНТОВА.

По Г. К. Бочарову.

О! чем запла́тишь ты, ти́ран,
За эту праведную кровь,
За кровь люде́й, за кровь гражда́н ...
(«30 июля. — (Париж) — 1830 года».)

29 января 1837 г. в Петербурге умира́л великий человек, равного которому не было во всей России. У дома его стояла толпа́ людей. Люди безмо́лвно глядели в окна квартиры, плотно закрытые шторами. Наде́жды уже не было, но люди стояли и ждали. Вот из подъе́зда вышел человек, потом ещё́ двое. И поползла́ по толпе́ скорбная весть: Пушкин сконча́лся! Люди не расходили́сь. Их стано́вилось ещё́ больше и больше. Они вгля́дывались в окна квартиры, и многие из них думали одну и ту же думу: «Кто же отомсти́т убийца́м за смерть Пушкина? Кто теперь заме́нит его? Наиде́тся ли в России другой великий поэт?»

В этот день молодой офицер Лермонтов был нездоров. Он сидел у себя в комнате и перели́стывал тетради своих стихов. Михаилу Лермонтову было 22 года. Он давно уже писал стихи, но о его стихах знали немно́гие. Лермонтов не хотел их печатать. Стихи каза́лись ему плохими. Он учился писать у Пушкина, но не мечта́л сравни́ться с великим поэтом. Теперь он перели́стывал тетради и за каждой строчкой своих стихов видел любимого учителя. Вот первые совсем робкие опыты. Вот «Черкёсы», «Кавка́зский пленник». Это ещё́ детское подража́ние Пушкину. А вот «Парус», «Два велика́на», «Умира́ющий глади́атор», «Бородино́». Это уже своё. Если бы не было Пушкина, разве он мог бы созда́ть эти стихи? Пушкин! Теперь он умира́ет.

плотно — tihedalt
штора — aknaeesriie
скорбный (печальный, грустный) —
kurb
(ото)мсти́ть кому? за что? — kätte
maksma

заменя́ть кого? что? кем? чем? —
asendama
заменить*
сравни́ться с кем? — end võrdlema
робкий (несмелый) — arg
подража́ние — matkimine, jäljenda-
mine

Может быть, его уже нет. Лермонтов вздрогнул. Ему стало холодно. Нет, в такую минуту нельзя сидеть дома.

Лермонтов оделся и вышел. Ему было трудно идти. Стояла оттепель. Было сыро и холодно. Уличный шум казался ему каким-то глухим, отдалённым, и в самом воздухе чувствовалось что-то зловещее. На набережной он встретил знакомого литератора.

— Как Пушкин? — спросил Лермонтов.

— Полчаса назад скончался.

Лермонтов прислонился к решётке набережной. Силы оставили его. Опустив голову, он молчал.

Прошло два дня. Мёртвый Пушкин лежал в гробу, церковные подсвечники чадили и пахло воском. Дьячок монотонно читал псалмы. В стороне академик Бруни писал последний портрет Пушкина. Люди входили, снимали шапки, крестились, говорили шёпотом. Они вглядывались в лицо Пушкина, они старались запомнить его черты. Пушкин как будто ушёл в себя. Кажалось, что он глубоко задумался.

В этот день к Пушкину пришёл и Лермонтов. Он остановился у гроба и словно застыл. Лермонтов был так же неподвижен, как и Пушкин. Он думал о том, что часто хотелось ему увидеть Пушкина близко, пожаты ему руку, ему одному доверить свои стихи. Вот теперь Пушкин рядом с ним, но рука его холодна. Но всё-таки он принёс Пушкину свои стихи. Лермонтов написал их вчера кровью сердца. И вот он теперь мысленно читает своему учителю скорбные строки:

Погиб поэт, невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой! ..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид, —
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... И убит! ..
... Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

оттепель — sula(ilm)
зловещий — kurjaennustav
решётка — võre
подсвечник — küünlajalg
(за)чадить — suitsu ajama
воск — vaha
(пере)креститься — risti ette lööma
застывать — tarduma
застыть*
невольник — vang

пасть (погибнуть) — hukkuma
(о)клеветать — laimama
молва (слухи) — kuulujutud
мелочный — väiklane
мнение (света) — arvamus (seltskon-
na)
приют — varjupaik
уста (губы) — huuled
печать — pitser

Задумавшись, стоял Лермонтов у гроба. Он прощался с учителем. И никто не знал, что у гроба великого Пушкина стоит его великий наследник. Никто не знал, что скоро этот офицер будет гордостью и славой России. Никто не знал, что он повторит роковую судьбу Пушкина.

Ещё не увезли тело Пушкина в Михайловское, а уж весь Петербург повторял имя Лермонтова. Нашёлся новый поэт, который бросил дворянской знати, убившей Пушкина, прямо в лицо огненные строчки своих стихов!

Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар.
Что ж! веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный веноч.
... Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невест.
И умер он с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.

Эти строчки люди повторяли наизусть. А потом к ним прибавились ещё более гневные и беспощадные. В них Лермонтов называл убийц «палачами свободы, гения и славы».

Так Лермонтов вступил на путь Пушкина. Из рук Пушкина выпало светлое знамя русской поэзии. Лермонтов подхватил и высоко поднял его.

*

К чему глубокие познания, жажда знаний,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем.
(«Монолог».)

А лицемерная светская знать уже заметила своего противника и приготовилась к борьбе. В бальных залах уже шептались старушки-графини и старички в расшитых золотом мунди-

наследник — järeltulija
роковой — saatuslik
знать — aristokraatia, kõrgem seltskond
дар (талант) — anne
потеха (развлечение) — lõbu
(раз)дувать — suureks puhuma
(за)тайться — end varjama
светоч (факел) — tõrvik

отравлять (в//вл) — mürgitama
отравить *
коварный — salakaval
невежда — harimatu inimene
мщение (месть) — kättemaks
гневный (злой, сердитый) — raevukas
палач — timukas
(вы)пасть — välja kukkuma
подхватывать — kinni haarama
подхватить *

рах: «Ну, где же это видано! Славу богу, уговорился Пушкин, теперь какой-то новый, Лермонтов, мутит людей. Как это правительством до сих пор терпит?» Уже светские сплетницы-дамы преподнесли начальнику жандармов, графу Бенкендорфу, листок со стихотворением Лермонтова.

Уже царь Николай I получил от кого-то стихи Лермонтова с припиской: «Воззвание к революции». Уже над головою Лермонтова собрались тучи.

И вот 20 февраля в дом бабушки Лермонтова Елизаветы Алексеевны Арсеньевой ворвались царские жандармы. В полчаса они перерыли весь дом и увезли с собою любимого её внука, её Мишеля и друга его Святослава Раевского, который распространял стихи Лермонтова.

Бабушка осталась одна. Она ходила из комнаты в комнату, она глядела на улицу. Может быть, Мишель возвратится. Но настала ночь, а внук не возвращался. Она прислушивалась, не стукнет ли внизу дверь. Бабушка вспоминала детство Мишеля, деревенское приволье в Тарханах, где рос её внук, потом благородный пансион в Москве. Здесь Мишель стал писать стихи. Потом — университет. Ночами просиживал он за книгами, сочинял стихи. Потом военная школа, мундир офицера и снова книги, и снова стихи. Если бы она знала, что стихи принесут беду, разве она нанимала бы ему дорогих, образованных гувернёров. Это они привили ему страсть к стихам. Проклятые стихи! До рассвета присидела бабушка в глубоком кресле. Слезы жгли ей глаза.

А её Мишель в эту ночь ходил из угла в угол, запертый в тесной камере гауптвахты. Выла метель. За окном бушевал снег. Часовой за дверью напевал унылую солдатскую песню.

Жандармы не медлили. Уже через пять дней военный министр передал Бенкендорфу решение царя: «Лейб-гвардии гусарского полка корнета Лермонтова за сочинение известных Вашему Сиятельству стихов перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк, а губернского секретаря Раевского за распространение сих стихов... отправить в Олонёцкую губернию».

«Перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк»... Что же это значило? Нижегородский полк воевал с горцами на Кавказе. Это значило: убраться Лермонтова подальше, под пули черкесов.

уговориться (успокоиться) — gahu-
nema

мутить — ässitama

сплетница — keelepeksja

воззвание — üleskutse

врываться куда? — sisse tungima

ворваться*

(пере)рвать — läbi tuhnima

прививать — külge pookima, kasva-
tama

привить*

проклятый — neetud

камера — kamber

гауптвахта — peavaht

часовой — tunnimees

унылый — kurb

Михаил Лермонтов не унывал. Напротив, он был горд. Он знал теперь, что идёт по дороге Пушкина.

Весною 1837 года Лермонтов ехал на Кавказ. Это была уже не первая поездка на Кавказ: давным-давно, ещё в детстве, бабушка два раза возила его туда. Он хорошо помнил кудрявую гору Машук, покрытую лесом и похожую на персидскую шапку. Остроконечный пятиглавый Бэштау с голыми скалами. Далёкий двуглавый Эльбрус. На заре его снеговые вершины кажутся розовыми, а в полдень они ослепительно белые. Он помнил горцев в папáхах и чёрных мохнáтых бурках. Зимóю, в Тарханах, он рисовал Кавказские горы и лепил горцев из воска.

Это было давно.

Теперь он ехал на Кавказ, в ссылку, ехал по тем же дорогам, по которым семнадцать лет тому назад ехал в ссылку и Пушкин.

По дороге Лермонтов заболел ревматизмом. Пришлось заехать в Пятигорск лечиться. Пятигорск. Он всё такой же. Новенький, чистенький городок. Шумят целёбные ключи, шумит разноязычная толпа, а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы, всё синее и туманнее. . . Воздух чист и свеж. В этом чудесном солнечном городе ревматизм скоро как рукой сняло. Снова надо собираться в путь далёкий, разыскивать свой полк.

Лермонтов пробирался в Тифлис. А там, далеко на севере, в Петербурге, действовала бабушка Арсеньева. Она спасала своего внука. Трудно было обивать пороги влиятельных знакомых в её годы. Но чего не сделаешь для любимого внука? К счастью, у бабушки Арсеньевой большие знакомства. Она дошла даже до самого Бенкендорфа и вымолила-таки прощенье внуку. И вот в Тифлисе Лермонтов узнал, что его переводят в Гродненский гусарский полк. Теперь надо ехать в Новгород. Снова длинный путь назад, по Военно-Грузинской дороге, через Владикавказ, Ставрополь.

Но недолго пришлось пробыть Лермонтову в Новгороде. Бабушка не успокоилась. Она выхлопотала своему Мишэлю перевод почти в самый Петербург, в Царское село, снова в тот же лейб-гвардейский полк. Ссылка окончилась.

Только надолго ли?

пятиглавый — viie tipuga
мохнатый — karvane
бурка — вичка (viltriidest ja kitsevil-
last mantel)
(вы)лепить — voolima

целёбный — tervise-
амфитеатр — ring- või amfiteater
(на)громоздиться — end kuhjama
обивать пороги — ukšeläve kulutama

О, как мне хочется смутить весёлость их
И дерзко бросить им в глаза железных стих,
облитый горечью и злостью...

В Петербург вернулся уже не прежний Мишель Лермонтов. Его встретили как известного, любимого поэта. Перед ним открылись двери светских гостиных и салонов. Поэта беспрерывно приглашали на балы и праздники.

Полтора́ года тому наза́д эта слава ослепила бы Мишеля и вскружила бы ему голову. А теперь он был равнодушен к славе. Он помнил о Пушкине и знал, что за похвала́ми та́ится клеветá, он знал, что врагов у него больше, чем друзей.

Его не тянуло в бальные залы. Было душно и тоскливо в Петербурге. Его окружала праздная, ленивая, чванливая толпа. Часто, просыпаясь утром, он с отвращением вспоминал, что вечером придётся быть на балу, учтиво кланяться, шаркать ногой, танцевать. Лермонтову хотелось большого дела. Казалось, что время проходит бесполезно. Хотелось вырваться из Петербурга, уехать. Поэт хотел пойти в отставку, но ему отказали. Тогда он сам попросил, чтобы его отправили на Кавказ. Но и в этом отказали да ещё пристыдили: «Что же вы свою бабушку в гроб свести хотите? Хлопотала, хлопотала, а теперь снова на Кавказ».

Наступил 1840 год. В новогоднюю ночь в дворянском благородном собрании был блестящий бал-маскарад. Гремела музыка, звенели шпоры гусар, проносились ряженные турчанки, испанцы, рыцари. Лермонтов не танцевал. Он стоял, прислонившись к колонне и равнодушно глядел на танцующих. Ему было скучно.

В перерыве между танцами к нему подошли две дамы: одна в розовом домино, другая — в голубом. Лица обеих дам были скрыты масками. Они насмешливо заговорили с ним по-французски. Лермонтов отвечал скупо и всем своим видом показывал, что он был бы рад, если бы его оставили в покое.

Дамы поспешно отошли. Перед ними почтительно расступались. Лермонтов хорошо знал, кто были эти дамы. Это особы из царской фамилии, а одна из них — дочь Николая I. Ну,

ослеплять (п//пл) — pimestama
ослепить*
клеветá — laim
(по)тянуть куда? — tõmbama
душно — umbne
праздний — jõude-
чванливый — kõrk, ülbe, upsakas
отвращение — vastikus, tülgestus
учтиво — aupaklikult
шаркать ногой — jalaga kraapsama
(kummardades tervitama)
шаркнуть*

пойти в отставку — ergu minema
(при)стыдить — häbistama
дворянское благородное собрание —
место, где собиралось аристократи-
ческое общество
ряженный — maskeeritud
турок, турчанка — türklane
скупо — napilt, napisõnaliselt
почтительно (учтиво) — aupaklikult
расступаться — teed andma
расступиться*
особа — isik

что ж, тем лучше! Это дерзкое невнимáние не было забыто и не было прощено Лермонтову.

Вернувшись с бала, Лермонтов не мог спать. Его душило чувство тоскí, одиночества. В его умé складывались стихи «облитые горечью и злостью». И, как три года назад, ему хотелось бросить эти стихи прямо в глаза светским бездельникам.

О дерзком офицере Лермонтове снова заговорили. Припомнились его смелые стихи. Его называли «высочкой». Его собирались проучить. Нужен был только подходящий случай. Но разве трудно было найти повод? Светская знать хорошо владела оружием, которым можно было убить любого гиганта. Это оружие — клеветá и сплетни. Этим оружием убили Пúшкина. Это оружие пустили в ход против Лермонтова.

*

На петербургских балах часто появлялся иностранец де-Барант, сын французского послánника. Клеветники реши́ли сделать из него нового Дантеса. Они отыскали старую эпиграмму, маленькое насмешливое стихотворение, которое Лермонтов давно написал на одного из товарищей по юнкерской школе. Баранту сказали, будто эта эпиграмма высмеивает его.

И вот на балу Барант потребовал объяснений и оскорбил Лермонтова.

— Если бы я был в своём отечестве, — сказал он, — я знал бы, как кончить дело.

— Поверьте, — ответил Лермонтов, — в России следуют правилам чести так же, как и вездé. Мы, русские, не позволяем оскорблять себя безнаказанно.

Этот разговор кончился дуэлью. Но расчёты врагов Лермонтова не оправдались. Дуэль окóнчилась пустяками. Барант промахнулся, а Лермонтов совсем не хотел ни убивать, ни ранить и выстрелил в воздух.

За такую дуэль обыкновенно не наказывали. Но Лермонтова нужно было убрáть во что бы то ни ста́ло. Через несколько дней его арестовали.

Дело тянулось целый месяц. Жандармы были в очень труд-

дерзкий — jultunud
(за)душить — lámmatama
облитый — täis
горечь — kibedus
злость — viha
бездельник — päevavaras
высочка — ninatark
проучивать — karistama, õpetama
проучить *
повод (причина) — põhjus
сплетни — laimujutt
пустить в ход — käiku laskma

послánник — saadik
клеветник — laimaja
оскорблять — solvama
оскорбить *
безнаказанно — karistamatult
расчёты — arvestused
оправдываться — õigeaks osutama
оправдаться *
промахнуться — mõõda laskma
во что бы то ни ста́ло — iga hinna eest

ном положёнии. Надо было обяза́тельно засудить Лермонтова. Но судить было не за что, тем более, что противники помирились.

Военный суд сначала даже вынес суровое решение: лишить Лермонтова дворянского звания и разжаловать в солдаты. Но нашлись люди поумнее. Они посоветовали Бенкендорфу и царю не делать этого. Зачем столько шума? Ведь Лермонтов — известный поэт. Его ставят наравне с Пушкиным. Пойдут разговоры, что в России преследуют поэтов. Не лучше ли опять убрать Лермонтова, но убрать так, чтобы он не возвратился, послать его на передовые позиции, под пули?

Николай согласился и подписал приказ: «Поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином».

«Ну, что же, — думал Лермонтов, — на Кавказ, так на Кавказ! Подальше от светской скуки, от сплетен, от надоевших балов. Ведь хотелось же мне на Кавказ! Вот и исполнилось». Так утешал себя Лермонтов.

И снова Кавказ. Тенгинский полк участвовал в самых жарких битвах. Полк наступал по ущельям, перебирался через перевалы и горные реки. Каждый день стычки с горцами. Лермонтов не щадил себя. Он собрал отряд, который так и называли: «Лермонтовским». С горстью людей он бросался на большие отряды горцев и побеждал. Пули не брали его. О его удали рассказывали в полках. И командующий, князь Голицын, даже представил его к золотой сабле за храбрость. Но в Петербурге Лермонтова вычеркнули из наградных списков. Ему разрешили только короткий отпуск в Петербург.

И вот в январе 1841 года Лермонтов поехал в столицу. Ему хотелось повидать бабушку, друзей.

В Петербурге его встретили восторженно. Его венчали славой как великого поэта. Но это были друзья. А в Петербурге были еще и враги. Их было больше, они были сильнее, они следили за каждым его шагом.

Несколько недель пролетели быстро. Однажды Лермонтов явился на блестящий бал в своем скромном армейском мундире. Его заметил брат царя Михаил Павлович.

«Как? Опять Лермонтов! И как он смеет показываться на

засудить — karmilt kohut mõistma
дворянское звание — aadliseisus
разжаловать (в солдаты) — degraderima, alandama
передовые позиции — eesliin
чин — aukraad
надоевший — tüüdanud
утешать — trööstima
утешить *
ущелье — mäekitsus
перевал (горный) — mäekuru

стычка — kokkupõrge
(по)щадить — armu heitma
горсть — peotäis
удаль (смелость) — uljus, julgus
представлять к чему? — esitama
(millegi saamiseks)
представить *
сабля (шашка) — mõök
восторженно — vaimustatult
венчать славой — kroonima kuulsusega

балу, да ещё в армейском мундире с короткими фалдами? **Выгнать немедленно!» Хозяйка дома, графиня Воронцова-Дашкова, незамётно увела Лермонтова в задние комнаты и через чёрный ход выпустила на улицу. А через несколько дней он получил приказ: покинуть столицу в 24 часа.**

И снова он ехал на Кавказ. В груди kloкотала ненависть. Его, поэта, опять забросали камнями. Ненависть сменялась тоской. Казалось, что и жить-то не стоит, незачем.

Лермонтов приехал в Георгиевск вместе с другом Алексеем Столыпиным. Отсюда нужно было отправляться в Шуру, в Тенгинский полк. Но так хотелось ещё раз заехать в Пятигорск. Теперь начало лета. Пятигорск полон друзей и знакомых.

— Послушай, — взмолился Лермонтов Столыпину, — едем в Пятигорск.

— Нельзя, я должен доставить тебя в полк.

— Можно! Ну, только на неделю, на три дня, если хочешь. Знаешь что? Пусть решит случай. Бросаю монету. Если орёл — так и быть, едем в полк. Если решётка — в Пятигорск.

Высоко подброшенная монета упала и покати́лась в угол.

Через час друзья мчались в Пятигорск: выпала решётка.

*

И вы не смаете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь...

(«На смерть поэта».)

В Пятигорске, действительно, было немало петербургских знакомых. Приехал брат Пушкина — Лев. Здесь был старый товарищ Лермонтова ещё по военной школе — Мартынов. Лермонтов называл его «мартышкой». Мартынов не был ни другом, ни врагом. Этот молодой офицер любил похвастать, наряжаться, украсить себя оружием. Собираясь на бал, он выливал на себя флакон духов. Он не был зол, но у него нехватало своего ума и своей воли. Лермонтов часто дразнил его. Мартынов, бывало, надётся, но скоро забудет.

Молодёжь собиралась в Пятигорске в доме атамана казачьих

фалды (мундира) — (mundri)hõlmad
через чёрный ход — tagaukse kaudu
(за)клокотать — keema
взмаливаться — anuma, tungivalt paluma
взмолиться*
доставлять — kohale toimetama
доставить*
монета — münt
орёл — kull (siin: mündil)
решётка — mündi kirjapool
действительно — tõepoolest

мартышка — pärdik
(по)хвастать — hooprema
наряжаться — end ehtima
нарядиться*
украшать чем? — kaunistama
украсть*
флакон духов — pudel lõhnaõli
воля — tahtejõud
(по)дразнить — narrima
(на)дуться — mossitama
атаман — kasakapealik

войск Верзилина. У Верзилиных были взрослые дочери. Танцевали, пели, рисовали, устраивали прогулки. Жизнь как будто шла беззаботно. Но тоска не покидала сердца Лермонтова. Он видел, что враги не оставили его даже здесь, в Пятигорске. В эти летние месяцы сюда, на воды, съехалась светская знать. Здесь был сын повелителя жандармов, юнкер Бенкендорф. Здесь был глупый задира и гордец, молодой князь Васильчиков. Здесь была пятигорская генеральша Мерлини, которая спокойно не могла видеть Лермонтова. Иногда, проходя, он слышал, как вслед называли его «высочкой», «ядовитой гадиной». Он чувствовал, что против него составляется заговор; видел, как вокруг Васильчикова собираются его недруги. Среди них Лермонтов заметил и Мартынова. Васильчиков о чём-то шептался с ним.

Тогда он сам бросил вызов своим врагам. Васильчикова он уничтожил меткой эпитафией:

Наш князь Василь
 Чиков по батюшке,
 Шеф простофиль, глупцов по дядюшке.

Лермонтов окончательно убедился, что его приятель Мартынов в стане врагов. Поэт стал ещё язвительнее. Однажды Мартынов пришёл к Верзилиным с двумя кинжалами по бокам. «Мартынов похож сразу на двух горцев», — заметил Лермонтов. Этого было достаточно. Случай представился, и Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль.

15 июля 1841 года. В этот последний день жизни Лермонтова раннее утро было необычайно голубое и свежее. Лермонтов ехал верхом по узкой тропинке мимо Машукá. Он вспомнил: вечером дуэль. Может быть, это — конец. И вдруг ему захотелось жить. Он увидел зелёные листья винограда и блестящие на солнце капельки росы и почувствовал, как любит природу, как дорогá ему жизнь. Нет, он не умрёт сегодня! Лермонтов прищипорил лошадь и поскакал рысью.

К вечеру собралась гроза. Громадная туча медленно ползла

воды — tervisveed
 повелитель — käsikija
 юнкер — junkur
 задира — tülinorija, riukukk
 гордец — kempleja, kõrk isik
 выскочка — ninatark
 ядовитый — mürgine
 гадина — kõlvatu olend, reo
 заговор — vandeselts
 недруг — vrag
 вызов — väljakutse

уничтожать — hävitama
 уничтожить *
 меткий — tabav
 по батюшке — isanime järgi
 простофиля — tohman, tobu
 глупец — lollpea, tobu
 стан врагов — vaenlaste leer
 виноградник — viinamarjaistandus
 росá — kaste
 (при)щипорить — kannustama
 рысью — traavi

с востока. Она была грозная и синяя. Казалось, она предвещает несчастье.

Противники и секундánты спешили к подно́жью Машука́. А туча ползла. Она уже закры́ла небо. Где-то за горю́ю грохотал гром.

У подно́жья Машука выбрали пло́щадку. Поспéшно отméтили барьéр и поста́вили противников, Лермонтов стоял у барьéра. В правой руке он держал пистолéт.

«Сходите́сь», — торопи́ли секундánты. Лермонтов поднял пистолéт дулом вверх и сказал: «Мартынов, я буду стреля́ть, но только не в тебя́». И выстрелил в воздух. Мартынов с по́днятым пистолéтом пошёл прямо на Лермонтова. У барьéра он остано́вился и нерешительно посмотре́л на Васи́льчикова. Поднялся ветер. Падали крупные капли дождя.

«Стреляй!» — крикнул Васи́льчиков. Мартынов прице́лился в сердце Лермонтова и выстрелил. Страшный удар грома. В свете молнии секундánты уви́дели, как пистолéт Лермонтова летит вверх, а сам он падает на́взничь. Хлынул дождь. Будто сама приро́да пришла в ярость от того, что произошлó. Гневно греми́т гром, хлещет дождь, страшно блещет молния. Она освещáет убийц, в ужасе склонившихся над телом поэта.

А в этот самый час почта везла́ на Кавказ секретный приказ царя: пору́чика Лермонтова ни в каком случае не отдаля́ть от передовы́х пози́ций и поруча́ть ему самые опа́сные дела. В этом прика́зе уже не было надобности.

В душную ию́льскую ночь под Петербургом, в Павловском парке, был устроéн пышный праздник. Гремели оркэ́стры. По аллэ́ям парка, разукра́шенным цветны́ми фона́риками, снова́ла разоде́тая толпа. Взлетáли в воздух фейерверки. Петербургский свет весели́лся.

В одной из бесéдок парка сидел Никола́й I. Против него стоял граф Бенкендорф.

«Ваше вели́чество, — говорил Бенкендорф, — полу́чены извэ́стия о том, что на Кавказе убит на дуэли поэт Лермонтов».

Никола́й засмеялся:

грозный — ähvardav, julm
предвещáть — ennustama
подно́жье — jalam
поспéшно (быстро) — kiiresti
дуло пистолéта — püstolitoru
прице́ливаться — sihtima
прице́литься *
навзничь (лицом вверх, на спину) — selili

ярость (гнев) — gaev
убийца — mõrtsukas
надобность — vajadus
душный — lämmatav
фона́рик — väike latern
снова́ть — sagima
разоде́тый — hästi rietatud
фейерверк — ilutulestik
бесéдка — lehtla

«Вы хотели сказать, граф, поручик Лермонтов. Ну что ж? Тудá ему и дорога. Вычеркнуть из списков».

Бенкендорф почтительно наклонил голову.

Трещáли фейерверки. Из павильона неслись танцевáльные мелодии. Праздник продолжáлся.

В июле 1841 года полковые писари вычёркивали имя поручика Лермонтова из списков Тенгинского пехотного полка. Но в эти же самые дни Россия вносила имя великого поэта Лермонтова в списки бессмертных своих сынов.

БЕГЛЕЦ.

(Горская легенда.)

(1838.)

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у супостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течёт и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку — и бежит! —

И скрылся день; клубясь, туманы
Одели тёмные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..

тудá ему и дорога — see on talle
ragas
вычёркивать *откуда?* — läbi tõmba-
ma, kustutama
вычеркнуть*
почтительно — aupaklikult
(за)трещáть — praksuma
полковой писарь — polgukirjutaja
вносить *куда?* — sisse kandma
внести*
беглец — jooksik

лани (ж. р.) — emahiv
поле брани — поле битвы, поле сра-
жения
пятá, пятка — kand
супостáт — враг
мщенье (месть) — kättemaks
шашка (сабля) — mõök
пыл — tuhin, ägedus
(за)клубиться — pilvena keerlema
пеленá — kate, loor
пророк — prohvet

Уста́лый, жаждою томи́мый,
 С лица стира́я кровь и пот,
 Гарун меж скал аул родимый
 При лунном свете узнаёт;
 Подкра́лся он никем не зримый...
 Кругом молчанье и покой,
 С крова́вой битвы невреди́мый
 Лишь он один пришёл домой;

И к сакле он спешит знако́мой,
 Там блещет свет, хозяин дома;
 Скрепя́сь душо́й как только мог,
 Гару́н ступил через поро́г;
 Сели́ма звал он прежде другом,
 Селим пришельца не узнал;
 На ложе мучимый неду́гом
 Один, — он, молча, — умира́л...
 «Велик алла́х! от злой отра́вы
 Он светлым ангелам своим
 Велёл беречь тебя для славы!» —

«Что нового?» — спросил Сели́м,
 Подняв слабе́ющие ве́жды,
 И взор блеснул огнём наде́жды!..
 И он привста́л, и кровь бойца
 Вновь разыгра́лась в час конца́.
 «Два дня мы бились в тесни́не;
 Отец мой пал, и братья с ним;
 И скрылся я один в пусты́не,
 Как зверь, пресле́дуем, гони́м,
 С окровавлёнными ногами
 От острых камней и кустов,
 Я шёл безвёстными тропáми
 По следу вепрей и волко́в;
 Черкёсы гибнут — враг повсю́ду.
 Примí меня, мой старый друг;
 И вот проро́к! твоих услу́г
 Я до моги́лы не забúду!..»

томить (мучить) кого? чем? — riipa-
 та
 ау́л — селение в гора́х
 (под)кра́сться к кому? к чему? —
 hiilima
 незри́мый — невидимый
 блещет — блестя́т
 скрепя́сь душо́й — sūdant rindu võt-
 tes
 поро́г — lävi
 пришелец — тот, кто пришёл

ложе — постель, кровать
 неду́г — болезнь
 отра́ва — яд; здесь: беда
 ве́жды (веки) — silmalaud
 тесни́на (ущелье) — mäekitsus, mäe-
 kugu
 пал — погиб, был убит
 преследовать кого? — jälitama
 вепрь (кабан) — metssiga
 услу́га — teene

И умирающий в ответ...
 «Ступай — достоин ты презрѣнья.
 Ни крова, ни благословѣнья
 Здесь у меня для труса нет!...»
 Стыда и тайной муки полный,
 Без гнева вытерпев упрѣк,
 Ступил опять Гарун безмолвный
 За непривѣтливый порог.
 И саклю новую минуя,
 На миг остановился он,
 И прежних дней летучий сон
 Вдруг обдал жаром поцелуя
 Его холодное чело.
 И стало сладко и светло
 Его душе; во мраке ночи,
 Казалось, пламенные очи
 Блеснули ласково пред ним,
 И он подумал: я люблюм,
 Она лишь мной живёт и дышит...
 И хочет он войти — и слышит,
 И слышит песню старини...
 — И стал Гарун бледней луны:

Месяц плывёт
 И тих и спокоен,
 А юноша воин
 На битву идёт.
 Ружьё заряжает джигит,
 А дева ему говорит:
 Мой милый, смелее
 Вверьйся ты року,
 Молись востоку,
 Будь верен пророку,
 Будь славе вернее.
 Своим изменивший
 Изменою кровавой,
 Врага не сразивши,
 Погибнет без славы,

презрѣнье — põlgus
 благословѣнье — õnnistus
 миновать (пройти мимо) — möödu-
 ma
 летучий (лёгкий) — kerge
 жар — kuumus
 чело (лоб) — laup, otsmik
 пламенный — leegitsev
 очи (глаза) — silmad

заряжать ружьё — laadima püssi
 джигит — ловкий наездник (на Кав-
 казе)
 дева (девушка) — neiu
 рок (судьба) — saatus
 изменить кому? чему? — reetma
 изменить*
 измена — reetmine
 сразить* — tapma, rabama

Дожди его ран не обмоют.
 И звери костей не зароят.
 Месяц плывёт
 И тих и спокоен,
 А юноша воин
 На битву идёт.

Главой поникнув, с быстротою
 Гарун свой продолжает путь,
 И крупная слеза порою
 С ресницы падает на грудь...
 Но вот от бури наклонённый
 Пред ним родной белеет дом;
 Надеждой снова ободрённый,
 Гарун стучится под окном.
 Там, верно, тёплые молитвы
 Восходят к небу за него,
 Старуха мать ждёт сына с битвы,
 Но ждёт его не одного!..

«Мать — отвори! я странник бедный,
 Я твой Гарун, твой младший сын;
 Сквозь пули русские безвредно
 Пришёл к тебе!» — Один? — «Один!..»
 — А где отец и братья? — «Пали!
 Пророк их смерть благословил,
 И ангелы их души взяли».
 — Ты отомстил? — «Не отомстил...
 Но я стрелой пустился в горы,
 Оставил меч в чужом краю,
 Чтобы твои утешить взоры
 И утереть слезу твою...»
 — Молчи, молчи! гяур лукавый,
 Ты умереть не мог со славой,
 Так удались, живи один.
 Твоим стыдом, беглец свободы,
 Не омрачу я стары годы,
 Ты раб и трус — и мне не сын!..»
 Умолкло слово отверженья,
 И всё кругом объято сном.

поникнуть (опустить голову) — lan-
 /getama
 ресница — ripse
 ободрять кого? чем? — ergutama, jul-
 gustama
 ободрить*
 молитва — palve
 странник — rändur
 ангел — ingel

утешать — trööstima
 утешить*
 гяур — не магометанин
 лукавый (хитрый) — salakaval, ka-
 val
 омрачать что? чем? — tumestama
 омрачить*
 отвержение — needmine
 объять (обнять) чем? — hõlmama

Прокля́тья, стоны и моле́нья
 Звуча́ли долго под окно́м;
 И наконёц удар кинжа́ла
 Пресе́к несчастного позор...
 И мать поутру увида́ла...
 И хладно отверну́ла взор.
 И труп, от праведных изгна́ний,
 Никто́ к кладби́щу не отнёс,
 И кровь с его глубо́кой раны
 Лиза́л рыча дома́шний пёс;
 Ребята малые руга́лись
 Над хладным телом мертвеца́,
 В преда́ньях вольности оста́лись
 Позо́р и гибель беглеца́. —
 Душа его от глаз проро́ка
 Со страхом удали́лась прочь;
 И тень его в горах восто́ка
 Понё́не бродит в те́мну ночь,
 И под окно́м поутру рано
 Он в сакли просится стуча́,
 Но внемля громкий стих Корана́
 Бежи́т опять под сень тумана́,
 Как прежде бегал от меча́.

прокля́тье — needus
 пресе́чь (кончить) — lõpetama
 позо́р (стыд) — häbi
 труп — laip
 праведный — нравственно чистый
 изгоня́ть (прогоня́ть) — äga ajama
 изгнать*
 кладби́ще (кладбище) — kalmistu
 (с)лизáть — lakkuma

(за)рыча́ть — urisema
 пёс — собака
 мертвец — koolnu
 вольность (свобода) — vabadus
 внемля (услы́ша) — kuuldes
 коран — священная книга мусуль-
 ма́н
 сень тумана́ — udu kate

СОСНА.

На севере диком сто́ит одино́ко
На голой верши́не сосна́
И дремлет, кача́ясь, и снегом сыпúчим
Оде́та как ризо́й она́.
И снится ей всё, что в пусты́не далёкой,
В том крае, где солнца восхо́д,
Одна́ и грустна́ на утёсе горю́чем
Прекра́сная пальма растёт.

(за)дрема́ть — tukkuma
сыпучий — sõge
риза — güi, gõivas

утёс — kalju
горю́чий (жаркий, горя́чий) — kuim

УТЭС.

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

ТРИ ПАЛЬМЫ.

(Восточное сказание.)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зелёных листьев,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной
Ещё не склонялся под кущей зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колёблемы вихрем и зноем палымы,

великан — hiiglane
лазурь — светло-синий цвет (неба, моря)
морщина — kurd
восточный (восток) — ida-
сказание (предание; легенда) — muis-
tehd
родник (источник, ключ, ручей) —
läte, allikas
бесплодный (плод) — viljatu
(про) журчать — vulisema
пробиваться откуда? — läbi tungima
пробиться*
сень листьев (покрыв листьев) — leh-
tede vari, kate
знойный (жаркий, горячий) — kuum

летучий — lendav
странник (путник) — rändaja
(за)пылать — leegitsema
влага (вода, сырость) — niiskus,
vesi
студёный (холодный) — külm
куща (шатёр, сень) — vari, telk,
kate
(за)роптать на кого? на что? — nuri-
sema
увядать — närbuma
увянуть*
(за)колебать (качать) — kõigutama,
kiigutama
палить (обжигать) — kõrvetama

Ничей благосклонный не радуя взор? ..
 Не прав твой, о небо, святой приговор!
 И только замолкли — в дали голубой
 Столбом уж крутился песок золотой,

Звонков раздавались нестройные звуки,
 Пестрели коврами покрытые выюки,
 И шёл, колыхаясь, как в море челнок,
 Верблюд за верблюдом, взрывая песок,

Мотаясь, висели меж твёрдых горбов
 Узорные полы походных шатров;
 Их смуглые ручки порой подымали,
 И чёрные очи оттуда сверкали. . .

благосклонный (благожелательный)
 — heatahtlik
 приговор — (kohtu)otsus
 выюк — kandam, pakk
 челнок (лодка) — raat
 верблюд — kaamel

мотаясь (качаться) — kōikuma, гар-
 рима
 горб — küür
 узорный (с рисунком) — mustiline
 полá — hōlm
 шатёр (род палатки) — telk, vari
 смуглый — tōmmu

И, стан худошáвый к луке наклоня́,
Араб горячи́л вороно́го коня́.

И конь на дыбы подымáлся поро́й,
И прыгал, как барс, пораже́нный стрелой;
И белой оде́жды краси́вые складки
По плéчам фариса вились в беспоря́дке;
И, с криком и свистом неся́сь по песку́,
Бросáл и лови́л он копьё на скаку́.

Вот к пальмам подхо́дит, шумя́, каравáн:
В тени их весёлый раски́нулся стан.
Кувши́ны звуча́ налили́ся водо́ю,
И, гордо кивáя махро́вой главо́ю,
Привéтствуют пальмы нежда́нных гостей,
И щедро пои́т их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упáл,
По корням упру́гим топор застучáл,
И пали без жизни пито́мцы столéтий!
Оде́жду их со́рвали малые дети,
Изру́блены были телá их пото́м,
И медленно жгли их до у́тра огнём.

Когда же на запад умчáлся тумáн,
Уро́чный свой путь совершáл каравáн,
И следом печáльным на почве беспло́дной
Видне́лся лишь пепел седой и холо́дный,
И солнце остáтки сухи́е дожгло́,
А ветром их в степи пото́м разнесло́.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листьа́ с грему́чим ключо́м:
Напрáсно пророка о тени он просит —

стан (талия) — piht
худошáвый — kõhn, sale
лук — vibu, amb
вороной конь (чёрный) — must ratsu
на дыбы — tagumistele jalgadele
püsti
барс (пантэра) — panter
фарис — здесь: наездник
стан (лагерь) — laager
махровый (состоящий из множества
листьев) — leherikas

глава́ (головá) — pea, latv
щедро — ohtralt, heldelt
упругий (твёрдый, но эластичный) —
vetruv, elastne
пасть (погибнуть) — hukkuma
пито́мец — kasvandik
уро́чный (установленный, определен-
ный) — kindlaksmääratud
пепел (зола) — tuhk
грему́чий (звонко шумящий) — mü-
risev, kõlisev, kohisev

Его лишь песок раскалённый заносит,
 Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
 Добычу терзает и щиплет над ним.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ТАМАНЬ.

Тамань — самый скверный городишка из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер от голода, да ещё вдобавок меня хотели утопить. Я приехал на перекладной телёжке поздно ночью. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часовой, черноморский казак, услышав звон колокольчика, закричал спросонья диким голосом: «Кто идёт?» Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд, и стал требовать казённую квартиру. Десятник нас повёл по городу. К которой избе ни подъедем — занята. Было холодно, я три ночи не спал, измучился и начал сердиться. «Веди меня куда-нибудь, разбойник! хоть к чёрту, только к месту!» — закричал я. — Есть ещё одна фатера, — отвечал десятник, почёсывая затылок: — только вашему благородию не понравится; там нечисто! — Не поняв точного значения последнего слова, я велел ему идти вперёд, и после долгого странствования по грязным переулкам, где по сторонам я видел одни только ветхие заборы, мы подъехали к небольшой хате, на самом берегу моря.

Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведённом оградой из булыжника, стояла другая лачужка, менее и древнее первой. Берег

раскалённый (горячий от солнца) —
 kuim
 коршун — kull
 хохлатый — tutiga
 нелюдимый (любящий одиночество,
 угрюмый) — inimestepelglik, seltsi-
 matu
 терзать (рвать на части) — rebima,
 kiskuma
 (вы)щипать (п/пл) — katkuma,
 pärrima
 скверный (плохой) — halb, räbal
 приморский (при море) — mereäär-
 ne
 (у)топить — uputama
 спросонья — une pealt
 дикий — metsik
 урядник — maakordnik (tsaristlikul
 Venemaal)

десятник — kümnik
 разбойник — göövel
 фатера (квартира) — korter
 затылок — kukal
 ваше благородие — teie suursugusus
 нечисто — ebauihas, ebaaus
 ветхий (старый) — vana
 хата — крестьянский дом на юге
 России, на Украине
 камышовый — pilligoo-
 обводить что? чем? — ümbritsema
 обвести*
 ограда (забор) — tara
 булыжник (круглый камень) — mu-
 nakivi
 лачужка (маленькая хата) — õppi-
 ke
 древний (ветхий, старый) — vana

обрывом опускался к морю почти у самых стен её, и внизу беспрерывным ропотом плескались тёмно-синие волны. Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию, и я мог различить при свете её, далеко от берега, два корабля, которых чёрные снасти, подобно паутине, неподвижно рисовались на бледной черте небосклана. «Судя в пристани есть, — подумал я: — завтра отправлюсь в Геленджик».

При мне исправлял должность денщика линейский казак. Велев ему выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозяина — молчат; стучу — молчат... что это? Наконец из сеней выполз мальчик лет 14-ти.

«Где хозяин?» — «Не-ма». — «Как? совсем нету?» — «Совсим». — «А хозяйка?» — «Побыгла в слободку». — «Кто ж мне отопрёт дверь?» — сказал я, ударив в неё ногою. Дверь сама отворилась; из хаты повеяло сыростью. Я засветил серную спичку и поднёс её к носу мальчика: она озарила два белые-белые глаза. Он был слепой, совершенно слепой от природы. Он стоял передо мною неподвижно, и я начал рассматривать лицо слепого; но что прикажете прочитать на лице, у которого нет глаз?.. Долго я глядел на него с невольным сожалением, как вдруг едва приметная улыбка пробежала по тонким губам его, и, не знаю отчего, она произвела на меня самое неприятное впечатление. В голове моей родилось подозрение, что этот слепой не так слеп, как оно кажется; напрасно я старался уверить себя, что бельмы подделать невозможно, да и с какой целью? Но что делать? я часто склонен к предубеждениям..

«Ты хозяйский сын?» — спросил я его наконец. — «Ни». — «Кто же ты?» — «Сирота, убогий». — «А у хозяина есть дети?» — «Ни; была дочь, да убежала за море с татаринном». — «С каким татаринном?» — «А бис его знает! крымский татарин, лодочник из Керчи».

Я вошёл в хату: две лавки и стол, да огромный сундук возле печи составляли всю её мебель. В разбитое стекло врывался морской ветер. Я вытащил из чемодана свечу, и засветив

обрыв — järsak
 ропот — (mere)kohin
 плескаться — laksuma
 покорный — alistuv
 стихия — stihia, ürg-, loodusjõud
 снасти — purjestik
 паутина — ämblikuvõrk
 небосклон — taevavõlv
 сени (коридор) — esik, koridor
 побыгла — побежала
 слободка (большое село, селение) — küla
 отпирать (открывать) — avama
 отпереть*
 (по)веять — õhkuma

озарять (освещать) — valgustama
 озарить*
 сожаление — kahjutunne
 подозрение — kahtlus
 бельмо — kae
 подделывать — järele tegema
 подделать*
 предубеждение — eelarvamus
 убогий — sant, armetu
 лавка — широкая скамейка
 сундук — kirst, kohver
 врываться куда? — sisse tungima
 ворваться*
 засветить (зажечь) — süütama

её, стал раскладывать вещи, поставил в угол шашку и ружьё, пистолёты положил на стол, разостлал бурку на лавке, казак свою на другой; через десять минут он захрапел, но я не мог заснуть: предо мною во мраке всё вертелся мальчик с белыми глазами.

Так прошло около часа. Месяц светил в окно, и луч его играл по земляному полу хаты. Вдруг на яркой полосе, пересекающей пол, промелькнула тень. Я привстал и взглянул в окно: кто-то вторично пробежал мимо его и скрылся бог знает куда. Я не мог полагать, чтоб это существо сбежало по отвесу берега; однако иначе ему некуда было деваться. Я встал, накинул бешмет, опоясал кинжал и тихо-тихо вышел из хаты; навстречу мне слепой мальчик. Я притаялся у забора, и он верной, но осторожной поступью прошёл мимо меня. Под мышкой он нёс какой-то узел и, повернув к пристани, стал спускаться по узкой и крутой тропинке. Я следовал за ним в таком расстоянии, чтоб не терять его из вида.

Между тем луна начала одеваться тучами, и на море поднялся туман; едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля; у берега сверкала пена валунов, ежеминутно грозящих его потопить. Я, с трудом спускаясь, пробираясь по крутизне, и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул низом направо; он шёл так близко от воды, что, казалось, сейчас волна его схватит и унесёт; но, видно, это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень и избегал рытвин. Наконец он остановился, будто прислушиваясь к чему-то, присел на землю и положил возле себя узел. Я наблюдал за его движениями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя несколько минут, с противоположной стороны показалась белая фигура; она подошла к слепому и села возле него. Ветер по временам приносил мне их разговор.

«Что, слепой? — сказал женский голос: — буря сильна; Янко не будет». — «Янко не боится бури», — отвечал тот. — «Туман густеет», — возразил опять женский голос, с выражением печали.

расстилать где? — laiali laotama
разостлать *

бурка (плащ из войлока и козьей шерсти на Кавказе) — вичка
(за)храпеть — norskama
мрак (тьма, темнота) — pimedus
пересекать — läbi lõikama
пересечь *

вторично — второй раз
отвес (обрыв) — järsak
бешмет (стеганный полукафтán) —
bešmett

опоясывать — võõle panema
опоясать *

(при)тайтаться — end varjama

поступь (походка) — kõnnak
под мышкой — kaenla all

узел — komps
крутой — järsk

кормá (задняя часть судна) — laeva-
pära

пена — vaht

валун — большой округлый камень

потопить (утопить) — uputama

крутизна (крутой спуск) — järsak

выдаваться — välja ulatuma

выдаться *

рытвина (канавá) — kraav

(по)густеть — tihedamaks muutuma

— В тумане лучше пробраться мимо сторожевых судов, — был ответ. «А если он утонет?» — «Ну что ж? в воскресенье ты пойдёшь в церковь без новой ленты».

Последовало молчание; меня однако поразило одно: слепой говорил со мной малороссийским наречием, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

— Видишь, я прав, — сказал опять слепой, ударив в ладоши: — Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещет, меня не обманешь, — это его длинные вёсла.

Женщина вскочила и стала всматриваться в даль с видом беспокойства.

— Ты бредишь, слепой, — сказала она: — я ничего не вижу.

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалеке что-нибудь наподобие лодки, но безуспешно. Так прошло минут десять; и вот показалась между горами волн чёрная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волн, быстро спускаясь с них, приближалась к берегу лодка. Отважен был пловец, решившийся в такую ночь пуститься через пролив на расстояние 20 вёрст, и важная должна быть причина, его к тому побудившая! Думая так, я, с невольным биением сердца, глядел на бедную лодку; но она, как утка, ныряла и потом, быстро взмахнув вёслами, будто крыльями, выскакивала из пропасти среди брызг пены; и вот, я думал, она ударится с размаха о берег и разлетится вдребезги, но она ловко повернулась боком и вскочила в маленькую бухту невредима. Из неё вышел человек среднего роста, в татарской бараньей шапке; он махнул рукою, и все трое принялись вытаскивать что-то из лодки; груз был так велик, что я до сих пор не понимаю, как она не потонула. Взяв на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерял их из вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, все эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казак мой был очень удивлён, когда, проснувшись, увидел меня совсем одетого; я ему однако ж не сказал причины. Полю-

сторожевой — valve-
судно, судá — laev, laevad
церковь (ж. р.) — kirik
лента — lint, patsipael
поражать — gabama
поразить * (очень удивить)
наречие — (keele)murre
плескаться (ск//щ) — loksuma
бредить — sonima
хребет — (lainte)hari
отважный (смелый) — julge
пролив — väin

побуждать к чему? — ergutama, vir-
gutama
побудить *
нырять — sukelduma
нырнуть *
пропасть — kuristik
брызги — pritsmed
с размаха — hooga
вдребезги — kildudeks, pilbasteks
бухта — merelaht
груз — laadung
(по)терять из вида — silmist kaota-
ma

бова́вшись несколько времени из окна на голубое небо, усе́янное разорванными облачками, на дальний берег Крыма, который тянется лило́вой полосой и кончается утёсом, на вершине коего белёется маячная башня, я отправился в крепость Фанагорию, чтоб узнать от коменданта о часе моего отъезда в Геленджик.

Но, увы! комендонт ничего не мог сказать мне решительного. Судя, стоящие в пристани, были все — или сторожевые, или купеческие, которые ещё даже не начинали нагружаться. «Может быть, дня через три, четыре, придёт почтовое судно, — сказал комендонт: — и тогда — мы увидим». Я вернулся домой угрюм и сердит. Меня в дверях встретил казак мой с испуганным лицом.

— Плохо, ваше благородие! — сказал он мне.

— Да, брат, бог знает, когда мы отсюда уедем! — Тут он ещё больше встревожился и, наклонясь ко мне, сказа́л шёпотом:

— Здесь нечисто! Я встретил сегодня черноморского урядника: он мне знаком, — был прошлого года в отряде; как я ему сказал, где мы остановились, а он мне: «Здесь, брат, нечисто, люди недобрые!..» Да и в самом деле, что это за слепой! ходит везде один, и на базар, за хлебом, и за водо́й. . . уж видно, здесь к этому привыкли.

— Да что ж? по крайней мере, показались ли хозяйка?

— Сегодня без вас пришла старуха и с ней дочь.

— Какая дочь? у неё нет дочери.

— А бог её знает, кто она, коли не дочь; да вон старуха сидит теперь в своей хате.

Я вошёл в лачужку. Печь была жарко натоплена, и в ней варился обед довольно роскошный для бедняков. Старуха на все мои вопросы отвечала, что она глухая, не слышит. Что было с ней делать? Я обратился к слепому, который сидел перед печью и подкладывал в огонь хворост. «Ну-ка, слепой чертёнок, — сказал я, взяв его за ухо: — говори, куда ты ночью таскался с узлом, а?» Вдруг мой слепец заплакал, закричал, забхал: «Куды я ходив? . . . никуда не ходив. . . с узлом? каким узлом?» Старуха на этот раз услышала и стала ворчать: «Вот выдумают, да ещё на убогого! за что вы его? что он вам сделал?» Мне это надоело, и я вышел, твёрдо решившись достать ключ этой загадки.

Я завернулся в бурку и сел у забора на камень, поглядывая в даль; предо мной тянулось ночью бурю взволнованное море, и однообразный шум его, подобный ропоту засыпающего города, напомнил мне старые годы, перенёс мои мысли на север, в нашу холдную столицу. Волнуемый воспоминаниями, я забылся. . . Так прошло около часа, может быть и более. . . Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, это была песня,

утёс — kaljurahn
роскошный (богатый) — rikkalik
бедняк (бедный человек) — vaene

(за)ворчать — torisema
однообразный — üksluine

и женский, свежий голосок, — но откуда? . . Прислушиваюсь — напѣв странный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь — никого нет кругом: прислушиваюсь снова — звуки как будто падают с неба. Я поднял глаза: на крыше хаты моей стояла девушка в полосатом платье, с распущенными косами, настоящая русалка. Защитив глаза ладонью от лучей солнца, она пристально всматривалась в даль, то смеялась и рассуждала сама с собою, то запевала снова песню.

Я запомнил эту песню от слова до слова:

Как по вольной волюшке —
По зелёну морю,
Ходят всё кораблики
Белопарусники.

Промеж тех корабликов
Моя лодочка.
Лодка неснащённая,
Двухвёсельная.

напѣв — viis
полосатый — triibuline
ладонь (ж. р.) — peopesa

Буря ль разыграётся —
Старые кораблики
Приподымут крылышки,
По морю размечутся.

Стану морю кланяться
Я низёхонько:
«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:

Везёт моя лодочка
Вещи драгоценные,
Правит ею в тёмну ночь
Буйная головушка».

Мне невольно пришло на мысль, что ночью я слышал тот же голос; я на минуту задумался, и когда снова посмотрел на крышу, девушки там не было. Вдруг она пробежала мимо меня, напевая что-то другое, и, прищёлкивая пальцами, вбежала к старухе, и тут начался между ними спор. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вот вижу, бежит опять вприпрыжку моя ундина; поровнявшись со мной, она остановилась и пристально посмотрела мне в глаза, как будто удивлённая моим присутствием; потом небрежно обернулась и тихо пошла к пристани. Этим не кончилось: целый день она вертелась около моей квартиры: пенье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лице её не было никаких признаков безумия; напротив, глаза её с бойкою пронизательностью останавливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетической властью, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса. Но только я начинал говорить, она убежала, коварно улыбаясь.

Решительно я никогда подобной женщины не видывал. Она далеко не красавица, но в ней было много породы... Моей певунье, казалось, не более 18 лет. Необыкновенная гибкость её стана, особенное, только ей свойственное наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив её слегка загорелой кожи на шее и плечах, и особенно, правильный нос, — всё это было для меня обворожительно. Хотя в её косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в её улыбке было что-то неопределённое, но такова сила предубеждений: правильный нос свёл меня с ума; я вообразил, что нашёл

буйная головушка (непokoрный, своёвольный человек) — tuisupea
вприпрыжку — hüpelde
ундина — русалка — образ, созданный литературой
пристально — teraselt
пронизательность (ж. р.) — teravus

коварно — salakavalalt
гибкость — paindlikkus
стан (талиа) — piht
русый (светлый) — hele (juuste kohta)
обворожительно — ahvatlev
подозрительный — kahtlane

Гётеву Миньону, — и точно, между ними было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни. . .

Под вечер, остановив её в дверях, я завёл с нею следующий разговор:

«Скажи-ка мне, красавица, — спросил я: — что ты делала сегодня на кровле?» — «А смотрела, откуда ветер дует». — «Зачем тебе?» — «Откуда ветер, оттуда и счастье». — «Что же? разве ты песнею зазывала счастье?» — «Где поётся, там и счастливится». — «А как неравно напоёшь себе горе?» — «Ну что ж? где не будет лучше, там не будет хуже, а от худа до добра опять не далеко». — «Кто же тебя выучил этой песне?» — «Никто не выучил; вздумается — запою; кому услышать, тот услышит; а кому не должно слышать, тот не поймёт». — «А как тебя зовут, моя певунья?» — «Кто крестил, тот знает». — «А кто крестил?» — «Почему я знаю». — «Экая скрытная! а я вот кое-что про тебя узнал» (она не изменилась в лице, не пошевелинула губами, как будто не об ней дело). «Я узнал, что ты вчера ночью ходила на берег». И тут я очень важно перехотал ей всё, что видел, думая смутить её; нимало! Она захохотала во всё горло. «Много видели, да мало знаете; а что не знаете, так держите под замочком». — «А если б я, например, вздумал донести коменданту?» — и тут я сделал очень серьёзную, даже строгую мину. Она вдруг прыгнула, запела и скрылась, как птичка, выпугнутая из кустарника. Последние слова мои были вовсе не у места; я тогда не подозревал их важности, но впоследствии имел случай в них раскаться.

Только что смеркалось, я велел казаку нагреть чайник попоходному, засветил свечу и сел у стола, покуривая из дорожной трубки. Уж я доканчивал второй стакан чая, как вдруг дверь скрипнула, лёгкий шорох платья и шагов послышался за мной; я вздрогнул и обернулся, — то была она, моя ундина! Она села против меня тихо и безмолвно и устремила на меня глаза свои, и не знаю почему, но этот взор показался мне чудно нежен; он мне напомнил один из тех взглядов, которые в старые годы так самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчал, полный неизъяснимого смущения.

Гёте (Goethe) — немецкий писатель

Миньона — героиня произведения

Гёте «Вильгельм Мейстер»

переход — üleminek

загадочный — mõistatuslik

кровля — крыша

крестить — ristima

скрытная — kinnine

держатъ под замочком — endale hoidma

доносить — ette kandma, kaebama

донести*

раскаиваться — kahjatsema

раскаться*

Лицо её было покрыто тусклой бледностью, изобличавшей волнение душевное; рука её без цели бродила по столу, и я заметил в ней лёгкий трепет; грудь её то высоко подымалась, то, казалось, она удерживала дыханье. Эта комедия начинала мне надоедать, и я готов был прервать молчание самым прозаическим образом, то есть предложить ей стакан чая, как вдруг она вскочила, обвила руками мою шею, и огненный поцелуй прозвучал на губах моих. В глазах у меня потемнело, голова закружилась, я сжал её в моих объятиях со всею силою юношеской страсти, но она как змея скользнула между моими руками, шепнув мне на ухо: «нынче ночью, как все уснут, выходи на берег» и стрелою выскочила из комнаты. В сенях она опрокинула чайник и свечу, стоявшую на полу. «Экий бес-девка!» — закричал казак, расположившийся на солёме и мечтавший согреться остатками чая. Только тут я опомнился.

Часа через два, когда всё на пристани умолкло, я разбудил своего казака: «Если я выстрелю из пистолёта, — сказал я ему: — то беги на берег». Он выпучил глаза и машинально отвечал: «Слушаю, ваше благородие». Я заткнул за пояс пистолёт и вышел. Она дожидалась меня на краю спуска: её одежда была более нежели лёгкая, небольшой платок опоясывал её гибкий стан.

— Идите за мной! — сказала она, взяв меня за руку, и мы стали спускаться. Не понимаю, как я не сломил себе шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дороге, где накануне я следовал за слепым. Месяц ещё не вставал, и только две звёздочки, как два спасительных маяка, сверкали на тёмно-синем своде. Тяжёлые волны мерно и ровно катились одна за другой, едва приподнимая одинокую лодку, причаленную к берегу. «Взойдём в лодку», — сказала моя спутница. Я колебался — я не охотник до сентиментальных прогулок по морю; но отступать было не время. Она прыгнула в лодку, я за ней, и не успел ещё опомниться, как заметил, что мы плывём. «Что это значит?» — сказал я сердито. — «Это значит, — отвечала она, сажая меня на скамью и обвив мой стан руками: — это значит, что я тебя люблю». . . И щека её прижалась к моей, и я почувствовал на лице моём её пламенное дыханье. Вдруг что-то шумно упало в воду: я хватать за пояс — пистолёта нет. О, тут ужасное подозрение закралось мне в душу, кровь хлынула мне в голову!

тусклый — tuhm
 бледность — kahvatus
 трепет (дрожание) — värisemine
 огненный — kuum, leegitsev
 объятие — embus
 опрокидывать — ümber ajama
 опрокинуть *

(вы)пучить глаза — silmi pungi ajama, jöllitama
 причаливать — randuma, maanduma
 причалить *
 (за)колебаться — kõhklema, kõikuma
 хватать за пояс — (kiiresti) vööst haarama
 хлынуть — voogama

Оглядываюсь — мне от берега около пятидесяти сажен, а я не умею плавать! Хочу оттолкнуть её от себя — она как кошка сцепилась в мою одежду, и вдруг сильный толчок едва не сбросил меня в море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бешенство придавало мне силы, но я скоро заметил, что уступаю моему противнику в ловкости. . . «Чего ты хочешь?» — кричал я, крепко сжав её маленькие руки; пальцы её хрустели, но она не вскрикнула: её змеиная натура выдержала эту пытку.

— Ты видел, — отвечала она: — ты донесёшь! — и сверхъестественным усилием повалила меня на борт; мы оба по пояс свесились из лодки; её волосы касались воды; минута была решительная. Я упёрся колёнкою во дно, схватил её одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросил её в волны.

Было уже довольно темно; голова её мелькнула раза два среди морской пены, и больше я ничего не видал. . .

На дне лодки я нашёл половину старого весла и кое-как, после долгих усилий, причалил к пристани. Пробираясь берегом к своей хате, я невольно всматривался в ту сторону, где накануне слепой дожидался ночного пловца; луна уже катилась по небу, и мне показалось, что кто-то в белом сидел на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытством, и прилёг на траве над обрывом берега; высунув немного голову, я мог хорошо видеть с утёса всё, что внизу делалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнав мою русалку. Она выжимала морскую пену из длинных волос своих; мокрая рубашка обрисовывала гибкий стан её и высокую грудь. Скоро показалась вдали лодка, быстро приблизилась она; из неё, как накануне, вышел человек в татарской шапке, но острижен он был по-казацки, и за ременным поясом его торчал большой нож. «Янко, — сказала она: — всё пропало!» Потом разговор их продолжался, но так тихо, что я ничего не мог расслышать. — «А где же слепой!» — сказал наконец Янко, возвыся голос. «Я его послала», — был ответ. Через несколько минут явился слепой, таща на спине мешок, который положили в лодку.

«Послушай, слепой! — сказал Янко: — ты береги то место. . . знаешь? там богатые товары. . . скажи (имени я не расслышал), что я ему больше не слуга; дела пошли худо, он меня больше не увидит; теперь опасно; поеду искать работы в другом месте,

сажень — süld
отчаянный — meeleheitlik
бешенство — raev
ловкость — osavus
хрустеть — ragisema
хрустнуть*
пытка — piin
борт — parras

свешиваться — üle rippuma
свеситься*
упираться — toetuma, nõjatuma
упереться*
подстрекать кем? — tagant ässitama
выжимать — välja väänama
выжать*

а ему уж такого удальца не найти. Да скажи, кабы он полўчше платил за труды, так и Янко бы его не покинул; а мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит! — После некоторого молчания Янко продолжал: — Она поедет со мною; ей нельзя здесь оставаться; а старухе скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась, надо знать и честь. Нас же больше не увидит».

— А я? — сказал слепой жалобным голосом.

— На что мне тебя? — был ответ.

Между тем моя ундина вскочила в лодку и махнула товарищу рукою; он что-то положил слепому в руку, промолвив: «На, купи себе пряников». — «Только?» — сказал слепой. — «Ну, вот тебе ещё», — и упавшая монета зазвенела, ударяясь о камень. Слепой её не поднял. Янко сел в лодку; ветер дул от берега: они подняли маленький парус и быстро понеслись. Долго при свете месяца мелькал белый парус между тёмных волн; слепой всё сидел на берегу, и вот мне слышалось что-то похожее на рыдание: слепой мальчик точно плакал, и долго, долго... Мне стало грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и как камень едва сам не пошёл ко дну.

Я возвратился домой. В сенях трещала догоревшая свеча в деревянной тарелке, и казак мой, вопреки приказанию, спал крепким сном, держа ружьё обеими руками. Я его оставил в покое, взял свечу и пошёл в хату. Увы! моя шкатулка, шашка с серебряной оправой, дагестанский кинжал — подарок приятеля, — всё исчезло. Тут-то я догадался, какие вещи тащил проклятый слепой. Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было бы жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восемнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопила? Слава богу, поутру явилась возможность ехать, и я оставил Тамань. Что случилось с старухой и с бедным слепым — не знаю. Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да ещё с подорожной по казённой надобности!..

удалец — uljas inimene
надо знать честь — tarvis lõpp teha,
asjal olgu kord juba lõpp
рыдание — nuuksumine

источник (ручей, ключ) — läte
шкатулка — kastike, laegas
оправа — ilustus

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ.

(1818—1883)

ЖИВЫЕ МОЩИ.

Край родной долготерпёнья —
Край ты русского народа!
Ф. Тютчев.

Французская поговорка гласит: «сухой рыбак и мокрый охотник являют вид печальный». Не имев никогда пристрастия к рыбной ловле, я не могу судить о том, что испытывает рыбак в хорошую ясную погоду и насколько, в ненастное время, удовольствие, доставляемое ему обильной добычей, перевешивает неприятность быть мокрым. Но для охотника дождь — сущее бедствие. Именно такому бедствию подверглись мы с Ермолаём в одну из наших поездок за тетеревами в Белевский уезд. С самой утренней зари дождь не переставал. Уж чего-чего мы не делали, чтобы от него избавиться! И резиновые плащики чуть не на самую голову надевали, и под деревья становились, чтобы поменьше капало... Непромокаемые плащики, не говоря уже о том, что мешали стрелять, пропускали воду самым бесстыдным образом; а под деревьями — точно, на первых порах, как будто и не капало, но потом вдруг накопившаяся в листвѣ влага прорывалась, каждая ветка обдавала нас как из дождевой трубы,

мощи — (pühaku) säilmed
живые мощи — elav surnu (kõhna
inimese kohta)
край долготерпёнья — paljukannata-
nud maa
гласит — говорит
пристрастие — kiindumus
испытывать (чувствовать) — tundma
испытать*
ненастный — vihmane
обильный (богатый) — rikkalik
перевешивать — üle kaaluma
перевесить*

бедствие (несчастье) — õnnetus, hä-
da
тетерев — teder
пропускать — läbi laskma
пропустить*
бесстыдным образом — häbematul
kombel
влага (вода) — niiskus, vesi
обдавать чем? — üle uhtuma, üle va-
lama
обдать*

холодная струйка забира́лась под галстук и текла́ вдоль спинно́го хребта́... А уж это последнее дело! как вы́ражался Ермолай. — Нет, Пётр Петрович, — воскликнул он, наконец. — Эдак нельзя!.. Нельзя сегодня охотиться. Собакам чу́ть ё залива́ет, ружья осека́ются... Тьфу! Задача!

— Что же делать? — спросил я.

— А вот что. Поедемте в Алексеевку. Вы, может, не знаете — хуторо́к такой есть, — матушке вашей принадлежи́т; отсюда ве́рст восемь. Переночу́ем там, а завтра...

— Сюда верне́мся?

— Нет, не сюда... Мне за Алексеевкой места́ известны... многим лучше здешних для тетерево́в!

Я не стал спрашивать моего верного спутника, зачем он не повёз меня прямо в те места, и в тот же день мы добрались до матушкина хуторка́, существова́ния которого я и не подозревал до тех пор. При этом хуторке́ оказался флигелёк, очень ветхий, но чистый; я провёл в нём довольно споко́йную ночь.

На следующий день я просну́лся ранёхонько. Солнце только что встало; на небе не было ни одного облачка; всё кругом блестя́ло сильным двойным блеском: блеском молодых утренних лучей и вчерашнего ливня. Пока́ мне закла́дывали тарата́йку, я пошёл побродить по небольшо́му, некогда фрукто́вому, теперь одичало́му саду, со всех сторон обступивше́му флигелёк своей пахучей, сочной глушью. Ах, как было хорошо на вольном воздухе, под ясным небом, где трепета́ли жаворо́нки, откуда сыпался серебра́ный бисер их звонких голосо́в! На крыльях своих они наве́рно унесли капли росы́, и песни их казались ороше́нными росю́. Я даже шапку снял с головы и дышал радостно — всею грудью... На склоне неглубо́кого оврага, возле са́мого плетня́, видне́лась пасека; узенькая тропи́нка вела к ней, изви́ваясь змейкой между сплошными стенами бурья́на и крапи́вы, над которыми высились, бог веда́ет откуда занесённые, остроко́нечные стебли тёмно-зеле́ной конопли́.

струйка (струя) — nire
спинно́й хребет — selgroog
чу́тьё — haistmine
осека́ться (ружьё) — mitte lahti mi-
nema
осе́чься *
хуторо́к (хутор) — talu
подозрева́ть — aimama
флигелёк (флигель) — tiibhoone, hoo-
vimaja
двойно́й — kahekordne
ливень (р. п. — ливня) — paduvihm
тарата́йка — kaarik
одича́лый — metsistunud
пахучий (душистый) — lõhnav

глушь (ж. р.) — padrik
жа́воронок — lõoke
бисер — klaashelmed
ороша́ть — niisutama
ороси́ть *
склон — nõlvak
овра́г — org
плетьё (р. п. — плетня) — põimitud
tara
пасека — mesila
изви́ваться — looklema
змейка (змея) — uss, madu
бурья́н — umbrohi
крапи́ва — põges
коно́пля — kanep

Я отправился по этой тропинке; дошёл до пасеки. Рядом с нею стоял плетёный сарайчик, куда ставят ульи на зиму. Я взглянул в полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо; пахнет мятой. В углу приспособлены подмостки и на них, прикрывая одеялом, какая-то маленькая фигура... Я пошёл было прочь...

— Барин, а барин! Пётр Петрович! — слышался мне голос, слабый, медленный и сиплый, как шелест болотной осоки. Я остановился.

— Пётр Петрович! Подойдите, пожалуйста! — повторил голос. Он доносился до меня из угла с тех, замеченных мною, подмостков.

Я приблизился и остолбенел от удивления. Передо мною лежало живое человеческое существо, но что это было такое?!

Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая, — ни дать, ни взять — икона старинного письма; нос узкий, как лезвие ножа; губ почти не видать, — только зубы белёют и глаза, да из-под платка выбиваются на лоб жидкие пряди жёлтых волос. У подбородка, на складке одеяла, движутся, медленно перебирая пальцами, как палочками, две крошечные руки тоже бронзового цвета. Я глядываюсь попристальнее: лицо не только не безобразное, даже красивое, — но страшное, необычайное. И тем страшнее кажется мне это лицо, что на нём, по металлическим его щёкам, я вижу — силится... силится и не может расплыться улыбка.

— Вы меня не узнаёте, барин? — прошептал опять голос; он словно испарялся из едва шевелившихся губ. — Да и где узнать! — Я — Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей в Спасском водила... помните, я ещё запева́лой была?

— Лукерья! — воскликнул я. — Ты ли это? Возможно ли?

— Я, да, барин, — я. Я — Лукерья.

Я не знал, что сказать, и как ошеломлённый глядел на это тёмное, неподвижное лицо, с устремлёнными на меня светлыми и мёртвенными глазами. Возможно ли? Эта мумия — Лукерья,

плетёный — punutud
мята — piparmünt
подмостки — narid
сиплый — kähе
шелест — kahin
осо́ка — tarn
остолбенеть (от чего?) — tarduma
(nagu post)
бронзовый — pronks-
икона старинного письма — vana-
aegne, antiikne ikoon
лезвие — tera
жидкий — harv
прядь (ж. п.) — salk
перебирать пальцами — liigutama
sõgmi

крошечный — tilluke
необычайный — ebaharilik
силиться (стараться) — püüdma
расплываться (улыбка) — laiali val-
guma
расплыться *
водить хороводы — ringmänge män-
gima
запева́ла — eeslaulja
ошеломлять — rabama
ошеломить *
устремлять (глаза, взгляд) — suuna-
ma
устремить *
мёртвенный — tardunud (silmad)

первая красавица во всей нашей дворне, — высокая, полная, белая, румяная, — хохотунья, плясунья, певунья! Лукерья, умница Лукерья, за которою ухаживали все наши молодые парни, по которой я сам втайне вздыхал, я — шестнадцатилетний мальчик!

— Помилуй, Лукерья, — проговорил я наконец, — что это с тобой случилось?

— А беда такая стряслась! Да вы не побрезгуйте, барин, не погнушайтесь несчастьем моим, — сядьте вон на кадучечку — поближе, а то вам меня не слышно будет... вишь, я какая голосистая стала!.. Ну, уж и рада же я, что увидела вас! Как это вы в Алексеевку попали?

Лукерья говорила очень тихо и слабо, но без остановки.

— Меня Ермолай-охотник сюда завез. Но расскажи же ты мне...

— Про беду-то мою рассказать? — Извольте, барин. — Случилось это со мной уже давно, лет шесть или семь. Меня тогда только что помолвили за Василья Полякова — помните, такой из себя статный был, кудрявый, — ещё буфетчиком у матушки у вашей служил? Да вас уже тогда в деревне не было; в Москву уехали учиться. — Очень мы с Василием слюбилась; из головы он у меня не выходил; — а дело было весной. Вот раз ночью... уж и до зары недалек... а мне не спится: соловей в саду так удивительно поёт сладко!.. Не вытерпела я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается он, заливается...и вдруг мне почудилось: зовёт меня кто-то Васиным голосом, тихо так: — Луша!.. Я глядь в сторону, да знать спросонья — оступилась, так прямо и полетела вниз — да о землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — в утробе — порвалось. Дайте дух перевести... с минуточку... барин.

Лукерья умолкла, а я с изумлением глядел на неё. Изумляло меня собственно то, что она рассказ свой велá почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие.

— С самого того случая, — продолжала Лукерья, — стала

дворня — *mõisa teenijaskond*
румяный — *punapõseline*
стряслась беда — случилось несчастье
(по)брезговать — *põlgama, jälgiks pidama*
(по)гнушаться — *põlastavaks pidama*
кадучечка (кадка, кадучка) — *pütt, kinn*
голосистый — *kõlava häälega*
помолвить — *kihlama*
статный — *sihvakas*

буфетчик — *teenija puhveti juures*
мне почудилось — *mulle näis*
спросонья — *une pealt*
оступаться — *mõõda astuma*
оступиться *
расшибиться — *end ära löõma*
утроба — *sisikond*
дух перевести — *hinge tõmbama*
напрашиваться на что? — *vägisi tahtma, provotseerima*
напроситься *

я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла, трудно мне стало ходить, а там уже — полно и ногами владеть; ни стоять, ни сидеть не могу: всё бы лежала. И ни пить, ни есть не хочется; всё хуже, да хуже. Матушка ваша по добротё своей и лекарям меня показывала, и в больницу посылала. Однако, облегченья мне никакого не вышло. И ни один лекарь даже сказать не мог, что за болёзнь у меня такая. Чего они со мной только не делали: железом раскалённым спину жгли, в колотый лёд сажали — и всё ничего. Совсем я окостенела под конец... Вот и порешили господá, что лечить меня больше нечего, а в барском доме дёржать калёк неспособно... ну, и переслали меня сюда — потому тут у меня родственники есть. Вот я и живу, как видите.

Лукерья опять умолкла и опять силсилась улыбнуться.

— Это, однако же, ужасно, твоё положёние! — воскликнул я... и не зная, что прибавить, спросил: — а что же Поляков Василий? — Очень глуп был этот вопрос.

Лукерья отвела глаза немного в сторону.

— Что Поляков? — Потужил, потужил — да и женился на другой, на девушке из Глинного. Знаете Глинное? От нас недалеко. Аграфёной её звали. Очень он меня любил, — да ведь человек молодой — не оставаться же ему холостым. И какая уж я ему могла быть подруга? А жену он нашёл себе хорошую, добрую, — и детки у них есть. Он тут у сосёда в приказчиках живёт: матушка ваша по паспорту его отпустила, и очень ему, слава богу, хорошо.

— Итак, ты всё лежишь да лежишь? — спросил я опять.

— Вот так и лежу, барин, седьмой годок. Летом-то я здесь лежу, в этой плетушке, а как холодно станет — меня в предбанник перенесут. Там лежу.

— Кто же за тобой ходит? Присматривает кто?

— А добрые люди здесь есть тоже. Меня не оставляют. Да и ходьбы за мной немного. Есть-то, почитай, что не ем ничего, а вода — вот она в кружке-то: всегда стоит припасённая, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу: одна рука у меня ещё действовать может. Ну, девочка тут есть, сиротка; нет, нет — да и навёдается, спасибо ей. Сейчас тут была... Вы её не встретили? Хорошенькая такая, беленькая. Она

(за)чахнуть — kiduraks muutuma

лекарь (врач) — arst

облегчение — kergendus

раскалять — kuumaks ajama

раскалить *

(о)костенеть — luustuma

калёка — sant, vigane

неспособно — здесь: неудобно

(по)тужить — kurtma

холостой — poissmees

приказчик — (mõisa) kubjas

плетушка — плетёный сарайчик

предбанник — sauna eesruum

ходить за кем? — ухаживать за кем?

ходьба — siin: hoolitsemine

припасать — varuma

припасть *

ключевой — allika (vesi)

сиротка — vaeslaps

навёдываться (посещать) — külastama

навёдаться *

цветы мне носит; большая я до них охотница, до цветов-то. Садовых у нас нет, — были да перевелись. Но ведь и полевые цветы хороши; пахнут ещё лучше садовых. Вот хоть бы ландыш... на что приятнее!

— И не скучно, не жутко тебе, моя бедная Лукерья?

— А что будешь делать? Лгать не хочу — сперва очень трудно было; а потом привыкла, обтерпелась — ничего; иным ещё хуже бывает.

— Это каким же образом?

— А у иного и пристанища нет! А иной — слепой или глухой! А я, слава богу, вижу прекрасно и всё слышу, всё. Крот под землёю роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветёт или липа в саду — мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что бога гневить? — многим хуже моего бывает. Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может: а меня сам грех отошёл. Да я, должно быть, и этим самым мысленным грехом не больно грешна, — продолжала Лукерья, — потому я так себя приучила: не думать, а пуще того — не вспоминать. Время скорей проходит.

Я, признаюсь, удивился. — Ты всё одна и одна, Лукерья; как же ты можешь помешать, чтобы мысли тебе в голову не шли? Или ты всё спишь?

— Ой, нет, барин! Спать-то я не всегда могу. Хоть и больших болей у меня нет, а ноет у меня там, в самом нутре, и в костях тоже; не даёт спать, как следует. Нет... а так лежу я себе, лежу-полёживаю, — и не думаю; чую, что жива, дышу — и вся я тут. Смотрю, слушаю. Пчёлы на пасеке жужжат да гудят; голубь на крышу сядет и заворкует; курочка-наседочка зайдёт с цыплятами крошек поклевать; а то воробей залетит или бабочка — а мне очень приятно. В позапрошлом году так даже ласточки вон там в углу гнездо себе свили и детей вывели. Уж как же оно было занятно! — Одна влетит, к гнездышку припадёт,

большая охотница *до чего?* — väga
armastama midagi
переводиться — ära kaduma, välja
surema
перевестись *
жутко — õidne
обтерпеться — harjuma (õnnetusega,
valuga)
пристанце — peavari
крот — mutt
гречиха — tatar
(про)гневить — pahandama kedagi
(со)грешить — patustama
грех — patt

грешный — patune
приучать *к чему?* — harjutama, õre-
tama
приучить *
(за)нить (ною, ноешь) — valutama,
tuikama
нутро — sisikond
(по)чьять (чувствовать) — tundma
(за)ворковать — kudrutama
наседка (наседочка) — hauduja (ka-
na)
позапрошлый — tunamullune (aasta)
занятно — интересно

деток накормит — и вон. Глядишь — уж на смену ей другая. Иногда не влетит, только мимо раскрытой двери пронесётся, а детки тотчас — ну пищать, да клювы раззевать... Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покори́тился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какие вы, господа-охотники, злые!

— Я ласточек не стреляю, — поспешил я заметить.

— А то раз, — начала опять Лукерья, — вот смеху-то было! Заяц забежал, право! Собаки, что ли, за ним гнались, только он прямо в дверь как прикатит!.. Сел близёхонько — и долго-таки сидел, — всё носом водил и усáми дёргал — настоящий офицер! И на меня смотрел. Понял, значит, что я ему не страшна. Наконец встал, прыг-прыг к двери, на поро́ге огляну́лся — да и был таков. Смешной такой!

Лукерья взглянула на меня... аль, мол, не забавно? Я, в угоду ей, посмеялся. Она покусала пересохшие губы.

— Ну, зимью, конечно, мне хуже — потому — темно; свечку зажечь жалко, да и к чему? Я хоть грамоте знаю и читать всегда охотница была, но что читать? Книг здесь нет никаких, да хоть бы и были, как я буду держать её книгу-то? Отец Алексей мне, для рассеянности, принёс календарь; да видит, что пользы нет, взял да унёс опять. Однако, хоть и темно, а всё слушать есть что: сверчок затрещит, али мышь где скрестись станет. — Вот тут-то хорошо: не думать!

— А то я молитвы читаю, — продолжала, отдохнув немного, Лукерья. — Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану господу богу наскучать? О чём я его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал он мне крест — значит меня он любит. Так нам велено это понимать.

Прошло минуты две. Я не нарушал молчания и не шевелился на узенькой кадúшке, служившей мне сиденьем. Жестокая, каменная неподвижность лежавшего передо мною живого, несчастного существа сообщилась и мне: я тоже словно оцепенел.

— Послушай, Лукерья, — начал я наконец. — Послушай, какое я тебе предложенье сделаю. Хочешь, я распоряжусь: тебя в больницу перевезут, в хорошую, городскую больницу? Кто знает, быть может, тебя ещё вылечат? Во всяком случае ты одна не будешь...

Лукерья чуть-чуть двинула бровями. — Ох, нет, барин, —

раззевать — laiali ajama (nokka)
(по)коры́таться — ahnitsema
усы — vurud
поро́г — lävi
да и был таков! — ja kadus!
забавно — интересно
ей в угоду — tema meeleheaks
для рассеянности — siin: meelelahu-
tuseks

сверчок — kilk
молитва — palve
наскучать (надоедать) кому? — tüü-
tama
сиденье — istekoht
неподвижность (ж. р.) — liikumatus
оцепенеть — tarduma
бровь (ж. р.) — kulm

промóлвила она озабóченным шёпотом, — не переводите меня в больницу, не трогайте меня. Я там только больше мýки приму́. — Уж куда меня лечи́ть!.. Вот как-то раз доктор сюда приезжа́л; осма́тривать меня захотел. Я его прошу: не трево́жьте вы меня, христа ради́. Куда! Переворáчивать меня стал, руки, ноги размина́л, разгиба́л; говорит: это я для учёности делаю; на то я служащий человек, учёный! И ты, говорит, не проти́вься мне, потому что мне за мои труды́ орден на шею дан, и я для вас же, дурако́в, стара́юсь. Потормоши́л, потормоши́л меня, назвал мне мою болезнь — мудрено́ таково́ — да с тем и уехал. А у меня потом целую неделю все косточки ныли. Вы говорите: я одна бываю, всегда одна. Нет, не всегда. Ко мне ходят. Я смиренная — не мешаю́. Девушки крестья́нские зайдут, погово́рят, странница забредёт, станет про Иерусалим рассказывать, про Киев, про святы́е городá. Да мне и не страшно одной быть. Даже лучше, ей-ей! Барин, не трогайте меня, не возите в больницу... Спасибо вам, вы добрый, только не трогайте меня, голубчик.

— Ну, как хочешь, как хочешь, Лукерья. Я ведь для твоей же пользы полага́л.

— Знаю, барин, что для моей пользы. Да, барин, милый, кто другому помочь может? Кто ему в душу войдёт? Сам себе человек помога́й! Вы вот не поверите — а лежу я иногда так-то одна... и словно никого в целом свете кроме меня нету. Только одна я — жива́я. И чудится мне, будто что меня осенит... Возмёт меня размышлénие — даже удивительно!

— О чём же ты тогда размышля́ешь, Лукерья?

— Этого, барин, тоже никак нельзя́ сказать: не растолку́ешь. Да и забывáется оно потом. Придёт, словно как тучка, прольётся, свежо́ так, хорошо станет, а что такое было — не поймёшь! Только думается мне: будь около меня люди — ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, кроме своего несча́стья.

Лукерья вздохну́ла с трудом. Грудь ей не повиновáлась — так же, как и остальные члены.

— Как погляжу́ я, барин, на вас, — начала она снова, — очень вам меня жалко. А вы меня не слишком жалéйте, право! Я вам, например, что скажу: я иногда и теперь... Вы ведь помните, какая я в своё время была весёлая? Бой-девка!.. так знаете что? Я и теперь песни пою.

— Песни?.. Ты?

озабóченный — murelik
 мýка — piin
 христа́ ради́ — jumala pãrast, jumala
 nimel
 размина́ть — painutama, sõtkuma
 разгиба́ть — lahti painutama
 разогну́ть *

проти́виться — vastu panema
 (по)тормоши́ть — vãntsutama
 страна́ница — (palve-)rãndaja
 осеня́ть — sãhvatama (mõte)
 осенить *
 размышлénие — mõtisklus
 бой-девка — terane tüdruk

— Да, песни, старые песни, хороводные, всякие! Много я их ведь знала и не забыла. Только вот плясовы́х не пою. В тепе-решнем моём звании — оно не годится.

— Как же ты поёшь их... про себя?

— И про себя и голосом. Громко-то не могу, а всё — понять можно. Вот я вам сказывала — девочка ко мне ходит. Сиротка, значит, понятливая. Так вот я её выучила; четыре песни она уже у меня переняла. Аль не верите? Постоите, я вам сейчас...

Лукерья собралась с духом... Мысль, что это полумёртвое существо готовится запеть, возбудила во мне небольшой ужас. Но прежде, чем я мог промолвить слово, — в ушах моих задрожал протяжный, едва слышный, но чистый и верный звук... за ним последовал другой, третий. «Во лужях» пела Лукерья. Она пела, не изменив выражения своего окаменёлого лица, уставив даже глаза. Но так трогательно звенел этот бедный, как струйка дыма, колебавшийся голосок, так хотелось ей всю душу вылить... Уже не ужас чувствовал я: жалость нескáзанная стиснула мне сердце.

— Ох, не могу! — проговорила она вдруг, — силушки не хватает... Очень уж я вам обрадовалась.

Она закрыла глаза.

Я положил руку на её крошечные, холодные пальчики... Она взглянула на меня — и её тёмные веки, опушённые золотистыми ресницами, как у древних статуи, закрылись снова. Спустя мгновенье, они заблестали в полутьме... Слеза их смочила.

Я не шевелился по-прежнему.

— Экая я! — проговорила вдруг Лукерья с неожиданной силой, и, раскрыв широко глаза, постаралась смигнуть с них слезу. — Не стыдно ли? Чего я? Давно этого со мной не случилось... с самого того дня как Поляков Вася у меня был прошлой весной. Пока он со мной сидел да разговаривал — ну, ничего; а как ушёл он — поплакала я-таки в одиночку! Откуда бралось!.. Да ведь у нашей сестры слёзы некупленные. — Барин, — прибавила Лукерья, — чай у вас платочек есть.. Не побрезгуйте, утрите мне глаза.

Я поспешил исполнить её желание — и платок ей оставил. Она сперва откачивалась... на что, мол, мне такой подарок? Платок был очень простой, но чистый и белый. Потом она охва-

плясовый — tantsu-
в моём звании (в моём положении)
— siin: minu olukorras
понятливый — terane, arusaaja
собраться с духом — jõudu koguma
ужас — õudus
трогательно — liigutavalt
струйка дыма — suitsu viirg
жалость — haledus, hale meel
нескáзанный — ütlemata, tugev

стискивать (жать) — kokku pigista-
ma, suruma
стиснуть *
веки — laud
опушённый — äärestatud
ресницы — ripsmed
смигнуть — ära pilgutama
чай — наверно
(по)брезговать — jälgiks pidama

тила его своими слабыми пальцами и уже не разжала их более. Привыкнув к темноте, в которой мы оба находились, я мог ясно различить её черты, мог даже заметить тонкий румянец, проступивший сквозь бронзу её лица, мог открыть в этом лице, так по крайней мере мне казалось, — следы его бывалой красоты.

— Вот вы, барин, спрашивали меня, — заговорила опять Лукерья, — сплю ли я? Сплю я точно редко, но всякий раз сны вижу, — хорошие сны! Никогда я больно́й себя не вижу: такая я всегда во сне здоровая да молодая... Одно горе: проснётся я — потянуться хочу хорошенько — а я вся как скованная. Раз мне какой чудесный сон приснился! Хотите расскажу вам? — Ну, слушайте. — Вижу я, будто стою я в поле, а кругом рожь, такая высокая, спелая, как золотая!.. И будто со мной собачка рыженькая, злющая-презлющая — всё уку́сить меня хочет. И будто в руках у меня серп, и не простой серп, а самый как есть месяц, вот когда он на серп похо́ж бывает. И этим самым месяцем должна я эту самую рожь сжать до́чиста. Только очень меня от жары растомило, и месяц меня слепит, и лень на меня нашла; а кругом васильки растут, да такие крупные! И все ко мне головками повернулись. И думаю я: нарв́у я этих васильков; Вася прийти обеща́лся — так вот я себе венок сперва совью; жать-то я ещё успею. Начинаю я рвать васильки, а они у меня промеж пальцев тают да тают, хоть ты что! И не могу я себе веноч свить. А между тем я слышу — кто-то уж идёт ко мне, близко таково́, и зовет: Луша! Луша!.. Ай, думаю, беда — не успела! Всё равно́, надену я себе на голову этот месяц, за́место васильков. Надеваю я месяц, ровно как коко́шник, и так сама сейчас вся засияла, всё поле кругом осветила. Глядь — по самым верхушкам колосьев катит ко мне скорехонько — только не Вася — а сам Христос! И почему я узнала, что этот Христос — сказать не могу, — таким его не пишут, — а только он! Безбородый, высокий, молодой, весь в белом, — только пояс золотой, — и ручку мне протягивает. — «Не бойся, говорит, невеста моя разубранная, ступай за мною; ты у меня в царстве небесном хоро́вды водить будешь и песни играть райские». — И я к его ручке как прильну́ — собачка моя сейчас меня за ноги... Но тут мы взвились! Он впереди́... Крылья у него по-всему небу развернулись, длинные, как у чайки, — и я за ним!

румянец — rupa
потянуться — end sirutama
(с)ковать — aheldama
злющий — очень злой
месяц — poorkuu
растомить — vāsītama
(о)слепить — pimestama
василёк (р. п. — василька) — rukki-
iil
хоть ты что! — tee mis tahes!

коко́шник — kokošnik, vene naiste
peahe
разубранный (украшенный) — ehitud
царство небесное — taevariik
райский — paradiisi-
(при)льнуть — liibuma
(вз)виться — õhku tõusma
развернуться — laiali laotuma
чайка — kajakas

И собачка должна отстать от меня. Тут только я поняла, что эта собачка — болёзнь моя и что в царстве небёсном ей уже места не будет.

Лукерья умолкла на минутку.

— А то ещё видела я сон, — начала она снова, — а быть может это было мне видение — я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетушке лежу и приходят ко мне мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мне низко, а сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? А затем, говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тяжесть сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже поконила; теперь наши грехи побеждаешь. И, сказавши это, родители мне опять поклонились — и не стало их видно: одни стены видны. Очень я потом сомневалась, что это такое со мною было. Даже батюшке рассказала. Только он так полагает, что это было не видение, потому что видения бывают одному духовному чину.

— А то вот ещё какой мне был сон, — продолжала Лукерья. — Вижу я, что сижу я эдак будто на большой дороге под ракистой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платком окутана — как есть странница! И идти мне куда-то далеко-далеко на богомолье. И проходят мимо меня все странники; идут они тихо, словно нехотя, все в одну сторону; лица у всех унылые и друг на дружку все очень похожи. И вижу я: вьётся, мечется между ними одна женщина, целой головой выше других, и платье на ней особенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, строгое. И будто все другие от неё сторонятся; а она вдруг верть — да прямо ко мне. Остановилась и смотрит; а глаза у неё, как у сокола, жёлтые, большие и светлые-пресветлые. И спрашиваю я её: кто ты? — А она мне говорит: «Я смерть твоя». Мне чтобы испугаться, а я напротив — рада-радехонька. И говорит мне та женщина, смерть моя: «Жаль мне тебя, Лукерья, — но взять я тебя с собою не могу. — Прощай!» Господи! как мне тут грустно стало!.. «Возьми меня», говорю, «матушка, голубушка, возьми!» — И смерть моя обернулась ко мне, стала мне выговаривать... Понимаю я, что назначает она мне мой час, да непонятно так, неясно... После, мол, петровок... С этим я проснулась... Такие-то у меня бывают сны удивительные!

видение — nägemus
(по)чудиться — näima
(по)мучиться — piinlema
полагать — oletama
духовный чин — vaimulik
раки́та — rajju
(о)стругать — vestma
котомка — leivakott

странник — (palve-)rändur
(за)метаться — visklema
(по)сторониться — kõrvale hoidma
со́кол — pistrik (kull)
выговаривать — noomima
петро́вки — paast enne peetri päeva

Лукерья подняла глаза кверху... задумалась...

— Только вот беда моя: случается, целая неделя пройдёт, а я не засну ни разу. В прошлом году барыня одна проезжала, увидела меня да и дала мне скляночку с лекарством против бессонницы; по десяти капель приказала принимать. Очень мне помогало, и я спала; только теперь давно та скляночка выпита... Не знаете ли, что это было за лекарство и как его получить?

Проезжавшая барыня очевидно дала Лукерье опиума. Я обещался доставить ей такую же скляночку и опять-таки не мог не подивиться вслух ее терпению.

— Эх, барин! — возразила она. — Что вы это? Какое такое мое терпение? Вот Симеона Столпника терпение было точно великое: тридцать лет на столбу стоял! А другой угонник себя в землю зарыть велел по самую грудь, и муравьи ему лицо ели... А то вот ещё мне рассказывали: была некая страна, и ту страну агаряне завоевали, и всех жителей они мучили и убивали; и что ни делали жители, освободить себя никак не могли. И появившись тут между теми жителями святая девственница; взяла она меч великий, латы на себя надела двухпудовые, пошла на агарян и всех их прогнала за море. А только прогнавши их, говорит им: теперь вы меня сожгите, потому что такое было моё обещание, чтобы мне огненной смертью за свой народ помереть. — И агаряне её взяли и сожгли, а народ с той поры навсегда осовоодился! Вот это подвиг! А я что!

Подивился я тут про себя, куда и в каком виде зашла легенда об Иоанне д'Арк, и, помолчав немного, спросил Лукерью: сколько ей лет?

— Двадцать восемь... али девять... Тридцати не будет. Да что их считать, год-то! Я вам ещё вот что доложу...

Лукерья вдруг как-то глухо кашлянула, охнула...

— Ты много говоришь, — заметил я ей, — это может тебе повредить.

— Правда, — прошептала она едва слышно, — разговору нашему конец; да куда ни шло! Теперь, как вы уедете, намолчусь я вволю. По крайности, душу отвела...

Я стал прощаться с нею, повторил ей моё обещание прислать ей лекарство, попросил её ещё раз хорошенько подумать и сказать мне — не нужно ли ей чего?

— Ничего мне не нужно; всем довольна, слава богу, —

склянка (скляночка) — pudel
бессонница — upepuudus
столб — post
угонник — pühak
агаряне — türklased, muhameedla-
sed
девственница — neitsi
латы — gaudrүү

огненный — tule-
докладывать — ette kandma, jutusta-
ma
доложить*
(по)вредить — kahjustama
отводить душу — kergendama sū-
dant
отвести* душу

с величайшим уси́лием, но умилённо произнесла́ она. — Дай бог всем здоро́вья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить — крестьяне здешние бедные — хоть бы малость обро́ку с них она сбавила! Земли́ у них недоста́точно... Они бы за вас богу помоли́лись... А мне ничего не нужно, — всем дово́льна.

Я дал Лукерье слово испо́лнить её просьбу и подходил уже к дверя́м... она подозвала́ меня опять.

— Помните, барин, — сказала она и чудное что-то мелькну́ло в её глазах и на губах, — какая у меня была коса́? Помните — до самых колен! Я долго не реша́лась... Эдакие волосы!.. Но где же их было расчёсывать? В моём-то положéнии!.. Так уж я их и обрезала... Да... Ну, простите, барин! Больше не могу... .

В тот же день, прежде чем отпра́виться на охóту, был у меня разговор о Лукерье с хуторским десятским. Я узнал от него, что её в деревне прозыва́ли «Живые Мощи», что, впрочем, от неё никакого не видать беспокойства: ни ропота от неё не слышать, ни жалоб. — «Сама ничего не требует, а напротив — за всё благодарна; тихоня, как есть тихоня, так сказать надо. Богом убитая» — так заключил десятский — «стало быть, за грехи́; но мы в это не входим. А чтобы, например, осуждать её, — нет, мы её не осуждаём. Пушай её!»

*

Несколько недель спустя́, я узнал, что Лукерья сконча́лась. Смерть пришла́-таки за ней... и «после петро́вок». Рассказывали, что в самый день кончи́ны она всё слышала колоко́льный звон, хотя от Алексе́евки до церкви счита́ют пять вёрст с лишком и день был будничны́й. Впрочем, Лукерья говори́ла, что звон шёл не от церкви, а «сверху́». — Вероятно она не посме́ла сказать: с неба.

умилённо — heldinult
обрóк — kruntrent, obrok
десятский — (küla)kümnik
ропот — nurin
тихоня — vagur

осужда́ть — hukka mõistma
осудить *
сконча́ться (умереть) — surema
день кончи́ны — surmapäev
будничны́й — argipäev
звон — helin

НИКОЛАИ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

(1828—1889)

ОСОБЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК.

(Отрывок из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».)

... Таких людей, как Рахметов, мало: я встретил до сих пор только восемь образцов этой породы (в том числе двух женщин) ... Рахметов был из фамилии, известной с XIII века, то есть одной из древнейших не только у нас, а и в целой Европе. ... Отец (его) служил без удачи и без падений, в сорок лет вышел в отставку генерал-лейтенантом и поселился в одном из своих поместий, разбросанных по верховью Медведицы. Поместья были, однако ж, не очень велики, всего душ тысячи две с половиною, а детей на деревенском досуге явилось много, человек восемь; наш Рахметов был предпоследний, моложе его была одна сестра; потому наш Рахметов был уже человек не с богатым наследством: он получил около четырехсот душ да семь тысяч десятин земли. Как он распорядился с душами и с пятью тысячами пятьюстами десятинами земли, это не было известно никому, не было известно и то, что за собою оставил он тысячу пятьсот десятин, да не было известно и вообще то, что он помещик и что, отдавая в аренду оставленную за собою долю земли, он имеет все-таки еще до трех тысяч рублей дохода. ... Это мы узнали после, а тогда полагали, конечно, что он одной фамилии с теми Рахметовыми, между которыми много богатых помещиков, у которых, у всех однофамильцев вместе, до семидесяти пяти тысяч душ по верховьям Медведицы, Хопра, Суры и Цны, которые бессменно бывають уездными предводителями тех мест, и не тот, так другой постоянно бывають губерн-

порода — *sugu, liik, rass*
падение — *langus*
поместье — *имение*
разбросать — *laiali pilduma*
разбросить*
верховье — *jõe ülemvool*
предпоследний — *eelviimane*

наследство — *pärandus*
десятина — *1,092 ha*
распоряжаться — *korraldusi andma, toimima*
распорядиться*
бессменно — *vafetpidamata, alaliselt*

скими предводителями то в той, то в другой из трёх губерний, по которым текут их крепостные верховья рек. И знали мы, что наш знакомый Рахметов проживает в год рублей четыреста; для студента это было тогда очень не мало, но для помещика из Рахметовых уже слишком мало...

Теперь ему было двадцать два года, а студентом он был шестнадцати лет; но почти на три года он покидал университет. Вышел из второго курса, поехал в поместье, распорядился, победив сопротивление опекуна, заслужив анафему от братьев и достигнув того, что мужья запретили его сёстрам произносить его имя; потом скитался по России разными манерами: и сухим путём, и водою, и тем и другою по-обыкновенному и по-необыкновенному, — например, и пешком, и на расшивах, и на лодках, имел много приключений, которые все сам устраивал себе; между прочим, отвёз двух человек в Казанский, пятерых в Московский университет, — это были его стипендиаты, а в Петербург, где сам хотел жить, не привёз никого, и потому никто из нас не знал, что у него не четыреста, а три тысячи рублей дохода...

Но если никому из петербургских знакомых Рахметова не были известны его родственные и денежные отношения, зато все, кто его знал, знали его под двумя прозвищами; одно из них... «ригорист»; его он принимал с обыкновенною своею лёгкою улыбкою мрачногого удовольствия. Но когда его называли Никитушкою, или Ломовым, или по полному прозвищу Никитушкою Ломовым, он улыбался широко и сладко и имел на то справедливое основание, потому что не получил от природы, а приобрёл твёрдостью воли право носить это славное между миллионами людей имя. Но оно гремит славою только на полосе в сто вёрст шириною, идущей по восьми губерниям; читателям остальной России надобно объяснить, что это за имя. Никитушка Ломов, бурлак, ходивший по Волге лет двадцать-пятнадцать тому назад, был гигант геркулесовской силы; пятнадцать вершков ростом, он был так широк в груди и в плечах, что весил пятнадцать пудов, хотя был человек только плотный, а не толстый. Какой он был силы, об этом довольно сказать одно: он получал плату за четырёх человек. Когда судно приставало к городу, и он шёл на рынок, по-волжскому на базар, по дальним переулкам раздавались крики парней: «Никитушка Ломов идёт, Никитушка Ломов идёт!» — и все бежали на улицу,

сопротивление — vastuseis
опекун — hooldaja
заслужить анафему — ära teenima
needmist
(по)скитаться — rändama, ümber hulkuma

расшива — большая лодка
прозвище — hüüdnimi
ригорист — здесь: революционер
мрачногогый — süngvõitu
плотный — tüse

ведущую с пристани к базáру, и толпá народа валила вслед за своим богатырём.

Рахметов в шестнадцать лет, когда приехал в Петербург, был с этой стороны обыкновенным юношею довольно высокого роста, довольно крепким, но далеко не замечательным по силе: из десяти встречных его сверстников, навёрное двое сладили бы с ним. Но на половине семнадцатого года он вздумал, что нужно приобрести физическое богатство, и начал работать над собою. Стал очень усердно заниматься гимнастикой; это хорошо, но ведь гимнастика только совершенствует материал, надо запасаться материалом. И вот на время, вдвое большее занятий гимнастикой, на несколько часов в день, он становился черноработчим по работам, требующим силы: возил воду, таскал дрова, рубил дрова, пилил лес, тесал камни, копал землю, ковал железо; много работ он проходил и часто менял их, потому что от каждой новой работы, с каждой переменою, получают новое развитие какие-нибудь мускулы. Он принял боксёрскую диету: стал кормить себя, — именно кормить себя, — исключительно вещами, имеющими репутацию укреплять физическую силу, больше всего бифштексом, почти сырым, и с тех пор всегда жил так. Через год после начала этих занятий он отправился в своё странствование и тут имел ещё больше удобства заниматься развитием физической силы: был пахарем, плотником, перевозчиком и работником всяких здоровых промыслов; раз даже прошёл бурлаком всю Волгу, от Дубовки до Рыбинска. Сказать, что он хочет быть бурлаком, показало бы хозяину судна и бурлакам верхом нелёпости, и его не приняли бы; но он сел просто пассажиром, подружившись с артелью, стал помогать тянуть лямку и через неделю запрягся в неё, как следует настоящему рабочему; скоро заметили, как он тянет, начали пробовать силу, — он перетягивал троих, даже четверых самых здоровых из своих товарищей; тогда ему было двадцать лет, и товарищи его по лямке окрестили его Никитушкою Ломовым, по памяти герба, уже сошедшего тогда со сцены. На следующее лето он ехал на пароходе; один из простонародия, толпившегося на палубе, оказался его прошлогóдным сослуживцем по лямке и таким-то образом его спутники студенты узнали, что его следует

пристань — sadam
(по)валить за кем? за чем? — murguna tormama
богатырь — vägilane
сверстник — ühevanune
сладить с кем? — jagu saama kellestki
тесать камни — kive tahuma
странствование — rändamine

нелёпость — mõtetus
лямка — õlapeal
запрягаться — end ette rakendama
запречься*
(о)крестить — ristima
сошедший со сцены — kadunud, tegevusalalt lahkunud
простонародие — lihtrahvas
сослуживец — kaasteenija

звать Никитушкою Ломовым. Действительно, он приобрёл и, не щадя времени, поддёрживал в себе непомерную силу.

«Так нужно, — говорил он, — это даёт уважение и любовь простых людей. Это полезно, может пригодиться».

Это ему засело в голову с половины семнадцатого года, потому что с этого времени и вообще начала развиваться его особенность. Шестнадцати лет он приехал в Петербург обыкновенным, хорошим, кончившим курс гимназистом, обыкновенным добрым и честным юношею и провёл месяца три, четыре по-обыкновенному, как проводят начинающие студенты. Но стал он слышать, что есть между студентами особенно умные головы, которые думают не так, как другие, и узнал с пятюк имён таких людей, — тогда их было ещё мало. Они заинтересовали его, он стал искать знакомства с кем-нибудь из них; ему случилось сойтись с Кирсановым, и началось его перерождение в особенного человека, будущего Никитушку Ломова и ригориста. Жадно слушал он Кирсанова в первый вечер, плакал, прерывал его слова восклицаниями проклятий тому, что должно погибнуть, благословений тому, что должно жить. «С каких же книг мне начать читать?» Кирсанов указал. Он на другой день уже с восьмью часами утра ходил по Невскому, от Адмиралтейской до Полицейского моста, выжидая, какой немецкий или французский книжный магазин первый откроется, взял, что нужно, и читал больше трёх суток сряду, — с одиннадцати часов утра четверга до девяти часов вечера воскресенья, — восемьдесят два часа; первые две ночи не спал так, на третью выпил восемь стаканов крепчайшего кофе, до четвертой ночи нехватило силы ни с каким кофе, он повалился и проспал на полу часов пятнадцать. Через неделю он пришёл к Кирсанову, потребовал указания на новые книги, объяснений; подружился с ним, потом через него подружился с Лопуховым. Через полгода, хотя ему было только семнадцать лет, а им уже по двадцать одному году, они уж не считали его молодым человеком сравнительно с собою, и уж он был особенным человеком.

Какие задатки для того лежали в его прошлой жизни? Не очень большие, но лежали. Отец его был человек деспотического характера, очень умный, образованный, и ультра-консерватор, но честный. Ему, конечно, было тяжело. Это одно ещё ничего бы. Но мать его, женщина довольно деликатная, страдала от тяжёлого характера мужа, да и видел он что в деревне!.. За несколько времени перед тем, как вышел он из университета и отправился в своё поместье, потом в странствование по России, он

не щадя времени — *aega arvesta-*
mata
непомерный — очень большой
засесть в голову — *pähe kindlasti pü-*
sima jääma

перерождение — *ümbersünd*
проклятие — *needus*
благословение — *õnnistus*
(по)валиться — *üंबर kukkuma*
задаток — *eeldus*

уже принял оригинальные принципы и в материальной, и в нравственной, и в умственной жизни, а когда он возвратился, они уже развились в законченную систему, которой он держался неуклонно. Он сказал себе: «Я не пью ни капли вина. Я не прикасаюсь к женщине». А натура была кипучая. «Зачем это? Такая крайность вовсе не нужна». — «Так нужно. Мы требуем для людей полного наслаждения жизнью, — мы должны своею жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворения своим личным страстям, не для себя лично, а для человека вообще, что мы говорим только по принципу, а не по пристрастию, по убеждению, а не по личной надобности».

Поэтому же он стал и вообще вести самый суровый образ жизни. Чтобы сделаться и продолжать быть Никитушкою Ломовым, ему нужно было есть говядину, много говядины, — и он ел её много. Но он жалел каждой копейки на какую-нибудь пищу, кроме говядины; говядину он велел хозяйке брать самую отличную, нарочно для него самые лучшие куски, но остальное ел у себя дома всё только самое дешёвое. Отказался от белого хлеба, ел только чёрный за своим столом. По целым неделям у него не бывало во рту куска сахара, по целым месяцам никакого фрукта, ни куска телятины или пулярки. На свои деньги он не покупал ничего подобного: «Не имею права тратить деньги на прихоть, без которой могу обойтись», — а ведь он воспитан был на роскошном столе и имел тонкий вкус, как видно было по его замечаниям о блюдах; когда он обедал у кого-нибудь за чужим столом, он ел с удовольствием многие из блюд, от которых отказывал себе в своём столе, других не ел и за чужим столом. Причина различия была основательная: «То, что ест, хотя по временам, простой народ, и я могу есть при случае. Того, что никогда недоступно простым людям, и я не должен есть! Это нужно мне для того, чтобы хотя несколько чувствовать, насколько стеснена их жизнь сравнительно с моею». Поэтому, если подавались фрукты, он абсолютно ел яблоки, абсолютно не ел абрикосов; апельсины ел в Петербурге, не ел в провинции, — видите, в Петербурге простой народ ест их, а в провинции не ест. Паштеты ел потому, что «хороший пирог не хуже паштета, и слоёное тесто знакомо простому народу», но сардинок не ел. Одевался он очень бедно, хоть любил изящество, и во всём

принцип — pōhimōte
 неуклонно — kindlalt
 (при)касаться — puutuma
 кипучий — keev
 наслаждение — nauding
 пристрастие — tuju, kapriis
 убеждение — veendumus
 надобность (ж. р.) — vajadus
 суровый — karm
 образ жизни — eluviis, elulaad

говядина — loomaliha
 телятина — vasikaliha
 пулярка — kanaliha
 прихоть — kapriis, tuju
 роскошный стол — rikkalik toit (laud)
 блюдо — roog, liud
 стеснять — kitsendama
 стеснить*
 слоёное тесто — muretaigen
 изящество — elegants

остальном вёл спартанский образ жизни; например, не допускал тюфяка и спал на войлоке, даже не разрешая себе свернуть его вдвое.

Было у него угрызение совести, — он не бросил курить: «Без сигары не могу думать; если действительно так, я прав; но, быть может, это слабость воли». А дурных сигар он не мог курить, — ведь он воспитан был в аристократической обстановке. Из четырёхсот рублей его расхода до ста пятидесяти выходило у него на сигары. «Гнусная слабость», как он выражался. Только она и давала некоторую возможность отбиваться от него: если уж начнёт слишком доезжать своими обличениями, доезжаемый скажет ему: «Да ведь совершенство невозможно, — ты же куришь», — тогда Рахметов приходил в двойную силу обличения, но большую половину укоризн обращал уже на себя, обличаемому всё-таки доставалось меньше, хотя он не вовсе забывал его из-за себя.

Он успевал делать страшно много, потому что и в распоряжении временем положил на себя точно такое же обуздание прихотей, как и в материальных вещах. Ни четверти часа в месяц не пропадало у него на развлечение, отдыха ему не было нужно. «У меня занятия разнообразны; перемена занятия есть отдых». В кругу приятелей, сборные пункты которых находились у Кирсанова и Лопухова, он бывал никак не чаще того, сколько нужно, чтобы остаться в тесном отношении к нему: «Это нужно; ежедневные случаи доказывают пользу иметь тесную связь с каким-нибудь кругом людей, — надобно иметь под руками всегда открытые источники для разных справок». Кроме как в собраниях этого кружка, он никогда ни у кого не бывал иначе, как по делу, и ни пятью минутами больше, чем нужно по делу; и у себя никого не принимал и не допускал оставаться иначе, как на том же правиле; он без околичностей объявлял гостю: «Мы переговорили о вашем деле; теперь позвольте мне заняться другими делами, потому что я должен дорожить временем».

В первые месяцы своего перерождения он почти всё время проводил в чтении, но это продолжалось лишь немного более полгода; когда он увидел, что приобрёл систематический образ мыслей в том духе, принципы которого нашёл справедливыми, он тотчас же сказал себе: «теперь чтение стало делом второстепенным; я с этой стороны готов для жизни», и стал отдавать книгам только время, свободное от других дел, а такого времени оставалось у него мало. Но, несмотря на это, он расширял круг

тюфяк — magamiskott
войлок — vilt
угрызение совести — südametunnis-
tusepiin
слабость воли — tahtejou nõrkus
расход — väljaminek
гнусный — kõlvatu, jälk

доезжать — siin: ründama
обличение — paljastamine
укоризна — etteheide
обуздание — taltsutamine
источник — läte
без околичностей — otseteed

своего знания с изумительною быстротою: теперь, когда ему было двадцать два года, он был уже человеком замечательно основательной учёности. Это потому, что он тут поставил себе правилом: роскоши и прихоти — никакой: исключительно то, что нужно. А что нужно? Он говорил: «По каждому предмету капитальных сочинений очень немного; во всех остальных только повторяется, разжижается, портится то, что всё гораздо полнее и яснее заключено в этих немногих сочинениях. Надобно читать только их; всякое другое чтение — только напрасная трата времени. Берём русскую беллетристику. Я говорю: прочитаю всего прежде Гоголя. В тысячах других повестей я уже вижу по пяти строкам с пяти разных страниц, что не найду ничего, кроме испорченного Гоголя, — зачем я стану их читать? Так и в науках, — в науках даже ещё резче эта граница...» «Каждая прочтенная мною книга такова, что избавляет меня от надобности читать сотни книг», — говорил он.

Гимнастика, работа для упражнения силы, чтение — были личными занятиями Рахметова; но, по его возвращении в Петербург, они брали у него только четвертую долю его времени, остальное время он занимался чужими делами, или ничьими в особенности делами, постоянно соблюдая то же правило, как в чтении: не тратить времени над второстепенными делами и с второстепенными людьми, заниматься только капитальными, от которых уже и без него изменяются второстепенные дела и руководимые люди. Например, вне своего круга он знакомился только с людьми, имеющими влияние на других. Кто не был авторитетом для нескольких других людей, тот никакими способами не мог даже войти в разговор с ним. Он говорил: «Вы меня извините, мне некогда», — и уходил. Но точно так же, никакими средствами не мог избежать знакомства с ним тот, с кем он хотел познакомиться. Он просто являлся к вам и говорил, что ему было нужно, с таким предисловием: «Я хочу быть знаком с вами; это нужно. Если вам теперь не время, назначьте другое». На мелкие ваши дела он не обращал никакого внимания: хотя бы вы были ближайшим его знакомым и спрашивали его вникнуть в ваше затруднение: «Мне некогда», — говорил он и отворачивался. Но в важные дела вступался, когда это было нужно, по его мнению, хотя бы никто этого не желал: «Я должен», — говорил он...

Вот как он говорил и вел свои дела, а дел у него была бездна, и все дела, не касавшиеся лично до него; личных дел у него не было, это все знали; но какие дела у него, этого кру-

роскошь — *üliküllus, rikkus*
 разжижать — *vedelaks tegema*
 разжигать *
 трата времени — *ajaraiskamine*
 (ис)портить (т/ч) — *rikkuma*
 надобность (ж. р.) — *vajadus*

второстепенное дело — *kõrvalasi*
 влияние — *mõju*
 предисловие — *eessõna*
 вникать во что? — *tungima*
 вникнуть *
 бездна (дел) — очень много

жók не знал. Видно было только, что у него множество хлопóт. Он мало бывáл дома, всё ходíл и разъезжáл, больше ходíл. Но и у него беспрестáнно бывáли люди, то всё одни и те же, то всё новые; для этого у него было полóжено: быть всегда дома от двух до трёх часóв; в это время он говорил о делах и обедал. Но часто по несколько дней его не бывáло дома. Тогда вместо него сидéл у него и принимáл посетителéй один из его приятелéй, преданный ему душо́ю и телом и молчали́вый, как моги́ла.

Года через два, после того как мы видим его сидящим в кабинетé Кирсанова за Ньюто́новым толковáнием на Апока́липсис, Рахметов уéхал из Петербурга, сказáвши Кирсанову и ещё двум-трём самым близким друзья́м, что ему нечего делать больше; что он сделал всё, что мог, что больше делать можно будет только года через три, что эти три года теперь у него свободны, что он думает воспользоваться ими, как ему кажется нужно для будущей деятельности. Мы узнали потóм, что он проёхал в своё бывшее поместье, продал оста́вшуюся у него землю, получилъ тысячъ тридцать пять, заёхал в Казань и Москву, роздал около пяти тысяч своимъ семí стипендиáтам, чтобы они могли кончить курс, тем и кончáлась его достоверная история. Куда он девáлся из Москвы, неизвёстно. Когда прошло несколько месяцев без всяких слухов о нём, люди, знавшие о нём что-нибудь, кроме извёстного всем, перестáли скрывать вещи, о которых по его просьбе молчáли, пока он жил между ними. Тогда большую часть из того о его личных отноше́ниях, что я рассказáл, узна́л множество историй, далекó, впрочем, не разъяснявших всего, даже ничего не разъяснявших, а только делавших Рахметова лицóм ещё более зага́дочным для всего кружка, историй, изумлявших своёю странностью, или совершенно противорéчивших тому поня́тию, какое кружо́к имéл о нём, как о человеке совершенно чёрством для личных чувств, не имéвшем, если можно так выразиться, личного сердца, котóрое билось бы ощущениями личной жизни. Расскáзывать все эти истории было бы здесь неумéстно. Приведú лишь две из них, по одной на каждый из двух родóв: одну дикого сорта, другую — сорта, противорéчившего прежнему поня́тию кружка о нём. Выбираю из историй, рассказанных Кирсановым.

За год перед тем, как во второй и, вероятно, окончáтельный раз пропáл из Петербурга, Рахметов сказал Кирсанову: «Дайте мне поря́дочное количество мази для заживлéния ран от острых

хлопоты — askeldused
беспрестáнно — всё время
моги́ла — haud
толковáние — seletus
Апока́липсис — Johannese ilmutusraamat
достоверный — tõetruu

зага́дочный — saladuslik
противорéчивый — vastukäiv
чёрствый (человéк) — kalk
мазь — määre
для заживлéния ран — haavade parandamiseks

орудий». Кирсанов дал огромнейшую банку, думая, что Рахметов хочет отнести лекарство в какую-нибудь аптеку плотников или других мастеровых, которые часто подвергаются порезам. На другое утро хозяйка Рахметова в страшном испуге прибежала к Кирсанову: «Батюшка-лекарь, не знаю, что с моим жильцом сделалось: не выходит долго из своей комнаты, дверь запер, я заглянула в щель: он лежит весь в крови; я как закричу, а он мне говорит сквозь дверь: «Ничего, Аграфена Антоновна». Какое, ничего! Спаси, батюшка-лекарь, боюсь смертного случая. Ведь он такой до себя безжалостный». Кирсанов поскакал. Рахметов отпер дверь с мрачною широкою улыбкою, и посетитель увидел вещь, от которой и не Аграфена Антоновна могла развести руками: спина и бока всего белья Рахметова (он был в одном белье) были облиты кровью, под кроватью была кровь, войлок, на котором он спал, также в крови; в войлоке были натканы сотни мелких гвоздей шляпками исподнизу, остриями вверх, они высывались из войлока чуть не на полвершка; Рахметов лежал на них ночь. «Что это такое, помилуйте, Рахметов?» — с ужасом проговорил Кирсанов. — «Проба. Нужно. Неправдоподобно, конечно; однако же на всякий случай нужно. Вижу, могу». Кроме того, что видел Кирсанов, видно из этого также, что хозяйка, вероятно, могла бы рассказать много разного любопытного о Рахметове; но простодушная старуха была без ума от него, и уж, конечно, от неё нельзя было бы ничего добиться. Она и в этот-то раз побежала к Кирсанову потому только, что сам Рахметов дозволил ей это для её успокоения: она слишком плакала, думая, что он хочет убить себя.

Месяца через два после этого, дело было в конце мая, Рахметов пронадал на неделю или больше, но тогда никто этого не заметил, потому что пропадать на несколько дней случалось ему нередко. Теперь Кирсанов рассказав следующую историю о том, как Рахметов провёл эти дни. Они составляли эротический эпизод в жизни Рахметова. Любовь произошла из события, достойного Никитушки Ломова. Рахметов шёл из Первого Парголова в город, задумавшись и больше глядя в землю, по своему обыкновению, по соседству Лесного института. Он был пробуждён от раздумья отчаянным криком женщины; взглянул: лошадь понесла даму, катавшуюся в шарабанах, дама сама правила, и не справилась, вожжи волочились по земле — лошадь была уже в двух шагах от Рахметова; он бросился на середину дороги, но

порез — sisselõikehaav
 щель — pilu, pragu
 безжалостный — halastamatu
 развести руками — käsi laotama
 (на)ткать — (täis)torkima
 шляпка гвоздя — naelapea
 исподнизу — alt

острие — teravik
 неправдоподобно — uskumatu
 отчаянный — meeleheitlik
 шарабан — saraban, toolvanker
 вожжи — ohjad
 (по)волочиться — lohisema

лошадь уж пронеслась мимо, он не успел поймать повод, успел только схватиться за заднюю ось шарабана — и остановил, но упал. Подбежал народ, помогил даме сойти с шарабана, подняли Рахметова; у него была несколько разбита грудь, но, главное, колесом вырвало ему порядочный кусок мяса из ноги. Дама уже опомнилась и приказала отнести его к себе на дачу, в какой-нибудь полуверсте. Он согласился, потому, что чувствовал слабость, но потребовал, чтобы послали непременно за Кирсановым, ни за каким другим медиком. Кирсанов нашёл ушиб груди неважным, но самого Рахметова уже очень ослабевшим от потери крови. Он пролежал дней десять. Спасённая дама, конечно, ухаживала за ним сама. Ему ничего другого нельзя было делать от слабости, а потому он говорил с нею, — ведь всё равно, время пропадало бы даром, — говорил и разговорился. Дама была вдова лет девятнадцати, женщина не бедная, и вообще совершенно независимого положения, умная, порядочная женщина. Огненные речи Рахметова, конечно не о любви, очаровали её. «Я во сне вижу его, окружённого сиянием», — говорила она Кирсанову. Он также полюбил её. Она, по платью и по всему, считала его человеком, не имеющим совершенно ничего, потому первая призналась и предложила ему венчаться, когда он, на одиннадцатый день, встал и сказал, что может ехать домой. «Я был с вами откровеннее, чем с другими; вы верите, что такие люди, как я, не имеют права связывать чью-нибудь судьбу с своею». — «Да, это правда, — сказала она: — вы не можете жениться. Но пока вам придётся бросить меня, до тех пор любите меня». — «Нет, и этого я не могу принять. — сказал он, — я должен подавить в себе любовь: любовь к вам связывала бы мне руки, они и так не скоро развяжутся у меня, — уж связаны. Но развяжусь. Я не должен любить». Что было потом с этой дамою? В её жизни должен был произойти перелом; по всей вероятности, она и сама сделалась особенным человеком. Мне хотелось узнать. Но я этого не знаю. Кирсанов не сказал мне её имени, а сам тоже не знал, что с нею: Рахметов просил его не видаться с нею, не справляться о ней. «Если я буду полагать, что вы будете что-нибудь знать о ней, я не удержусь, стану спрашивать, а это не годится». Узнав такую историю, все вспомнили, что в то время, месяца полтора или два, а может быть и больше, Рахметов был мрачнее обычного, не приходил в азарт против себя, сколько бы ни колёли ему глаза его гнусною слабостью, то есть сигарами, и не улыбался широко и сладко, когда ему льстили именем Никитушки Ломова.

повод — päitsenöör, ratsuti
 ось — rattarumm, telg
 опомниться — toibuma
 независимое положение — sõltumatus, iseseisvus

очаровывать — võluma
 очаровать*
 перелом — murrang
 по всей вероятности — arvatavasti
 колоть глаза — ette heitma

А я вспомнил и больше: в то лето три, четыре раза в разговорах со мною он, через несколько времени после первого нашего разговора, полюбил меня за то, что я смеялся (наедине с ним) над ним, и в ответ на мои насмешки вырвались у него такого рода слова: «Да, жалейте меня, вы правы, жалейте: ведь и я тоже не отвлечённая идея, а человек, которому хотелось бы жить. Ну, да это ничего, пройдёт», — прибавлял он. И точно, прошло. Только однажды, когда я уже слишком много расшевелил его насмешками, даже поздною осенью, всё ещё вызвал я из него эти слова.

Проницательный читатель, может быть, догадывается из этого, что я знаю о Рахметове больше, чем говорю. Может-быть. Я не смею противоречить ему, потому что он проницателен. Но если я знаю, то мало ли чего я знаю такого, чего тебе, проницательный читатель, вовеки веков не узнать. А вот чего я действительно не знаю, так не знаю: где теперь Рахметов, и что с ним, и увижу ли я его когда-нибудь. Об этом я не имею никаких других ни известий, ни догадок, кроме тех, какие имеют все его знакомые. Когда прошло месяца три-четыре после того, как он пропал из Москвы, и не приходило никаких слухов о нём, мы все предположили, что он отправился путешествовать по Европе. Догадка это, кажется, верна. По крайней мере, она подтверждается вот каким случаем. Через год после того, как пропал Рахметов, один из знакомых Кирсанова встретил в вагоне по дороге из Вены в Мюнхен молодого человека, русского, который говорил, что объехал славянские земли, везде сблизился со всеми классами, в каждой землё оставался по столько, чтобы достаточно узнать понятия, нравы, образ жизни, бытовые учреждения, степень благосостояния всех главных составных частей населения, жил для этого и в городях, и в сёлах, ходил пешком из деревни в деревню, потом точно так же познакомился с румынами и венграми, объехал и обошёл Северную Германию, оттуда пробрался опять к югу, в немецкие провинции Австрии, теперь едет в Баварию, оттуда в Швейцарию, через Вюртемберг и Баден во Францию, которую объедет и обойдёт точно так же, оттуда за тем же проедет в Англию и на это употребит ещё год; если останется из этого года время, он посмотрит и на испанцев, и на итальянцев, если же не останется времени, так и быть, потому что это не так «нужно», а те земли осмотреть «нужно» — зачем же? — «для соображений»; а что через год, во всяком случае, ему «нужно» быть уже в Северо-Американских Штатах, изучить которые более «нужно» ему, чем какую-нибудь другую землю, и там он останется долго, может быть, более года, а может быть, и навсегда, если он там найдёт себе

отвлечённая идея — abstraktne idee
проницательный — köikenägev, terane
противоречить — vastu rääkima

догадка — oletus
благосостояние — heaolu, jõukus
соображение — kaalutlus

дело, но, вероятнее, что года через три он возвратится в Россию, потому что, кажется, в России, не теперь, а тогда, года через три-четыре «нужно» будет ему быть.

Всё это очень похоже на Рахметова, даже эти «нужно», запавшие в память рассказчика. Летáми, голосом, чертáми лица, наскóлько запóмнил их рассказчик, проéзжий тоже подходил к Рахметову; но рассказчик тогда не обратил особенного внимания на своего спутника, который к тому же недолго и был его спутником, всего часа два: сел в вагóн в каком-то городишке, вышел в какой-то деревне; потому рассказчик мог описывать его наружность лишь слишком общими выражениями, и полной достоверности тут нет: по всей вероятности, это был Рахметов, а впрочем, кто ж его знает? Может быть, и не он.

Был ещё слух, что молодой русский, бывший помещик, являлся к величайшему из европейских мыслителей XIX века, отцу новой философии, немцу, и сказал ему так: «У меня тридцать тысяч талеров; мне нужно только пять тысяч; остальные я прошу вас взять у меня» (философ живёт очень бедно). — «Зачем же?» — «На издание ваших сочинений». — Философ, натурально, не взял; но русский будто бы всё-таки положил у банкира деньги на его имя и написал ему так: «Деньгами распоряжайтесь, как хотите, хоть бросьте в воду, а мне их уже не можете возвратить, меня вы не отыщете», — и будто бы эти деньги так и теперь лежат у банкира. Если этот слух справедлив, то нет никакого сомнения, что к философу являлся именно Рахметов...

Так вот каков был господин, сидевший теперь в кабинете у Кирсанова.

Да, особенный человек был этот господин, экземпляр очень редкой породы. И не затем описывается мною так подробно один экземпляр этой редкой породы, чтобы научить тебя, проницательный читатель, приличному (неизвестному тебе) обращению с людьми этой породы: тебе ни одного такого человека не видеть; твои глаза, проницательный читатель, не так устроены, чтобы видеть таких людей; для тебя они невидимы; их видят только честные и смелые глаза; а для того тебе служит описание такого человека, чтобы ты хоть понаслышке знал, какие люди есть на свете. К чему оно служит для читательниц и простых читателей, это они сами знают.

Да, смешные эти люди, как Рахметов, очень забавны. Это я для них самих говорю, что они смешны, говорю потому, что мне жалко их; это я для тех благородных людей говорю, которые очаровываются ими: не следуйте за ними, благородные люди,

западать в память — mällu sõõvima
запасть*
достоверность — õigsus
был слух — oli kuuldus

редкая порода — haruldane liik
понаслышке — kuulduse järgi
забавный — naljakas, veider

говоря я, потому что скуден личными радостями путь, на который они зовут вас; но благородные люди не слушают меня и говорят: нет, не скуден, очень богат, а хоть бы и был скуден в ином месте, так не длинно же оно, у нас достанет силы пройти это место, выйти на богатые радостью, бесконечные места. Так видишь ли, проницательный читатель, это я не для тебя, а для другой части публики говорю, что такие люди, как Рахметов, смешны. А тебе, проницательный читатель, я скажу, что это недурные люди; а то ведь ты, пожалуй, и не поймешь сам-то; да, недурные люди. Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли...

скудный (бедный) — vaene
(за)глохнуть — hääbuma
(про)киснуть — hapuks minema

задыхаться — lämbuma
задохнуться*
букет (вина) — (veini)lõhn, aroom
двигатель — tõukejõud

РАССКАЗ О ЖИЗНИ Н. А. НЕКРАСОВА.

По Г. К. Бочарову.

Это было больше ста лет тому назад, в холодный осенний вечер, на одной из улиц Петербурга. Моросил дождь. Дул от Невы сырѳй, пронѳзывающій ветер. Мигали тусклые уличные фонари. Пустели петербургские улицы. Люди спешили поскорее обогрѳться в тёплых домах. В этот вечер у дверей небольшого магазѳна сидел худой, бледный юноша. Ветхое пальтишко и рванный шарф не защищали его от холода. У него не было дома, и ему негде было ночевать. Его только что прогнаѳли с квартиры, где он занимал угол, прогнали потому, что ему нечем было заплатить. Он дрожал от холода. Люди проходили мимо него равнодушно. Им не было никакѳго дела до негѳ.

Обессѳленный и голодный, он задремал. Вдруг его разбудил детский голос:

— Подайте Христа ради копѳечку.

Юноша открыл глаза. Перед ним стоял старик-нищій с мальчиком.

— Что ты? — сказал старик. — Не видишь разве, он сам к утру ооченѳет? Эх, голова! Чего ты здесь?

— Ничего.

— Ничего, ишь гордый! Приюту нет, видно. Пойдѳм с нами.

Так и нашѳлся в этот вечер человек, который сумѳл понять и утешить бездомного юношу. Это был старик-нищій. Он свѳл юношу в ночлѳжку, приютѳл и накормѳл его.

Шли годы. Юноша стал зрелым человеком. Он жил и трудѳлся в Петербурге. Он прожил в этом городе почти сорок лет и уже не был одиноким. Когда он умер, за его гробом шли тысячи людѳй. Они провожали в последний путь дорогѳго и любѳмого человека. Эти были такие похороны, каких не видел Петербург.

моросил дождь — tibutas vihma

пронѳзывающій — lābilōikav

тусклый — tuhм

ветхий (старый) — vana

равнодушно — ųkskōikself

обессѳленный — jōuetu

ооченѳеть — kųlmast tarduma

приют — ulualune

бездомный — kodutu

ночлѳжка — ųōmaja (linna vaestele)

зрелый — kųps

Кто же был этот человек? Что он сделал для людей своей родины и чем заслужил такую любовь к себе?

Километрах в двадцати от города Ярославля, почти на самом берегу Волги, стоит небольшое село Грешнево. Неширокая здесь Волга, но привольно течёт она в низинных берегах. Кругом неоглядные просторы лугов, вдали синеют леса. Весной, в половодье, становится Волга могучей рекой, и тогда её не окинешь глазом.

Больше ста двадцати лет тому назад владел селом Грешневым и его мужиками небогатый помещик Алексей Сергеевич Некрасов. Пока он был молод и служил офицером, крестьяне его видели редко. Но вот он женился, оставил военную службу и приехал с женой и детьми жить в своё имение. Тяжкой каторгой стало теперь крестьянское житьё. Очень жесто́к был помещик. Целыми днями пропадал он на охоте, гонялся за волками и зайцами, а когда бывал дома, пировал и буянил. Угодить ему было невозможно. Угрюмый невежда, свирепый дикарь, он запарывал людей до беспамятства. Порол не за провинности, а по капризу. Не щадил он и своей семьи. Одинокой страдалицей жила в доме его жена Елена Андреевна. Это была очень образованная, умная женщина с большим, чутким сердцем. Муж невежда не стоил её, он обижал её, и даже издевался над ней. Дети не любили отца, а только боялись его. Не любил отца и Коля Некрасов, но зато как он тянулся к матери! Отец был груб и жесто́к. Чему можно было научиться у него? Пьянствовать, играть в карты да мучить людей? Мать уберегла Колю от этого. Она была нежной и ласковой. Она помогла ему понять, что мужики, которых порет отец, не рабы, а люди. Она научила Колю ненавидеть жесто́кость.

Елена Андреевна знала много сказок, рассказов и стихов. По вечерам она, бывало, соберёт детей в кружок и рассказывает им или читает. Очень любил Коля её рассказы. Это она научила Колю любить книгу и чтение. Когда ему было семь лет, он сам попробовал писать стихи. В день рождения матери Коля поднёс ей «стихотворение»:

Любёзная маменька, примите
Сей слабый труд
И рассмотрите —
Годится ли куда-нибудь.

неоглядный (необозримый) — ääre-
tu, avar
простор — avarus
половодье — suurvesi
не окинешь глазом — ei haara pil-
guga
буянить — mürgeldama
угрюмый (неприветливый) — morn
невежда — harimatu inimene

пороть — peksma
запарывать — surnuks peksma
провинность — süü, eksimus
(по)щадить (д/ж) — halastama
страдалица — kannataja
чуткий — tundeline
издеваться — mõnitama
жесто́кость — julmus

«Труд» семилетнего поэта, конечно, никуда не годился. Но Коля не огорчался. У него было много любимых занятий. Особенно любил он деревенских ребят. Но беда была в том, что отец строго запрещал Коле играть с ними. Зато мать была рада, когда видела сына с деревенскими детьми. Бывало, как только уедет отец на охоту, сейчас же через лазейку в решётке лезут в барский сад вихрастые ребята и начинаются весёлые игры.

— ... Я дельвал с ними грибные набёги,
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался примётить грибное местёчко,
А утром не мог ни за что отыскать.

Так вспоминал позднее Некрасов о детских играх с крестьянскими детьми.

С детства у Коли сложился твёрдый, настойчивый характер. Он умел добиваться своего.

Однажды Коля охотился на озере и подстрелил дикую утку. Дело было поздней осенью, и озеро кое-где затянулось льдом. Даже собака, и та испугалась холодной воды. Но Коля не испугался, он бросился в ледяную воду, поплыл за уткой и достал её.

Был и другой случай. Как-то он услышал от няни, что в саду по ночам гуляют черти. В ту же ночь Коля тихонько вскочил и выбежал в сад. Ему было страшно, но он не хотел сознаться в этом даже самому себе. Три раза обошёл он пруд, но ни один чёрт не показался. Страх теперь уже как не бывало, и Коля спокойно вернулся домой.

Больше всего любил Коля Некрасов встать пораньше и убежать на берег Волги. На заре там было особенно хорошо.

О Волга, колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда ещё всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По тёмно-голубым волнам,
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьём по островам...
... И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою.

лазейка — auk
решётка — võre
барский сад — härraste aed
набег — günnak
обшарить (обыскать) — läbi tuhnima
пень — känd

настойчивый — visa
затянуться льдом — kattuma jääga
заря — koit
колыбель — häll
челнок (лодка) — paat
удаль — uljus

Но на берегу родной реки Коля видел не только красивые картины природы. Он видел тяжкое горе народное, он слышал стоны людей.

Коля видел, как потные, измученные бурлаки, проваливаясь в песок, ташат тяжело груженные баржи. Он слышал однажды, как больной бурлак жаловался на растёртое лямкой плечо и просил у бога смерти.

Коля горько плакал. Он рассказывал матери, и она плакала вместе с ним. Но слезами горю не поможешь. И вот однажды Коля собрал своих деревенских друзей и поклялся жить не так, как живут помещики. Он поклялся любить свой народ и помогать ему. А слово своё он умел держать.

Но вот пролетело детство. Коле пошёл одиннадцатый год. Подрós и его брат. Грамоте мальчиков кое-как научил деревенский дьячок. Теперь нужно было начинать серьёзно учиться. Пришлось родителям отправить детей в Ярославль. Там была гимназия. Мальчикам наняли квартиру и приставили к ним крепостного дядьку. В гимназии было скучно и противно. Хороших учителей там не было, и научиться было нечему. Но зато появились у Коли новые друзья. Они помогали переносить Коле неприятную ярославскую жизнь. Этими друзьями были книги. Больше всего любил Коля Пушкина. Было у него и другое любимое занятие. Он научился писать стихи, и скоро их накопилась целая тетрадка. Так прошло четыре года.

Когда Коля был в пятом классе, отец решил, что сын довольно уже обучен и нечего тратить на него деньги. Колю взяли из гимназии, и вот он снова в Грешневе.

Теперь Коля ещё чаще писал стихи. Они уже не помещались в толстой тетради.

Быстро прошли два года, и Коле исполнилось семнадцать лет.

Однажды отец позвал его к себе и сурово сказал: «Поезжай в Петербург. Будешь учиться в дворянском полку. Выучишься — станешь, как я, офицером».

Коля обрадовался. В Петербург ему поехать очень хотелось. Но стать таким, как отец, он не хотел. У него были другие планы. Об этих планах Коля рассказал только матери.

В те времена от офицера не требовалось больших знаний, а Коля хотел стать образованным человеком. Он хотел учиться в университете, но ничего не сказал об этом отцу. Сел в телегу, махнул рукой на прощанье, и скрылся родительский дом.

Ехал в Петербург уже не мальчик Коля, а юный Николай Алексеевич Некрасов. Что ожидало его там?

стон — oie
груженный — laaditud
баржа — lodi, pargas
растёртый — katki hõbrutud

лямка — rakmerihm
(по)клясться — vanduma
дьячок — kõster

И вот, наконец Петербург. Какой громадный город! Какие прямые, широкие улицы! Сколько чудесных дворцов! А Невá! Как она широка, шире родной Волги! Как много богатых магазинов, и сколько там всяких товаров! В этом городе, конечно, люди живут счастливо.

Так казало́сь Некрасову в первые дни. Но не скоро узнал он настояще́е счастье. Нелáсково приняла его столица. Среди тысяч людей он был одино́к, и никому́ не было до него дела. Живи, как хочешь, и сам себе пробива́й дорогу.

Теперь надо было ему выбирать. Может быть, исполнить волю отца, идти в дворянский полк. Там одевают и кормят. Да и отец обещал помогать. Но тогда — прощай, университет, прощай, образование! Нару́шить волю отца, идти в университет — это значит голода́ть. Отец оставит без помощи. Но зато открыта широкая дорога к науке. А может быть он станет по-этом. Ведь он привёз с собою завёрнутую тетрадь со стихами. Может быть, люди прочтут его стихи и скажут: смотрите, вот появился новый великий поэт. Некрасов!

Недолго он колеба́лся. Твёрдо решил: «Пусть нужда́ и голод. Вытерплю, перенесу́, но пойду своей дорогой».

И началась жизнь в Петербурге. Эта жизнь оказа́лась ещё труднее, ещё суровой, чем думал Некрасов.

Несча́стья посыпались одно за другим. Экзамен в университет он не выдержал. Для этого надо было долго гото́виться. Но Некрасов не уныва́л и не сдался. Он добился разреше́ния посеща́ть университет и слуша́ть лекции.

Отец разгне́вался и, действительно, оставил сына без помощи. Надо было заработать на пропита́ние. А чем? Его никто не знал, а таких, как он, ищущих работы, в Петербурге было много. Ночевал он в подва́лах и на чердака́х. Редко удава́лось ему зарабо́тать за день 15—20 копеек. Бывало так, что у Некрасова и у его товарища на двоих были одни сапоги́. Нищета́, голод и холод сдави́ли его.

Стыдно и горько было ему, но приходилось иногда заходить в рестора́н, где позволя́ли читать газе́ты, ниче́го не зака́зывая. Некрасов брал газету, закрыва́лся ею — будто читает, а сам придвига́л к себе хлеб и ел.

Нужда́ свали́ла Некрасова. Он заболел и попал в больницу, а когда опра́вился и пришёл на квартиру — там был уже друго́й жиле́ц. Некрасова прогнали, а вещи взяли за долг. Остались на нём только худая шинелька да рваный красный шарф. Этот шарф никому́ не отдал бы Некрасов: его связа́ла мать.

пробива́ть дорогу — teed rajama
пробить*
заве́тный — armas, salajane, ihaldatud
колеба́ться — kahtlema, kõikumama

уныва́ть — meelt heitma
разгне́ваться (рассерди́ться) — vihas-tuma
подва́л — kelder
черда́к — põõning

И ещё одна неудача свалилась на него. Долго копил он деньги, чтобы напечатать свои стихи из заветной тетради. Ему казалось, что эти стихи принесут ему славу и избавят от нужды. Своих денег не хватало. Тогда один из друзей помог ему, и вот напечатана книжечка его стихов. Теперь кончены его мучения! Пройдут две-три недели, люди узнают, что появился новый поэт Некрасов, и потекут к нему деньги, и можно будет спокойно работать. Он отдал книжки купцу в книжной лавке и стал ждать славы и денег. Каждый день ходил он в лавку и робко спрашивал — не покупают ли его стихи. «Нет, — отвечал продавец, — не берут». Скоро Некрасов понял, что стихи его ещё плохие, незрелые, что надо ещё ему много учиться. Другой махнул бы рукой и бросил писать стихи. Но Некрасов не сдался. Ещё упорнее стал он работать и учиться; писал стихи, рассказы, небольшие пьесы для театра.

И вот, наконец, настал день, когда великий человек, большой знаток литературы, Виссарион Григорьевич Белинский сказал ему: «Некрасов, вы большой поэт, у вас огромный талант».

Теперь Некрасов одно за другим печатал свои стихотворения в журналах. Люди жадно читали их, заучивали наизусть. Имя Некрасова сделалось известным и любимым.

А когда его стихи были собраны в одну книжку и напечатаны, то книжку раскупили в несколько дней. Так пришла к Некрасову слава.

Почему же Некрасов сделался великим поэтом?

Потому что он умел бороться за свой талант, умел работать и учиться. Великим поэтом Некрасов сделался ещё и потому, что в своих стихах он показал, как живёт народ, как тяжело живётся городскому бедняку и деревенскому мужику, как грабят их помещики и царские слуги.

Некрасов показал, как умеют трудиться и как умны русские крестьяне.

А сколько чудесных стихов написал он для детей!

Некрасов любил нашу родину, наши леса, поля и реки, наши песни и сказки.

И русские люди любили Некрасова. Когда он умер, гроб его провожали тысячи лучших людей России.

У раскрытой могилы писатель Достоевский говорил речь. Когда он сказал, что Некрасова можно поставить вслед за Пушкиным и Лермонтовым, то из толпы раздались крики: «Выше! Выше!»

Так высоко ценили русские люди великого поэта.

Некрасов умер в январе 1878 г. Но великие люди никогда не умирают, потому что после них остаётся их огромный труд.

ПОЭМА Н. А. НЕКРАСОВА «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ».

В поэме «Русские женщины», написанной в 1871—1872 годах, великий русский поэт Некрасов Н. А. прославил подвиг жён декабристов — Е. Трубецкой и М. Волконской.

Образованные, любящие искусство, знатные, богатые молодые женщины бросили всё и последовали за мужьями в Сибирь, чтобы поддержать их дух, разделить с ними тяжёлую участь, помочь им в беспросветной, трудной жизни на сибирской каторге. Они подписали страшную бумагу, составленную по приказанию царя, где они отреклись от своих прав, от богатства, от прав своих будущих детей, которые «поступят в казённые заводские крестьяне», как было написано в этой бумаге.

Смелых женщин не могли отговорить и родные, а они применяли все средства, чтобы удержать их. Особенно трудно было М. Н. Волконской, которая очень любила своего отца, героя войны 1812 года, Н. Н. Раевского. У молодой женщины хватило силы и настойчивости, чтобы убедить, упротить этого человека твёрдой воли и уехать, оставив дома ребёнка-сына.

Разрыв Трубецкой и Волконской с «высшим светским обществом» был полным. Они правильно поняли своекорыстие, подлость и трусость этого общества:

Там люди заживо гниют,
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины рабы.

Только среди самых передовых русских людей своего круга они встретили полное сочувствие. Так, в Москве, в салоне Зинаиды Волконской, собрались и родственники и многие друзья,

(про)славить (в//вл) — ülistama
(по)следовать *за кем?* — jälgima
поддерживать — toetama
поддержать*
участь (судьба) — saatus

отрекаться *от чего?* — loobuma
отречься*
своекорыстие — omakasupidlikkus
подлость — alatus
(с)гнить — mädanema
гроб — kirst

чтобы проводить в Сибирь М. Н. Волконскую. Среди них был и А. С. Пушкин.

Не боясь жестокой кары, Пушкин, только что возвращённый из шестилётней ссылки, одобряет подвиг Волконской и просит передать горячий привет сосланным друзьям. Позже, с женой декабриста М. М. Муравьёва, Пушкин послал им своё знаменитое стихотворение «В Сибирь», в котором высказал не только глубокое, искреннее сочувствие декабристам, но и уверенность в том, что они будут свободны и вновь станут в ряды борцов.

Большое сочувствие жёны декабристов встретили и у простого народа. Если во время самого восстания 14 декабря из толпы народа «едва ли сотый понимал, что делается тут», то после, когда царь подавил восстание и народ узнал, за что казнены, сосланы на каторгу декабристы, он их понял и полюбил.

Воспевая славный подвиг жён декабристов, Некрасов тем самым прославляет и самих декабристов, не пожалевших ни свободы, ни жизни ради блага народа. Прямо их изобразить, написать о них было невозможно — не позволяла цензура. Поэт всё же сумел в кратких, но полных глубокого содержания сценах дать образы Трубецкого, Волконского, упомянуть Муравьёва, Оболенского, Борцовых.

В арестантской одежде, в кандалах, в тюрьме и в рудниках, они не были сломлены, подавлены, не считали ошибкой то, что сделали, не раскаивались, не падали духом.

Тридцать лет декабристы пробыли в ссылке и были возвращены уже после смерти Николая I, в 1856 году. Из ста двадцати выжили и вернулись лишь девятнадцать человек; остальные, не выдержав суровых условий каторги и ссылки, остались в недрах сибирской земли. В 1854 году в Сибири умерла Трубецкая. Волконская с мужем и детьми вернулась, прожила ещё несколько лет на свободе и успела написать свои записки о жизни в Сибири.

В эпилоге, который Некрасов написал к поэме «Княгиня Трубецкая», но не напечатал, поэт восклицает:

Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страньи

кара — karistus
одобрять — heaks kiitma
одобрить *
восстание — ülestõus
воспевать (прославить) — ülistama
воспеть *
благо — hüvang
кандалы — ahelad
рудники — kaevandus

раскаиваться — kahetsema
раскаяться *
падать духом — meelt heitma
(вы)жить — vastu panema, ellu jää-
ma
недра — maarõu
пленительный (очаровательный) —
võluv

Вы что-нибудь прекраснее встречали.
Их имена забыться не должны!

И они не забыты нашим народом, и велика заслуга Н. А. Некрасова, обессмертившего эти пленительные образы в своей поэме. Здесь всё правда. Некрасов изучил и использовал большой исторический материал, записки и воспоминания современников, изданные за границей, а также ещё и не напечатанные в то время.

Среди борцов за свободу было много женщин, и, назвав свою поэму «Русские женщины» (а не «Декабристки», как предполагал сначала), поэт как бы прославляет в ней русских женщин, участниц борьбы за свободу.

Читатель как живых видит перед собою героинь поэмы, вместе с ними переживает их горе, разделяет их настойчивость, любуется их мужеством, восхищается благородством характеров, энергией, их умением от слов переходить к делу. Читатель как бы совершает с ними далёкий и трудный путь и радуется достижению цели, радуется и за них и за тех, к кому они стремились.

Всё действие поэмы происходит зимой, как и было в действительности. Но Некрасов не просто описывает, как происходили события, а заставляет читателя понять и почувствовать, как этот холод, эта скованная морозом и покрытая снегом земля замечательно соответствует тяжёлым думам, щемящей тоске героинь поэмы.

Их глазами показывает нам поэт далёкий путь через всю Россию, от Петербурга до окраин Сибири, рисует широкие просторы нашей родины, большие дороги, оживляемые обьзами, медленно бредущими пешеходами, скачущими тройками, с криками фельдгегерей, печальными песнями ямщиков да кандалным звоном еле шагающих ссыльных. Бедные деревни, спящие под снегом угрюмые леса, пустынная тундра, остроги, рудники — всё вызывает тяжёлое чувство. Поистине это «царство нищих и рабов».

В поэме «Дедушка» Некрасов показал, как прекрасно устроили жизнь сосланные в Сибирь и забытые начальством люди. На свободе, вдали от власти и господ, предоставленные самим себе, они дружным трудом покорили суровую природу, создали счастливую, богатую жизнь, так как

заслуга — teene
обессмертить — surematuks tegema
современник — kaasaegne
предполагать — oletama
предположить*
благородство — suursugusus
соответствовать — vastama

щемящий — ängistav
фельдгегерь — военный или правительственный курьер
острог (тюрьма) — vangla
поистине — tõepoolest
покорять — alistama, vallutama
покорить*

Воля и труд человека
Дивные дива творят!

Эти мудрые, прекрасные слова Некрасова в полную силу осуществились в наше время, когда совершилось действительное дивное диво: воля народа уничтожила самодержавный гнёт, свободный труд сделал всю нашу страну, включая и Сибирь, богатой и счастливой. Освободившийся от царя и богачей народ наш помнит и любит своего поэта. Если в старой России Некрасова читали и знали десятки тысяч людей, то теперь его сочинения знают сотни миллионов читателей в нашей стране и далеко за её пределами.

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ.

ПОЭМА.

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ.

(Бабушкины записки.)
(1826—1827 гг.)

Глава I.

Прокáзники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
«Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
Когда мы в портрётной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!.. Родная,
Ещё что-нибудь расскажи!..» По углам
Уселись. Но их прогнала я:
«Успёете слушать; рассказов моих
Достáнет на целые томы,
Но вы ещё глúпы: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!

Я всё рассказала достúпное вам
По вашим ребяческим летам:
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же... пользуйтесь летом!»

диво (чудо) — ime
самодержавный — isevalitsuslik
гнёт — surve
предел (граница) — piir

прокáзник (шалún) — vallatleja
том — kõide
достúпный (понятный) — kättesaa-
dav, arusaadav

И вот, не желая остаться в долгу
 У внуков, пишу я записки;
 Для них я портреты людей берегу,
 Которые были мне близки,
 Я им завещаю альбом — и цветы
 С могилы сестры-Муравьевой,
 Коллекцию бабочек, флору Читы
 И виды страны той суровой;
 Я им завещаю железный браслет...
 Пускай берегут его свято:
 В подарок жене его выковал дед
 Из собственной цепи когда-то...

Родилась я, милые внуки мои,
 Под Киевом, в тихой деревне;
 Любимая дочь я была у семьи.
 Наш род был богатый и древний,
 Но пуще отец мой¹ возвысил его:
 Заманчивей славы героя,
 Дороже отчизны — не знал ничего
 Боец, не любивший покоя.
 Творя чудеса, девятнадцати лет
 Он был полковым командиром,
 Он мужеством добыл и лавры побед
 И почести, чтимые миром:
 Военская слава его началась
 Персидским и шведским походом,
 Но память о нём нераздельно слилась
 С великим двенадцатым годом:
 Тут жизнь его долгим сраженьем была.

Походы мы с ним разделяли
 И в месяц иной не запомним числа,
 Когда б за него не дрожали.
 «Защитник Смоленска» всегда впереди
 Опасного дела являлся...
 Под Лейпцигом раненный,

с пулей в груди,

оставаться
 остаться * в долгу у кого? — jääma
 võlgu
 завещать кому? что? — pärandama
 Муравьева А. Г. — жена декабриста
 Никиты Муравьева, последовавшая
 за ним в Сибирь и умершая там
 в 1832 году
 флора — taimestik, floora

браслет — käevõngu
 пуще — больше
 заманчивый (привлекательный) —
 meelitav
 чтимый (уважаемый) — lugupeetav
 нераздельно (неразделимо) — lahu-
 tamatult
 сливаться
 слиться * с чем? — kokku sulama

¹ Раевский Н. Н. — генерал, известный участник войны 1812 года.

Он вновь через сутки сражался.
 Так летопись жизни его говорит:
 В ряду полководцев России,
 Покуда отечество наше стоит,
 Он памятен будет! Витий
 Отца моего осыпали хвалою,
 Бессмертным его называя;
 Жуковский почтил его громкой строфою,
 Российских вождей прославляя;
 Под Дашковой личного мужества жар
 И жертву отца-патриота
 Поэт воспевает. Войнственный дар
 Являя в сраженьях без счёта,
 Не силой одною врагов побеждал
 Ваш прадед в борьбѣ исполинской:
 О нём говорили, что он сочетал
 С отвагою гений воинский.

Войной озабочен, в семействе своём
 Отец ни во что не мешался,
 Но крут был порою; почти божеством
 Он матери нашей казался,
 И сам он глубоко привязан был к ней.
 Отца мы любили — в гербе.
 Окончив походы, в усадьбе своей
 Он медленно гас на покое.
 Мы жили в большом подгородном доме.
 Детей поручив англичанке,
 Старик отдыхал. Я училась всему,
 Что нужно богатой дворянке.
 А после уроков бежала я в сад
 И пела весь день беззаботно,
 Мой голос был очень хорош, говорят,
 Отец его слушал охотно;
 Записки свои приводил он к концу,
 Читал он газеты, журналы,
 Пирь задавал; наезжали к отцу
 Седые, как он, генералы,
 И шли бесконечные споры тогда;
 Меж тем молодёжь танцевала.
 Сказать ли вам правду? была я всегда

вновь — снова
 летопись — запись исторических со-
 бытий
 вития (м. р.) — оратор, поэт
 строфа — стих
 без счёта — очень много

исполинский — гигантский
 сочетать что? с чем? — kooskōlasta-
 ma, ühendama
 крутой (вспыльчивый) — äge
 божество — jumalus
 пир, бал — pidu, ball

В то время царицею бала:
 Очей моих томных огóнь голубóй,
 И чёрная с синим отливом
 Большая косá, и румянец густóй
 На личике смуглом, красивом,
 И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
 И гордая поступь — пленяли
 Тогдашних красáвцев: гусáров, улán,
 Чтó близко с полкáми стояли.
 Но слушала я неохóтно их лeсть...
 Отец за меня постарáлся:
 «Не время ли замуж? Жених уже есть,
 Он славно под Лейпцигом дрался,
 Его полюбил госудáрь, наш отец,
 И дал ему чин генерала.
 Постáрше тебя... а собóй молодéц,
 Волкóнский! Его ты видáла
 На царском смотрú... и у нас он бывал,
 По парку с тобой всё шатáлся!»
 — Да, помню! Высокий такой генерал...
 «Он самый!» Старик засмеялся...
 — Отец! он так мало со мной говорил! —
 Заметила я, покраснела...
 «Ты будешь с ним счастлива!» — круто решил
 Старик, — возражáть я не смела...
 Прошло две недели — и я под венцóm
 С Сергеем Волкóнским стояла,
 Не много я знала его женихóm,
 Не много и мужем узнала, —
 Так мало мы жили под кровлей одной,
 Так редко друг друга видали!
 По дальним селёньям, на зимний постóй,
 Бригáду его разбросáли,
 Её объезжáл беспрестáнно Сергей.
 А я между тем расхворáлась:
 В Одессе потом, по совету врачéй,
 Я целое лето купáлась;
 Зимой он приехал за мною туда,
 С неделю я с ним отдохнула
 При главной квартире... и снова
бедá!

отлив — helk
 гибкий — painduv
 стан (талия) — piht
 чин — auaste
 возражáть — vastu gääkima
 возразить * кому?

кровля — крыша
 селёнье — селó, деревня
 постóй — стоянка воинских частей
 беспрестáнно — всё время
 расхворáться — заболеть

Однажды я крепко уснула,
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночь,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!» Я вскочила...
Взглянула: встревожен и бледен он
был.

Камин затопила я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сносил
К камину — и жёг торопливо.
Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал, не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая...
Потом он сказал: «Мы поедem сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.
Всё скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три
дня.

Сергей был угрюм, торопился,
Довёз до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною протился.

Глава II.

«Уехал!.. Что значила бледность его
И всё, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он женé ничего?
Недоброе что-то случилось!»
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
«Уехал, уехал! опять я одна!..»
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
«Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернётся домой!
Под сердцем залог драгоценный

бегло — быстро, не слишком внима-
тельно
угрюмый — неприветливый, невесе-
лый
усадьба — имение

терзать кого? что? чем? — мучить
превратности жизни — неожиданные
перемены в жизни
залог — рап

Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Всё кончится ладно, родная:
Жена муженька проводила одна,
А встрѣтит, ребѣнка качая!..»

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидется с бедной женою
И с первенцем-сыном отцу довелось
Не здесь — не под кровлей родною!
Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.
Спросила о муже. — Ещё не бывал!
«Писал ли?» — И пишем нет даже.
«А где мой отец?» — В Петербург ускакал.
«А брат мой?» Уехал туда же.

«Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец ускакали, —
Сказала я матушке: — Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!»
И как ни старалась упрѣшивать дочь
Старушка, я твёрдо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И всё что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.

Доехала я чуть живая опять.
«Где муж мой?» — отца я спросила.
— В Молдавию муж твой ушёл воевать.
«Не пишет он?..» Глянул уныло
И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,

первенец — esimene poeg
ускакать куда? — уехать на лоша-
дях
разлив — üleujutus
черепаха — kilpkonn

глядеть
глянуть * на кого? — (по)смотреть
ссылаться на кого? на что? — viita-
ma
сослаться *

Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу — отвечать умоляю.
Проходят недели — ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучительней тайной грозы!
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы —
И он, и кругом всё молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец,
Жалёя, удваивал горе...
Узнала, узнала я всё наконец!
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они настороже,
Готовя войска к низверженью властей.
В вину ему ставилось тоже,
Что он... Закружилась моя голова...
Я верить глазам не хотела...
«Ужели?...» в уме не вязались слова:
Сергей — и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла приговор,
Вникая в слова роковые;
К отцу побежала, — с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжёлый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он женё ничего не сказал?
Подумав, и то я простила:
«Как мог он болтать? Я была молодá,
Когда ж он со мной расстава́лся,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся! —
Так думала я. — Пусть бедá велика́,
Не всё потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека́,
Но люди живут и в Сибири!..»

клятва — vanne
удваивать — увеличивать (в два ра-
за)
удвоить* — увеличить*
приговор — kohtuotsus
заговорщик — vandeseltslane
настороже — valvel

низвержение властей — võimude ku-
kutamine
вникать
вникнуть* во что? — вдумываться,
вдуматься*
роковой — saatuslik

Всю ночь я горела, мечтаю о том,
Как буду лелеть Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула, — и встала бодрее,
Поправилось скоро здоровье моё,
Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру, — расспросила её
И горького много узнала!
Несчастные люди!.. «Всё время Сергей
(Сказала сестра) содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни друзей...
Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:
Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали!..»

Подробностей ряд пропустила я тут...
Оставив следы роковые,
Доньне о мщение они вопиют...
Не знайте их лучше, родные.

Я в крепость поехала к мужу с сестрой.
Пришли мы сперва к «генералу»,
Потом нас привёл генерал пожилой
В обширную мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!»
Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз,
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали
За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела,
В угрюмой камерке с железным окном
Измученный узник томился.
«Жена к вам приехала!..» Бледный лицом,
Он весь задрожал, оживился:
— Жена!.. — Коридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смея...

лелеть — беречь, заботиться
бодрый — ergas, energiline
рубище — одежда из грубой, толстой
ткани; бедная, рваная одежда
доньне — до сих пор
мщение (месть) — kättemaks

вопиют — кричат
обширный — большой
княгиня — vürstinna
мне чудилось — мне казалось
ржавый — roostes

— Вот он! — громогласно сказал
генерал.

И я увидáла Сергея...

Недáром над ним пронеслáся грозá:
Морщíны на лбу пояvíлись,
Лицо было мертвенно-бледно, глазá
Не так уже ярко светíлись,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знако́мой печáли;
С мину́ту пытли́во смотре́ли они
И радостью вдруг заблиста́ли,
Казáлось, он в душу мою загляну́л...
Я горько, припа́в к его груди,
Рыда́ла... Он обнял меня и шепну́л:
«Здесь есть посторóнные люди».
Потом он сказал, что полéзно ему
Узнать добродéтель смире́нья,
Что, впрочем, легкó перенóсит тюрьму́,
И несколько слов одобре́нья
Приба́вил... По комнате важно шага́л
Свидéтель: нам было нелóвко...
Сергей на оде́жду свою показáл:
«Поздра́вь меня, Маша, с обно́вкой, —
И тихо приба́вил: — *Пойми́ и прости́*».
Глаза засверка́ли слезо́ю,
Но тут соглядáтай успел подойти́,
Он низко понíк голово́ю.
Я громко сказа́ла: «Да, я не ждалá
Найти тебя в этой оде́жде».
И тихо шепну́ла: «Я всё поняла́,
Люблю тебя больше, чем прежде...» —
«Что делать? И в каторге буду я жить
(*Покуда мне жизнь не наскúчит*)».
«Ты жив, ты здоро́в, так о чём же тужíть?
(*Ведь каторга нас не разлúчит?*)»
«Так вот ты какáя!» Сергей говорил,
Лицо́ его весело было...
Он вынул плато́к, на окно́ положи́л,
И рядом я свой положи́ла,
Потом, расставáясь, Серге́ев плато́к

громогласно — очень громко (как
гром)

пытливо — внимáтельно

(за)рыда́ть — сильно (за)пла́кать

добродéтель — *voorus*

смире́нье — *alandlikkus, alistuvus*

одобре́нье — *julgustamine, erguta-
mine*

обно́вка — новая одежда, вещь

соглядáтай — шпион, сыщик

ка́торга — *sunnitöö*

тужíть — печáлиться, горева́ть

Взяла я — мой мужу остался...
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок миновал —
Пришлось бы другим дожидаться...
В карету меня посадил генерал,
Счастливо желал оставаться...

Великую радость нашла я в платке:
Целуя его, увидела
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
*«Мой друг, ты свободна. Пойми — не пеняй!
Душевно я бодр и — желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю...»*

Была в Петербурге большая родня
У мужа; всё знать — да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь?
Я всё испытал — бесполезно!»
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли...
Я с мужем ещё повидалась,
И время пришло: его увезли!..
Как только одна я осталась,
Я тотчас слышала в сердце моём,
Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я... Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.

миновать — пройти
пенять — упрекать
родня — родственники
знать — высшая аристократия

испытать — испробовать
пытаться — стараться
пришло — наступило (время)

Они убежда́ли, проси́ли,
 Но волю мою сам госпо́дь подкрепля́л,
 Их речи её не сломи́ли!
 А много и горько попла́кать пришло́сь...
 Когда собрали́сь мы к обе́ду,
 Отец мимохо́дом мне бросил вопро́с:
 «На что ты реши́лась?» — Я еду! —
 Отец промолча́л... промолча́ла семья...
 Я вечером горько всплакну́ла,
 Кача́я ребёнка, задумалась я...
 Вдруг входит отец, — я вздрогну́ла...
 Ждала́ я грозы́, но, печа́лен и тих,
 Сказал он сердёчно и кротко:
 «За что обижа́ешь ты кровных родных?
 Что будет с несча́стным сироткой?
 Что будет с тобою́, голу́бка моя?
 Там нужно не женскую силу!
 Напрасна великая жертва тво́я,
 Найдёшь ты там только моги́лу!»
 И ждал он отве́та и взгляд мой лови́л,
 Ласка́я меня и целу́я...
 «Я сам виноват! Я тебя погуби́л! —
 Воскли́кнул он вдруг негоду́я: —
 Где был мой рассу́док? Где были глаза́?
 Уж знала вся армия наша...»
 И рвал он се́дые свои волоса́:
 «Прости́! не казни́ меня, Маша!
 Оста́нься!..» И снова моли́л горячо...
 Бог знает, как я устоя́ла!
 Припа́в голово́ю к нему на плечо́,
 «Поеду!» я тихо сказала...
 «Посмо́трим!..» И вдруг распрями́лся старик,
 Глаза́ его гневом сверка́ли:
 «Одно повто́ряет твой глупы́й язык:
 По́еду! Сказать не пора ли,
 Куда и заче́м? Ты подумай сперва́!
 Не знаешь сама, что болта́ешь!
 Умеет ли думать твоя голова́?
 Врага́ми ты, что ли, счита́ешь
 И мать и отца? Или глупы́ они...
 Что споришь ты с ними, как с ровней?
 Поглу́бже ты в сердце своё загляни́,
 Вперёд посмотри хладнокровней,
 Подумай!.. Я завтра уви́жусь с тобой...»

госпа́дь — бог
 мимохо́дом — между прóчим
 негодова́ть — nõrdima, rahane olema

рассу́док — разум, ум
 ровня — õheväärne, omasugune

Ушѣл он грозѣщий и гневный,
А я, чуть живѣ, пред иконой святой
Упала — в истоме душевной...

Глава III.

«Подумай!..» Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию мать на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал
Подумать... нелёгкое дело!
Давно ли он думал за нас — и решал,
И жизнь наша мирно летела?
Училась я много; на трёх языках
Читала. Замётна была я
В парадных гостиных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всём,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.
Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнёт,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
Со мной не говаривал строго;
Осмынадцати лет я пошла под венец
И тоже не думала много...

В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томилась сперва.
Когда же беду я узнала,
Бессменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмью измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
Посеял в душе моей бедной.

Я всё испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.

истома — goidumus
светский бал — kõrgema seltskonna
ball
искусно — osavalt

под венец — laulatusele viima
томить — piinama, väsitama
бессменно — всё время

Я небо и сильных людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнев мою душу больную палил,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала... но не было сил,
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.

Старик говорил: «Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец, —
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же?» — Я долг исполняю, отец! —
«За что ты себя обрекаешь
На муку?» — Не буду я мучиться там!
Здесь ждёт меня страшная мука.
Да, если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днём,
Рыдая над бедным сироткой,
Всё буду я думать о муже моём
Да слышать упрек его кроткий.
Куда ни пойду я, — на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шёпоте — повесть измены моей,
В улыбке укор угадаю:
Что место моё не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой,
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я... Так небу угодно!..

моли́ть — проси́ть
уси́лие — pingutus
пали́ть — жечь
нестро́йно — korrapäratult
беспло́дна — напράсна
обрека́ть кого? на что? — määgama
millelegi, pühendama
обречь *

(ис)терза́ть — (за)му́чить
разлу́ка — lahusolek
уко́р (упре́к) — etteheide
пы́шный — богáтый
узник — vang
терза́ться — мучи́ться
люто́й — злой
опо́ра — tugi

Простите, родные! Мне сердце давно
Моё подсказало решенье.

И верю я твёрдо: от бога оно!

А в вас говорит — сожаленье.

Да, ежели выбор решить я должна

Меж мужем и сыном — не боле,

Иду я туда, где я больше нужна,

Иду я к тому, кто в неволе!

Я сына оставлю в семействе родном,

Он скоро меня позабудет.

Пусть дедушка будет малютке отцом,

Сестра ему матерью будет.

Он так ещё мал! А когда подрастёт

И страшную тайну узнаёт,

Я верю: он матери чувство поймёт

И в сердце её оправдает!

Но если останусь я с ним... и потом

Он тайну узнаёт и спросит:

«Зачем не пошла ты за бедным отцом?..»

И слово укора мне бросит?

О, лучше в могилу мне заживо лечь,

Чем мужа лишит утешенья

И в будущем сына презренье навлечёт...

Нет, нет! не хочу я презренья!..

А может случиться — подумать боюсь! —

Я первого мужа забуду,

Условиям новой семьи подчинюсь

И сыну не матерью буду,

А мачехой лютой?.. Горю со стыда...

Прости меня, бедный изгнанник!

Тебя позабыть! Никогда! никогда!

Ты сердца единый избранник...

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!

Его ты не знаешь! Сначала,

В блестящем наряде, на гордом коне,

Его пред полком я видела;

О подвигах жизни его боевой

Рассказы товарищей боя

Я слушала жадно — и всею душой

Я в нём полюбила герба...

утешенье — troost, *lokuutu*
презренье — põlgus

навлекать что? на кого? — peale
tõmbama
навлечь*
изгнанник — väljasaadetu

Позднее я в нём полюбила отца
Малютки, рождённого мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твёрдо стоял под грозбою...
Вы знаете, где мы увиделись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!

Напрасно чернила его клеветы,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа...
В своей арестантской одежде
Теперь он бессменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре — любовь неземная...

Отец мой! должна я увидеть его...
Умру я, тоскуя по муже...
Ты, долгу служа, не щадил ничего,
И нас научил ты тому же...
Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельней сраженье, —
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решенье!

*

Вот что я подумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: «Сумасшедшая дочь!»
И вышел; молчали уныло
И братья и мать... Я ушла наконец...
Тяжёлые дни потянулись:
Как туча, ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь,
Письмо к государю писала.
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен.) Письмо отвезла

клевета — ложь
безупречный — laitmatu
величие — suurus
терновый венец — okaspärg

взор — взгляд
(по)щадить — säästima
(на)дуться — сердиться
молва — слухи

Сестра́ моя, Катя Орлова.
 Сам царь отвечал мне... Спасибо, нашла
 В ответе я доброе слово!
 Он был элѣгантен и мил (Никола́й
 Писал по-французски). Сначала
 Сказал государь, как ужасен тот край,
 Куда я поехать желала,
 Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
 Как возраст мой хрупок и нежен;
 Потом намекнул (я не вдруг поняла)
 На то, что возврат безнадежен;
 А дальше — избавил хвалю почтять,
 Что, долгу покорный, не мог пощадить
 Решимость мою, сожалея,
 Преступного мужа... Не смея
 Противиться чувствам высоким таким,
 Давал он своё позволение;
 Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
 Осталась я дома...

Волнение

Меня охватило. «Я еду!» Давно
 Так радостно сердце не билось...
 «Я еду! я еду! Теперь решено!...»
 Я плакала, жарко молилась...
 В три дня я в далёкий мой путь собралась,
 Всё ценное я заложила,
 Надёжную шубой, бельём запаслась,
 Простую кибитку купила.
 Родные смотрели на сборы мои,
 Загадочно как-то вздыхая;
 Отъезду не верил никто из семей...
 Последнюю ночь провела я
 С ребёнком. Нагнувшись над сыном моим,
 Улыбку малютки родного
 Запомнить старалась; играла я с ним
 Печатью письма рокового.
 Играла и думала: «Бедный мой сын!
 Не знаешь ты, чем ты играешь!
 Здесь участь твоя: ты проснёшься один,
 Несчастный! Ты мать потеряешь!»
 И в горе, упав на ручки его
 Лицом, я шептала рыдая:

хрупкий — habras	закладывать что? — pantima
намекать кому? на что? — vihjama	заложить *
намекнуть *	запасаться чем? — varuma
возврат — возвращение	запастись *
(по)щадить (д/ж) — armu heitma	печать — pitser
(по)молиться — palvetama	

«Прости́, что тебя́ для отца́ твоего,
Мой бедный, поки́нуть должна́ я...»
А он улыба́лся: не думал он спать,
Любу́ясь краси́вым паке́том;
Большая́ и красная́ эта печа́ть
Его́ забавля́ла...

С рассвѣтом
Спокойно́ и крепко́ засну́ло дитя́,
И ще́чки его́ заале́ли.

С любима́го личика́ глаз не сводя́,
Моля́сь у его́ колыбе́ли,
Я встрѣтила́ утро...

Я вмиг собралась.
Сестру́ заклина́ла я снова
Быть матерью́ сыну... Сестра́ поклялась...
Кибитка́ была́ уж гото́ва.

Сурово́ молча́ли родные мои́,
Проща́ние было́ немое́.
Я думала́: «Я умерла́ для семьи́,
Всё милое́, всё доро́гое
Теряю... нет счёта́ печа́льных поте́рь!...»
Мать как-то́ спокойно́ сидела́,
Казало́сь, не веря́ ещё́ и тепе́рь,
Чтоб дочка́ уехать́ посме́ла,
И кажды́ с вопро́сом смотре́л на отца́.
Сидел он по́даль пону́ро,
Не молвил словѣчка, не подня́л лица́, —
Оно́ было́ бледно́ и хму́ро.
После́дние вещи́ в кибитку́ снесли́,
Я плакала́, бодрость́ теря́я,
Мину́ты мучи́тельно́ медленно́ шли...
Сестру́ наконѣ́ц обняла́ я,
И мать обняла́. «Ну, госпо́дь вас храни́!»
Сказала́ я, братьев́ целу́я.
Отцу́ подража́я, молча́ли они...
Стариќ подня́лся, негоду́я,
По сжаты́м губа́м, по морщина́м че́ла
Ходили́ зловѣщие́ тени...
Я молча́ ему́ образо́к подала́
И стала́ пред ним на колѣ́ни:
«Я еду́! хоть слово́, хоть слово́, отец!
Прости́ свою́ дочь, ради́ бога!..»

(за)але́ть — (по)красне́ть
личи́ко — милое́ лицо́
не своди́ть глаз — ainiti vahtima
колыбе́ль — häll
заклина́ть — vannutama

пону́ро — ску́чно, невѣсело
бодрость — geirus
негодова́ть — pahane olema, nõrdima
че́ло — люб
зловѣщий — kurjaennustav

Старик на меня поглядёл наконец
Задумчиво, пристально, строго
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
«Смотри! через год возвращайся домой,
Не то — проклянú!..»
Я упала...

Глава IV.

«Довольно, довольно объятий и слёз!»
Я села — и тройка помчалась.
«Прощайте, родные!» В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась
И мчалась без отдыха с лишком три дня;
Меня быстрота увлекала,
Она была лучшим врачом для меня...
Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинайде. Мила и умна
Была молодая княгиня.
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святиня.
Она нам оставила книгу новелл,
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюблённый в неё безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанию поэта —
«Цвет южного неба в очах принесла»...
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, — житьё
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили её
И Северной звали Коринной...
Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:
«Крепись, моя бедная! будь веселая!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти тёмные тучи прогнать?»

пристально — очень внимательно
объятие — embus
святиня — pühadus
грация — красота, изящество
стансы — стихи

Коринна — греческая поэтесса, жила
в VI веке до н. э.; разносторонне
одарённая женщина, посвятившая
себя искусству; героиня одноимён-
ного романа французской писатель-
ницы де Сталь (1766—1817).

Как мы распростѣмся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! всё будет во вкусе твоём,
Друзья у меня не повёсы,
Любѣмые песни твои мы споём,
Сыграем любѣмые пьесы...»

И вечером вѣсть, что приѣхала я,
В Москвѣ уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось решенье судá,
Всем было нелѣвко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна ростопчѣнская шутка ¹:

«В Европѣ — сапѣжник,
чтоб барином стать,
Бунтуёт, — понятное дело!
У нас революцію сделала знать:
В сапѣжники, что ль, захотѣла?...»

И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом карѣты
Гремѣли; напудрив свои парики,
Потѣмкину ровня по летам,
Явились былые тузы-старикѣ
С отменно-учтѣвым привѣтом;
Старушки статс-дамы былого двора
В объѣтыя меня заключали:
«Какое героѣство!.. Какая порá!..»
И в такт головáми качáли.

Ну, словом, что было в Москвѣ повиднѣй,
Что в ней мимоѣздом гостило,
Всѣ вечером съѣхалось к Зинѣ моей:
Артистов тут множество было,
Певцов-итальянцев тут слышала я,

распрощаться с кем? — hüvasti jät-
та
распростѣться *
повѣса — бездѣльник, шалун
оглашáться — стать извѣстным
огласиться *

цугом — в две-три пары лошадей
гуськом
туз — äss
статс-дама — женщина из прибли-
жѣнных к царю

¹ Шутка Ф. А. Ростопчина, видного сановника, известного своими консервативными взглядами.

Что были тогда знамениты,
 Отца моего сослуживцы, друзья
 Тут были, печалью убиты.
 Тут были родные ушедших туда,
 Куда я сама торопилась,
 Писателей группа, любимых тогда,
 Со мной дружелюбно простилась.
 Тут были Одоевский, Вяземский; был
 Поэт вдохновенный и милый,
 Поклонник кузины, что рано почил,
 Безвременно взятый могилой.

И Пушкин тут был... Я узнала его...
 Он другом был нашего детства,
 В Юрзуфе¹ он жил у отца моего.
 В ту пору проказ и кокетства
 Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
 Бросали друг в друга цветами.
 Всё наше семейство поехало в Крым,
 И Пушкин отправился с нами.
 Мы ехали весело. Вот наконец
 И горы и Чёрное море!
 Велел постоять экипажам отец,
 Гуляли мы тут на просторе.

Тогда уже был мне шестнадцатый год.
 Гибкая, высокая не по летам,
 Покинув семью, я стрелой вперёд
 Умчалась с курчавым поэтом;
 Без шляпки, с распущенной длинной
 косой,

Полуденным солнцем палима,
 Я к морю летела, — и был предо мной
 Вид южного берега Крыма!
 Я радостным взором глядела кругом,
 Я прыгала, с морем играла;
 Когда удалялся прилив, я бегом
 До самой воды добежала,
 Когда же прилив возвращался опять

ушедший — который ушёл
 Одоевский В. Ф. (1803—1869) — пи-
 сатель
 Вяземский П. А. (1792—1878) — поэт
 и критик, друг Пушкина
 поклонник — austaja
 кузина — двоюродная сестра

почить — умереть
 проказы — шалости
 курчавый — käharpäine
 полуденный — keskpäeva-
 палить, — жечь
 взор — взгляд
 прилив — (mere)tõus

¹ Юрзуф — Гурзуф, на крымском побережье, где Пушкин был вместе с семьёй Н. Н. Раевского в 1820 году, во время ссылки на юг.

И волны грядóй подступáли,
От них я спеши́ла назад убежа́ть.
А волны меня настига́ли!..

И Пушкин смотре́л... и смея́лся, что я
Боти́нки мои промо́чила.
«Молчи́те! идёт гуверна́нтка моя!»
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промо́кли.) Потóм я прочла́
В «Онегине» чудные строки.
Я вспыхнула вся — я довольна́ была...
Теперь я старá, так далёки
Те красные дни! Я не буду скрыва́ть,
Что Пушкин в то время каза́лся
Влюблённым в меня... но, по правде сказа́ть,
В кого он тогда не влюбля́лся!
Но, думаю, он не любил́ никогó
Тогда́, кроме Музы: едва́ ли
Не больше любви́ занима́ли его
Волне́нья её и печáли...

Юрзу́ф живописа́н: в роско́шных садах
Доли́ны его потону́ли,
У ног его море, вдаль Аюда́г...
Тата́рские хижины льну́ли
К подно́жию скал; виногра́д выбега́л
На кручу лозóй отягчённой,
И тополь местами недви́жно стоял
Зелёной и стройной коло́нной.
Мы заняли дом под нависше́й скало́й,
Поэт наверху́ приюти́лся.
Он сам говори́л, что дово́лен судьбо́й,
Что в море и горы влюбился.
Прогу́лки его продолжа́лись по дня́м
И были всегда́ одино́ки,
Он у́ моря часто бродил́ по ночáм.
По-а́нглийски брал он уро́ки
У Лены, сестры́ моей: Байрон тогда́
Его занима́л чрезвычайно́.

грядá — reastik, ahel
настига́ть кого? что? — kätte saama,
tabama
настичь *
(про)мочи́ть — määrjaks tegema
(по)тону́ть в чём? — urpuma
(при)лну́ть к чему? к кому? — lii-
bita
подно́жие — jalam

круча — järsak
лоза́ — viinamarjakobar
отягчённый чем? — gaske
тополь — rappel
нависа́ть над чем? — girpuma
нависну́ть *
(при)юти́ться — жить в тесноте
чрезвычайно́ — очень сильно

Случалось сестре перевести иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел всё дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...

Окончив занятия, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставлял его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался...
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луну выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и, певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей — повествует народ —
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовёт
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...

Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Приблизил он игры ребяческих лет
В далёком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,

подбирать — üles korjama
подобрать *
лоскуток — кусочек
конфузить — смущать
досуг — свободное от работы время
кипарис — küpress
беспечный — беззаботный

туземный — pärismaalane
смолкать — (за)молчать
смолкнуть *
пернатый — sulis-
ропот моря — mere kohin
истинный — настоящий

С любовью, с тоской бесконечной,
 С участием брата напутствовал он
 Подругу той жизни беспечной!
 Со мной он по комнате долго ходил,
 Судьбой озабочен моею,
 Я помню, родные, что он говорил,
 Да так передать не сумею:
 «Идите, идите! Вы сильны душой,
 Вы смелым терпением богаты.
 Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
 Пусть вас не смущают утраты!
 Поверьте, душевной такой чистоты
 Не стоит сей свет ненавистный!
 Блажен, кто меняет его суеты
 На подвиг любви бескорыстной!
 Что свет? опостылевший всем маскарад!
 В нём сердце черствеет и дремлет,
 В нём царствует вечный, рассчитанный хлад
 И пылкую правду объёмлет...

Вражда умирится влиянием годов,
 Пред временем рухнет преграда,
 И вам возвратятся пенаты отцов
 И сени домашнего сада!
 Целебно вольётся в усталую грудь
 Долины наследственной сладость,
 Вы гордо оглянете пройденный путь
 И снова узнаете радость.

Да, верю! недолго вам горе терпеть,
 Гнев царский не будет же вечным...
 Но если придётся в степи умереть,
 Помянут вас словом сердечным:
 Пленителен образ отважной жены,
 Явившей душевную силу
 И в снежных пустынях суровой страны
 Сокрывшейся рано в могилу!

напутствовать — reisile saatma (sõ-
padega)

утрата — потеря

блажен — счастлив

суета — askeldus

бескорыстный — omakasupidmatu

опостылевший — который надоел

черствеет — kalgistuma

хлад — холод

пылкий — горячий

объёмлет — hõlmab

вражда — vaen

рухнуть — kokku varisema

пенаты отцов — родной, отчий дом

пенаты — боги домашнего очага у
древних римлян

сени сада — aia vari, lehestik

целебно — ravivalt

помянуть — вспомнить *кого-нибудь*

пленительный — очаровательный

явивший — который ^{вспомнил}показал, про-
явил

сокрывшийся — который скрылся

Умрѣте, но ваших страданий рассказ
Поймѣтся живыми сердцами,
И за полночь правнуки ваши о вас
Бесѣды не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память пробавки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!..
Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но мир Долгорукой¹ ещё не забыл,
А Бирона² нет и в помине.

Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидеться можно:
Мне царь «Пугачёва» писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,
Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придётся.
Поеду весной, поскорей захвачу,
Что путного там соберётся,
Да к вам и махну, переѣхав Урал...»

Поэт написал «Пугачёва»,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пению жадно внимала;
Сама я не пела — была я больна,
Я только других умоляла:
«Подумайте: я уезжаю с зарей...
О, пойте же, пойте! играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни... Наслушаться дайте!»

И чудные звуки лились без конца!
Торжественной песней прощальной
Окончился вечер, — не помню лица

чаша (бокал) — peeket
нет и в помине — никто больше не
помнит

¹ Долгорукая Н. Б. (1714—1771) последовала в ссылку в Сибирь за своим мужем, сосланным в правление императрицы Анны Иоанновны.

² Бирон — любимец императрицы Анны Иоанновны; пользовался при ней неограниченной властью и жестоко расправлялся с неугодными ему лицами.

Без грусти, без думы печальной!
 Черты неподвижных, суровых старух
 Утратили холод надменный,
 И взор, что, казалось, навеки потух,
 Светился слезой умиленной...
 Артисты старались себя превзойти,
 Не знаю я песни прелестней
 Той песни-молитвы о добром пути,
 Той благословляющей песни...
 О, как вдохновенно играли они!
 Как пели!.. и плакали сами...
 И каждый сказал мне: «Господь вас
 храни!»,
 Прощаясь со мной со слезами...

Глава V.

Морозно. Дорога белá и гладка,
 Ни тучи на всём небосклоне...
 Обмёрзли усы, борода ямщика,
 Дрожит он в своём балахоне.
 Спина его, плечи и шапка в снегу,
 Хрипит он, коней понукая,
 И кашляют кони его на бегу,
 Глубоко и трудно вздыхая...
 Обычные виды: былая красá
 Пустынного русского края,
 Угромо шумят строевые леса,
 Гигантские тени броса́я;
 Равнины покрыты алмазным ковром,
 Деревни в снегу потонули,
 Мелькнул на пригорке помещичий дом,
 Церковные главы блеснули...
 Обычные встречи: обоз без конца,
 Толпа богомóлок-старушек.
 Почтовая тройка, фигура купца
 На груди перин и подушек;

надменный — üleolev
 потухать — (по)гаснуть
 потухнуть*
 умиленный — heldinud
 превосходить кого? в чём? — ületa-
 ma
 превзойти*
 небосклон — taevalaotus

балахон — просторный, длинный ха-
 лат
 понукать — sundima
 строевой лес — ehitusmets
 церковные главы — kirikutornid
 обоз — voog
 богомóлка — которая молится богу
 перина — sulekott

Казённая фу́ра! С десяток подво́д:
 Навáлены ружья и ранцы,
 Солда́тики! Жидкий, безусый наро́д,
 Должно быть, ещё новобра́нцы;
 Сыно́в провожа́ют отцы-мужики
 Да матери, сёстры и жёны:
 «Уво́дят, уво́дят серде́чных в полки!»
 Доно́сятся горькие стоны...

Подня́в кулаки́ над спиной́ ямщика́,
 Нейстово мчится фельдъегерь.
 На самой доро́ге догна́в русака́,
 Уса́тый помещичий егерь
 Махну́л через ров на проворном коне́,
 Добычу у псов отбивáет.
 Со всей своей свитой стоит в сторонé
 Помещик — борзы́х подзывает...

Обычные сцены: на станциях ад —
 Ругáются, спорят, толкúтся.
 «Ну, трогай!» Из окон ребя́та глядя́т,
 Продро́гшие куры деру́тся;
 У кузницы бьётся лошáдка, в станке́,
 Выходит весь сажей покры́тый
 Кузнéц, с раскалённой подкóвой в руке́:
 «Эй, парень, держи́ ей копы́ты!..»

В Каза́ни я сделала первый привáл,
 На жёстком дивáне усну́ла;
 Из окон гостиницы видела бал
 И, каюсь, глубо́ко вздохну́ла!
 Я вспомнила: час или два с небольшо́им
 Оста́лось до нового года.
 «Счастли́вые люди! как весело им!
 У них и поко́й и свобóда,
 Танцуют, смеются!.. а мне не знава́ть
 Веселья... я еду на му́ки!..»
 Не надо бы мыслей таких допускáть,
 Да молодость, молодость, вуки!

казённая (фура) — kroopi-
 подво́да — küüdivanker
 новобра́нец — poorsõdur, liisupoiss
 нейстово — усердно
 фельдъегерь — военный или прави-
 тельственный курье́р, доставляю-
 щий важную почту
 русак — заяц
 егерь — охотник
 ров — кана́ва

махну́ть *через что?* — перепрыгну́ть
 отбивáть *у кого? что?* — отнимать
 отбить* — отнять
 свита — saatjaskond
 борза́я — hurt
 ад — põgu
 раскалённый — hõõguv
 подкóва — hobuseraud
 копы́то — kabi
 привáл — отды́х

Здесь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто её воротили:
«Но я не боюсь — позволение со мной!»
Часы уже десять пробили,
Пора! я оделась. — Готов ли ямщик?
«Княгиня, вам лучше дожждаться
Рассвета», заметил смотритель-старик:
«Метель начала подыматься!»
— Ах! то ли придётся ещё испытать!
Поеду. Скорей, ради бога!..

Звенит колокольчик, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно в бока,
Какими-то едем грядями,
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугор намелó между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.

Ямщик мой заохал: «Докладывал я:
Пождать бы! дорога пропала!..»

Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно, уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,
И новый успел народиться!
Откинув циновку, гляжу я вперед —
По-прежнему вьюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!
Своя у меня роковая тоска,
И с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
«Зимовка тут есть недалёко, —
Сказал он: — рассвета дождемся мы в ней!»

воротить — возратить
позволение — разрешенье
ни зги не видать — pilkane pimedus
грядá — madalate mägede ahelik
бугор — lumehang

шарахаться — kõrvale hüppama
шарахнуть*
рогожа — rogusk
пружинка — vedru
цинóвка — niinmatt
скорбь — глúбóкая грусть

Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла...
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Метель всё ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил
И с помощью пасынка Феи
Огромных два камня к дверям привалил.
«Зачем?» — Одолели медведи!

Потом он улёгся на голом полу,
Всё скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала... лёжа в углу
На мёрзлой и жёсткой рогожке...
Сначала весёлые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, задравные чаши,
И шумные речи, и ласки... кругом
Всё милое, всё дорогое —
Но где же Сергей?.. И, подумав о нём,
Забыла я всё остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
«Не надо, родная! Бог вас защитит,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы, по мере пути,
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою —
И темно, и страшная скука.
Что делать? Стихи вспоминаю, пою, —
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет
И путь мой заносят метели,
А всё-таки я подвигаюсь вперёд!
Так ехала я три недели...

убогий — vaene, armetu
ночник — ночная лампа
пасынок — vobraspoeg

одолевать — jagu saama
одоле́ть*
продрогший — küلمانud
(за)реветь — undama

Однажды, заслы́шав какой-то содо́м,
Цино́вку мою я откры́ла,
Взгляну́ла: мы едем обши́рным село́м,
Мне сразу глаза́ ослепило:
Пыла́ли костры́ по доро́ге моей...
Тут были крестья́не, крестья́нки,
Солда́ты — и целый табун лошаде́й...
«Здесь станция: ждут серебря́нки»,
Сказа́л мой ямщи́к: «мы увидим её,
Она, чай, идёт недалече...»

Сибирь высылала бога́тство своё,
Я рада была этой встрече:
«Дожду́сь серебря́нки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.
При ней офице́р, из Нерчи́нска их путь...»
В харче́вне сижу́, поджида́ю...
Вошёл молодой офице́р; он кури́л,
Он мне не кивну́л голово́ю,
Он как-то надме́нно глядел и ходи́л,
И вот я сказала с тоско́ю:
«Вы видели, верно... изве́стно ли вам
Те... жертвы дека́брьского дела...
Здоровы они? Каково́-то им там?
О муже я знать бы хоте́ла...»
Наха́льно ко мне поверну́л он лицо́, —
Черты были злы и суро́вы, —
И, выпустив изо́ рта дыму́ кольцо́,
Сказал: «Несомне́нно здоровы,
Но я их не знаю — и знать не хочú,
Я мало ли каторжных видел!...»
Как больно мне было, родные! Молчу́...
Несча́стный! меня же оби́дел!...
Я бросила только презри́тельный взгляд,
С досто́инством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солда́т,
Прокля́тье моё он услы́шал
И доброе слово — не варварский смех —
Нашёл в своём сердце солда́тском:
«Здоровы! — сказал он: — я видел их всех,
Живу́т в руднике́ Благода́тском!...»
Но тут возврати́лся надме́нный геро́й,
Поспéшно ушла я в кибитку.

содо́м — здесь: шум
табу́н лошаде́й — hobusekari
серебря́нка — обоз с серебром
наха́льно — ülbelt

каторжный — sunnitõoline
презри́тельный — põlastav
варварский — barbaarne

Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Недаром я вынесла пытку!

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молэбен служить попросила...
Всё было спокойно — толпа не ушла...
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слёз
Упали на жёсткие плиты!
Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прося об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нём плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе не обидно...

(Отец Иоанн, что молэбен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породнился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали...
Байкал. Переправа — и холод такой,
Что слёзы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мне жаль её было: я плакала в ней
И думала, думала много!

убогий — бедный
плита — kiviplaat
молящийся — тот, кто молится

непритворно — искренне
каземат — тюрьма
терзать — мучить

Дорога без снега — в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива ни мертва,
Я прелесть телеги узнала.
Узнала и голод на этом пути, —
К несчастью, мне не сказали,
Что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.
Говядину вялят на солнце они
Да греются чаем кирпичным,
И тот ещё с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!
Зато под Нерчинском мне задали бал:
Какой-то купец тароватый
В Иркутске заметил меня, обогнал
И в честь мою праздник богатый
Устроил... Спасибо! я рада была
И вкусным пельмёням и бане...
А праздник, как мёртвая, весь проспала
В гостиной его на диване...

Не знала я, что вперёд меня ждёт!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам, — Трубецкая идёт!
«Догнала тебя, я догнала!»
— Они в Благодатске! — Я бросилась к ней,
Счастливые слёзы роняя...
В двенадцати только верстах мой Сергей,
И Катя со мной Трубецкая!

Глава VI.

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне нежданно друга,
Тот нашу взаимную радость поймёт...
— Устала, устала я, Маша!
«Не плачь, моя бедная Катя! Спасёт
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твоё счастье умчал,
В котором моё потонуло.

вялить — kuivatama
тароватый — lahke

жребий — судьба
поток — река, ручей

Пойдём же мы об руку трудным путём,
Как шли зеленёющим лугом,
И обе достойно свой крест понесём,
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? Подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Немного!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранных богов!
Найдём мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешением,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страдание осилим терпением.
Опораю гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной! . .
Чиста наша жертва, — мы всё отдаём
Избранныкам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала с собой воевать —
День ясный, морозный и тихий.
Снега под Нерчинском явились опять,
В санях покатали мы лихо...
О ссыльных рассказывал русский ямщик
(Он знал их фамилии даже):
«На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку;
Двугривенный дали — я брать не хотел;
— Возьми, паренёк, пригодится...»

Болтая, он живо в село прилетел.
«Ну, барыни! где становиться?»
— Вези нас к начальнику, прямо в острог.
«Эй, други, не дайте в обиду!»
Начальник был тучен и, кажется, строг,
Спросил: по какому мы виду?
«В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали...»

тщеславье — auahpus
скорбный — печальный
палач — timukas

опора — tugi
обет — tbotus
тучный (тучен) — полный, толстый

— Застряла, застряла, голубушка, там!
«Вот копия, нам её дали...»
— Что копия? с ней попадётся впросак!
«Вот царское вам позволенье!»
Не знал по-французски упрямый чудак,
Не верил нам, — смех и мученье!
«Вы видите подпись царя: Никола́й?»
До подписи нет ему дела,
Ему из Нерчинска бума́гу пода́й!
Поехать за ней я хоте́ла,
Но он объявил, что отпра́вится сам
И к утру бума́гу добу́дет.

«Да точно ли?..» — Честное слово! А вам
Полезнее выспаться будет!..

И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнем утре мечта́я;
С оконцем из слюды, низка́, без трубы,
Была наша хата така́я,
Что я голово́ю касалась стены́,
А в дверь упиралась нога́ми;
Но мелочи эти нам были смешны́,
Не то уж случалось с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла́
И самые трудные му́ки...

Просну́лась я рано, а Катя спала́.
Прошла́ по дере́вне от скуки:
Избу́шки такие ж, как наши, число́м
До сотни, в овра́ге торча́ли,
А вот и кирпи́чный с решётками дом!
При нём часовые стоя́ли.
— Не здесь ли престу́пники? — «Здесь, да ушли́».
— Куда? — «На рабо́ту вестимо!»
Какие-то дети меня повели́...
Бежа́ли мы все — нестерпи́мо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шёл тут неда́вно!
— Вы видите их? — я спроси́ла детей.
«Да, видим! Пою́т они славно!
Вон дверца... гляди́ же! Пойде́м мы теперь,
Проща́й!..» Убежа́ли ребята...

И словно под землю ведущую дверь
 Увидела я — и солдата.
 Сурово смотрел часово́й, — наголо
 В руке его сабля сверкала.
 Не золото, внуки, и здесь помогло,
 Хоть золото я предлагала!
 Быть может, вам хочется дальше читать,
 Да просится слово из груди!
 Помедлим немно́го. Хочу я сказа́ть
 Спасибо вам, русские люди!
 В доро́ге, в изгна́нии, где я ни была,
 Всё трудное каторги время,
 Наро́д! я бодрее с тобою несла
 Моё непосильное бремя.
 Пусть много скорбе́й тебе пало на часть,
 Ты делишь чужие печа́ли,
 И где мои слёзы гото́вы упасть,
 Твои уж давно́ там упали! . .
 Ты любишь несчастного, русский наро́д!
 Страда́ния нас породни́ли. . .
 «Вас в каторге самый зако́н не спасёт!»
 На родине мне говорили;
 Но добрых людей я встреча́ла и там,
 На крайней ступе́ни паде́нья,
 Уме́ли по-своему выразить нам
 Престу́пники дань уваже́нья;
 Меня́ с неразлу́чною Катей моёй
 Дово́льной улыбкой встреча́ли:
 «Вы — ангелы наши!» За наших муже́й
 Уро́ки они исполняли.
 Не раз мне укра́дкой дава́л из по́лы
 Карто́фель коло́дник клейме́нный.
 «Покушай! горя́чий, сейча́с из зо́лы!»
 Хоро́ш был карто́фель печёный,
 Но грудь и тепе́рь заныва́ет с тоски́,
 Когда я о нём воспомина́ю. . .
 Примите мой низкий покло́н, бедняки́!
 Спасибо вам всем посыла́ю!
 Спасибо! . . Счита́ли свой труд ни во что́
 Для нас эти люди простые́,

наголо — paljastatult
 непосильный — очень тяжёлый, не по
 силам
 бремя — тяжесть, трудность
 ступе́нь — aste
 по́ла — hõlm

укра́дкой — vargsi
 коло́дник — vang
 клейме́нный — tembeldatud, hõbimär-
 gistatud
 зо́ла — tuhk

Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные! . .

Рыдánьям моим часовóй уступíл,
Как бога его я просíла!
Светíльник (род факела) он засветíл,
В какой-то подвáл я вступíла
И долго спуска́лась всё ниже; потóм
Пошла́ я глухíм коридóром,
Усту́пами шёл он; темно́ было в нём
И душно; где плесень узóром
Лежа́ла, где тихо струй́лась вода́
И лужами книзу стека́ла.
Я слышала шорох; земля́ иногда́
Комка́ми со стéн упадáла;
Я видела страшные ямы в стéнах;
Казáлось, такие ж доро́ги
От них начина́лись. Забы́ла я страх,
Провóрно несли́ меня ноги!

И вдруг я услы́шала крики: «Куда́,
Куда вы? Убíться хотíte?
Ходíte не позво́лено дамам туда́!
Вернётесь скорéй! Погодíte!»
Бедá моя! видно, дежу́рный пришёл
(Его часовóй так боя́лся),
Крича́л он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шаго́в приближа́лся. . .
Что делать? Я факел задúла. Вперёд
Впотьма́х наугáд побежа́ла. . .
Господь, коли хочет, вездé проведёт!
Не знаю, как я не упáла,
Как голову́ я не оста́вила там!
Судьба́ берегла́ меня. Мимо
Ужасных рассéлин, прова́лов и ям
Бог вывел меня невредíмо:
Я скоро уви́дела свет впередí,
Там звёздочка словно светíлась. . .
И вылетел радостный крик из груди́:
«Ого́нь!» Я крестóм осенíлась. . .
Я бросила шубу. . . Бегу́ на огонь, —
Как бог уберёт во мне душу!
Попáвший в тряси́ну испуганный конь
Так рвётся, завидевши сушу. . .

горечь (ж. р.) — kibedus
плесень (ж. р.) — hallitus
рассéлина — lõhestik

осенить крестóм (перекреститься) —
risti ette lõõma
тряси́на (болóто) — õõtsik

И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенье:
Какая-то площадь... и тени за ней..
Чу... молот! работа, движенье...
Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчётливей стали...
Вот ближе, сильней замелькали огни.
Должно быть, меня увидали...
И кто-то, стоявший на самом краю,
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!» — Ведь мы не в
раю.

Проклятая шахта похóжей
На ад! — говорили другие, смеясь,
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.
«Волконская!» — вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу, я поднялась стрелой!
Все люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенский...¹
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слёзы текли
По лицам их, полным участья...
Но где же Сергей мой? «За ним уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончается урок: по три пуда руды
Мы в день достаём для России,
Как видите, нас не убили труды!»
Весёлые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них,
Что их закуют — я не знала)...
Известьем о Кате, о милой жене,
Утешила я Трубецкого;

дерзость (ж. р.) — *julgemine, soan-*
damine
оковы — *ahelad*

¹ Перечислены декабристы: Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860), Муравьев Артамон Захарович (1794—1846), Борисовы Андрей Иванович (1798—1854) и Пётр Иванович (1800—1854), Оболенский Евгений Петрович (1796—1868).

Все письма, по счастью, были при мне,
С привётом из края родного.
Спешила я их передать. Между тем
Внизú офицер горячился:
«Кто лестницу принял? Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово моё,
Убьётесть!.. Эй, лестницу, черти!
Живей!.. (Но никто не подставил её...)
Убьётесть, убьётесть до смерти!
Извольте спуститься! да что ж вы?..» Но мы
Всё вглубь уходили... Отвсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь вперёд,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни — работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с ношею узник шагал по бревну,
Невнятно кричала я: «Тише!»
Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше
По шатким подпоркам... Какие труды!
Какая отвага!.. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрю дань обещали...

Вдруг кто-то воскликнул:

«Идёт он! идёт!»

Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперёд, —
Канавы были перед нами.
«Потше, потше! Ужели затем
Вы тысячи вёрст пролетели»,
Сказал Трубецкой, «чтоб на горе нам всем
В канаве погибнуть — у цели?»
И за руку крепко меня он держал:
«Что б было, когда б вы упали?»

карабкаться — лезть
шаткий — неустойчивый, качающийся
подпорка — tugi

Сергей торопился, но тихо шагал,
Оковы уныло звучали.
Да, цепи! Палач не забыл ничего
(О, мстительный трус и мучитель!),
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним раступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простёр ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдаль...
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слёзы текли,
Простёртые руки дрожали...

Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком: «Иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я побежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковым,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моём,
Вполне поняла его муки.
Он много страдал, и умел он страдать!
Невольно пред ним я склонилась
Колени — и, прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи, — в мгновенье
И говор и грохот работ замолчал,
И замерло словно движенье,
Чужие, свои — со слезами в глазах,
Взволнованы, бледны, суровы,
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,

мстительный — kättemaksuhimuline
простёртый — väljasirutatud
угроза — ähvardus

зияющий (раскрытый, обнаруживаю-
щий глубину) — haigutav
испитой (истощенный) — kurnatud

И в воздухе поднятый молот застыл...
Всё тихо — ни песни, ни речи...
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь и счастье встречи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.
«Да где же вы все запропали?» —
Вдруг снизу донёсся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
«Уйдите! — сказал со слезами старик: —
Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники — люди крутые...»
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родные!
По-русски меня офицер обругал,
Внизú ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
«Увидимся, Маша, — в остроге!...»

неистовый — необычайно сильный

НА ВОЛГЕ.

Некрасов бывал в Гермáнии, в Итáлии, во Франци и видел немало красíвейших рек, но больше всех рек на свете он любил свою родную Волгу, на берега́х которой прошло его детство. С любовью говорил он о ней:

Благословéнная река,
Корми́лица народа!

Поэту редко удавалось вырваться к любимой реке. В стихотворении «На Волге» он рассказывает, как однажды после долгой разлу́ки ему посчастливилось снова увидеть её. Но радость его была коротка́: вдруг невдалекé, на берегу, он заметил толпу бурлако́в; шага́я, по берегу, они тащи́ли за собо́й на бечевé тяжело́ гружённые суда́ и баржи.

Пароходов в те времена́ ещё не было. Суда́ могли плыть только вниз по течéнию, а против течéния, вверх по реке́, их чаще всего волокли́ бурлаки.

Работа у бурлако́в была очень тяжёлая. Сгибáясь под ляжкой, они стона́ли от нату́ги и боли. В бурлаки шли самые бедные, безземéльные, бездо́мные крестьяне, которые ни в деревне, ни в городе не могли найти другой работы.

О Волга! после многих лет
Я вновь принёс тебе привёт.
Уж я не тот, но ты светла́
И велича́ва, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
Всё тот же виден монасты́рь
На острову́, среди песко́в,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслы́шав звон колоколо́в.

.

благословéнный — õnnistatud
корми́лица — toitja
вырыва́ться — siin: pääsema, end
lahti rebima
вырваться*
бурла́к — burlakk, lodjavedaja
разлу́ка — lahusolek
бечевá — kõis, tugev nõõr
гружённый — laaditud
судно, мн. ч.: суда́ — laev, laevad
баржа — pargas, lodi, praam
воло́чь (тащи́ть) — rebima, tirima,
tassima

сгибáться — küüru jääma
согнуться*
ляжка — rakme- või rinnarihm
стона́ть — oigama
нату́га — pingutus
бездо́мный — kodutu
велича́вый — suursugune
даль — kaugus
ширь — avatus
монасты́рь — klooster
трепет — värin, judin
ощущáть — tundma, meelestama
ощутить*

Уж скоро полдень. Жар такой,
 Что на песке горят следы,
 Рыбáлки дремлют над водо́й,
 Усёвшись в плотные ряды;
 Ку́ют кузнéчики, с лугóв
 Несётся крик перепелóв.

В каких-то розовых мечтáх
 Я позабýлся. Сон и зной
 Уже царили надо мной.

Но вдруг я стоны услыхáл,
 И взор мой на берег упал.
 Почти пригну́вшись голово́й
 К ногам, обв́итым бечевóй,
 Обутым в лапти, вдоль рекí,
 Ползлí гурьбóю бурлакí.
 И был невыносíмо дик
 И страшно ясен в тишинé
 Их мерный похорóнный крик —
 И сердце дрогнуло во мне.

О Волга! . . . колыбéль моя!
 Любил ли кто тебя, как я?
 Один, по утренним зар́ям,
 Когда ещё всё в мире спит
 И а́лый блеск едва скользя́т
 По тёмно-голубым волна́м,
 Я убегал к родной рекé.
 Иду на помощь к рыбака́м,
 Катаюсь с ними в челнокé,
 Брожу с ружьём по островáм,
 То, как играющий зверёк,
 С вы́сокой кручи на песóк
 Скачýсь, то берегом рекí

плóтный — tihe
 (за)ковáть — siin: siristama
 кузнéчик — rohutirts
 перепёл — põldvutt
 позабýться — unustusehõlma langema
 зной (жарá) — kuumus
 царíть (царствовать) — valitsema
 стон — oie
 обвивáть что? чем? — ümber riputama,
 põimima
 обвить*
 обувать — jalga panema
 обувь*

лапти — viisud
 гурьбá — rühm, jõuk
 дикий (дик) — metsik
 ясный (ясен) — selge
 мерный (ритмичный) — rütmiline,
 ühetasane
 похорóнный — matuse-
 колыбéль — häll
 зар́я — koit
 а́лый — ярко-красный
 челнок — лодка
 круча — järsak

Бегу́, броса́я камешки,
 И песню́ громкую́ пою́
 Про уда́ль раннюю́ мою́...
 Тогда́ я думать был го́тов,
 Что не уйду́ я никогда́
 С песча́ных этих берего́в.
 И не ушёл бы никуда́ —
 Когда́ б, о Волга! над тобо́й
 Не раздава́лся этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
 Его услышав в первый раз,
 Я был испуган, оглушён,
 Я знать хотел, что значит он, —
 И долго берегом реки
 Бежал. Устали бурлаки,
 Котёл с расшивы принесли,
 Уселись, развели костёр,
 И меж собою повели

камешек (маленький камень) — kivi- \ оглушённый (оглушён) — pōrutatud,
 ke kurdiks tehtud
 уда́ль — uljus
 вой — ulgumine
 расшива — большое парусное судно

Неторопливый разговор.
 — Когда-то в Нижний попадём? —
 Один сказал: — Когда б попасть
 Хоть на Илью... — «Авось, придём, —
 Другой, с болезненным лицом,
 Ему ответил: — Эх, напасть!
 Когда бы зажило плечо,
 Тянул бы лямку, как медведь,
 А кабы к утру умереть —
 Так лучше было бы ещё...»
 Он замолчал и навзничь лёг.
 Я этих слов понять не мог,
 Но тот, который их сказал,
 Угрюмый, тихий и больной,
 С тех пор меня не покидал!
 Он и теперь передо мной:
 Лохмотья жалкой нищеты,
 Изнеможенные черты
 И выражающий укор
 Спокойно-безнадёжный взор...
 Без шапки, бледный, чуть живой,
 Лишь поздно вечером домой
 Я воротился. Кто тут был —
 У всех ответа я спросил
 На то, что видел, и во сне
 О том, что рассказали мне,
 Я бредил. Няню испугал:
 «Сиди, родименький, сиди!
 Гулять сегодня не ходи!»
 Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?
 Я не узнал реки родной:
 С трудом ступает на песок
 Моя нога: он так глубок;
 Уж не манит на острова

Нижний — Нижний Новгород, те-
 перь город Горький
 Илья — двадцатое июля старого
 стиля
 авось — может быть
 напасть — беда, несчастье, несчаст-
 ный случай
 заживать — рагапета
 зажить*
 кабы — если бы
 навзничь — вверх лицом, на спину
 угрюмый — суровый, неприветливый,
 мрачный

лохмотья — изорванная одежда
 жалкий — vilets, haletsemisväärne
 нищета — viletsus, kehvus, vaesus
 изнеможенный — kurnatud
 укор — etteheide
 безнадёжный — lootusetu
 воротиться — вернуться
 бредить — сонима
 родименький — родимый, родной
 бог весть (бог знает) — jumal teab
 (за)манить — meelitama

Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкаю полн!
О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки
И в первый раз её назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Создав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пусть умрёт в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

прибрежный — kaldaäärne
зловещий — kurjaennustav
пронзительный (пронзителен) — läbi-
lõikav
рабство — orjarõli

замышлять (задумать) — sepitsema,
kavatsema
замыслить *
клятва — vanne
осмеивать — välja naerma
осмеять *

Картина И. Е. Репина «Бурлаки».

ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧ РЕПИН.

(1844—1930)

«БУРЛАКИ».

В одной из первых своих картин «Бурлаки» Репин осудил существующий строй, — он показал грубейшую эксплуатацию человека человеком.

Однажды утром Репин со своим другом Савицким отправился на прогулку на пароходе вверх по Неве. Илья Ефимович был в хорошем настроении. По берегу реки гуляли нарядно одетые девушки. Но вдруг Репин заметил вдали движущееся «коричневое пятно», тянувшее за собой барку. Это были бурлаки. Репин присмотрелся к ним и увидел угрюмые, потные лица, грязную, обрванную одежду, жилистые загорелые руки...

Илья Ефимович был поражён контрастом между бурлаками и людьми, беспечно гулявшими по берегу. С этого дня он не мог отделаться от образа бурлаков. Он поставил себе задачу изобразить их на полотне. Сперва ему захотелось изобразить, как «чёрная рука» поднимает бечеву, чтобы дать дорогу нарядным девушкам.

Для написания бурлаков в 1870 году, в сопровождении двух художников — Макарова и Васильева — Репин поехал на Волгу, где, как ему сказали, можно встретить «настоящий традиционный тип бурлака».

Репин со своими товарищами решил остановиться в Ширяеве. Здесь он стал сначала приглядываться к партиям бурлаков, изучая их характеры, а затем делая альбомные зарисовки. После долгих наблюдений ему встречается замечательный тип

✓ осуждать кого? что? — hukka mõista
та

осудить *

✓ строй — giigikord

✓ коричневый — pruun

✓ барка — pargas, lodi, praam

✓ угрюмый — morn

✓ потный — higine

✓ жилистый — sooneline

✓ поражать кого? чем? — rabama

поразить *

беспечно (беззаботно) — muretult

полотно (картина) — lõuend

зарисовка — visand

бурлака — Кáнин, нарисова́в которого Репин смог «запечатлеть са́мую сущность этого неслы́ханного и жуткого явлéния».

Репин так говорил о Канине: «Боже, как давно повязана у него тряпицей голова, как закурчавились волосы на шее, и, главное, цвет лица». «Что-то в нём восточное, древнее». «Была в его лице особая незлобивость человека, стоящего неизмеримо выше своей среды». «А вот глаза, глаза! Какая глубина взгляда, приподнятого к бровям, тоже стремящимся на лоб. А лоб — большой, умный, интеллигентный лоб; это не проста́к. Рубаха без пояса, и порты обтрепались у босых чёрных ног». Репину удалось написать Канина в лямке, привязанной к барке. Илья Ефимович решил поставить его вперёд бурлаков, возглавляя им шествие этих измученных людей.)

Работа над «Бурлаками» всецело поглотила Репина.

В 1871 и 1872 годах Репин работал над «Бурлаками»; он многое менял, постепенно улучшал картину. «Так, например, он уничтожил горы, тянувшиеся у него вначале длинной зеленоватосерой грядой по ту сторону Волги, — и сделал чудесно. Картина бесконечно выиграла. Теперь чувствуешь чудную ширь и раздолье, взглянув на эту Волгу, разлившуюся безбрежно во все края» (Стасов).

В 1873 году картина была закончена. По берегу Волги идёт, как покорное стадо, ватага из одиннадцати бурлаков. Впереди выступают два «коренных» бурлака с бронзовой от солнца грудью, включенными волосами и повисшими словно плети руками. За ними третий «богатырь», похожий на индейца, в лохмотьях, с волосами, повязанными тряпкой. Дальше, стараясь поменьше везти, идёт высокий, жилистый отставной солдат; за ним — больной, иссохший старик старается набить трубку из кисета. Рядом мальчик в розовой рубашке, с сердитым взглядом. За ним солдат в сапогах и в жилёте с единственной пуго-

запечатлѣвать — jäädvustama
запечатлеть *
сущность — olemus
жуткий — õidne, jube
тряпица (тряпка) — lapp, kalts
(за)курчавиться — lokki minema
незлобивость (добродушие) — hea-
südamlikkus, leebus
неизмеримо (во много раз) — mää-
ratult rohkem
средá — keskkond
порты — püksid
шествие — rongkäik
всецело (полностью) — täielikult
поглощать (т/щ) — haarama, nee-
lama
поглотить *

грядá — reastik, ahel
ширь (широта, простор) — avarus
раздолье (простор) — avarus
разливаясь — üle kallaste tõusma,
laiuma
разлиться *
безбрежно (не имеющий берегов) —
ääretult
покорный — alandlik
ватага (толпа, артель) — salk, trobi-
kond
коренной — aisahobune, peamine
включенный (лохматый) — sassis
отставной солдат — erusoldat
кисет — tubakakott

вицей. За солдатом — бродячий грек, беспокойно озирающийся вокруг. Шестые замыкает лапотник, опустивший голову на грудь, отставший от своих товарищей.

Репин сумел показать характер, всё существо бурлака. Возьмём, например, Канина. По выражению его глаз, по высокому лбу видно, что это умный и честный человек. Он изо всех сил тянет бечеву, стараясь везти как можно больше, чтобы помочь своим товарищам.

Репин доказывает, что бурлаки прежде всего люди, имеющие свои переживания и стремления, что они как и весь народ, должны иметь право на жизнь, что на них нельзя смотреть, как на покорную и дешёвую рабочую силу и нельзя сравнить с рабочим скотом. Репин выступает против непосильного бурлацкого труда и выражает своё доброжелательное отношение к бурлакам.

Репин показал реальную жизнь. Применение труда бурлаков было распространено почти во всех больших реках. В своей картине Репин изобразил типическую для того времени ватагу бурлаков. Но бурлаки его различны. Одни из них (Канин, «индеец») полны энергии и тянут барку в полную силу, — другие же (старик, стоящий пятым, лапотник) разочаровались в жизни, не верят в своё будущее и идут, опустив голову вниз. Некрасов как бы выражает их мысли, приводя слова бурлака: «А кабы к утру умереть — так лучше было бы ещё...» (Из стихотворения «На Волге».) Этим Некрасов, так же как и Репин, бросает вызов существующему строю.

Некрасов посвятил бурлакам несколько стихотворений. В них он подмечает общие черты бурлаков. В стихотворении «На Волге» он пишет:

Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки.

Некрасов показал «покорного», «сумрачного» бурлака, не протестующего против своей доли. С сочувствием Некрасов говорит о жизни бурлака, сравнивая её с жизнью узника в цепях.

грек (гречанка) — kreeklane
озираться — ümber vaatama
лапотник (тот, кто ходит в лап-
тях) — viisukandja
переживание — elamus
стремление — püüdlus
скот — kariloomad
непосильный (не по силам) — очень
тяжёлый

применение — kasutamise, rakenda-
mine
вызов — väljakutse
обвинять что? чем? — ümber pünima,
rõimima
обвить *
сумрачный (угрюмый, неприветли-
вый) — morn
доля (судьба) — saatus
узник — vang

В другом стихотворении («Бурлак» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо») показан бурлак, который после того, как «плеча́ми, грудью и спиной» «до места барку дотяну́л», «зашёл в каба́к и молча кинул на верста́к трудом добы́тые гроши́».

Передовая часть общества приняла картину Ильи Ефимови́ча Репина восторженно, а консервато́ры ополчи́лись против неё. Успех картины был ошеломляющим. Репин сам говорил, что «с «Бурлаков» нача́лась моя слава по Руси великой».

каба́к — kõrts
верста́к — siin: lett
восторженно — vaimustatult

ополча́ться *против кого?* — vaenuja-
lale asuma
ополчи́ться *
ошеломляющий — gabav

СОДЕРЖАНИЕ.

Александр Сергеевич Пушкин.

I. Повесть о Пушкине. <i>По В. Воеводину</i>	3
II. Стихотворения:	
В Сибирь	26
Ответ Пушкину. <i>А. И. Одоевский</i>	27
Арион	28
И. И. Пущину	29
Я вас любил	29
Зимний вечер	30
III. Роман в стихах «Евгений Онегин»	31
Глава первая	31
Глава вторая	36
Глава третья	41
Глава четвёртая	49
Глава пятая	52
Глава шестая	61
Глава седьмая	66
Глава восьмая	75
IV. Повести Белкина	
Метель	85

Михаил Юрьевич Лермонтов.

I. Из жизни Лермонтова. <i>По Г. К. Бочарову</i>	97
II. Стихотворения:	
1. Беглец	108
2. Сосна	113
3. Утёс	114
4. Три пальмы	114
III. Герой нашего времени	
Тамань	117

Иван Сергеевич Тургенев.

I. Записки охотника	
Живые мощи	128

Николай Гаврилович Чернышевский.

I. Роман «Что делать?»	
Особенный человек	141

Николай Алексеевич Некрасов.

I. Рассказ о жизни Н. А. Некрасова. <i>По Г. К. Бочарову</i>	154
II. Поэма Н. А. Некрасова «Русские женщины»	160
Княгиня М. Н. Волконская	163
III. Стихотворение «На Волге»	202
IV. Илья Ефимович Репин	208

Пентре Наталья Васильевна
МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЧТЕНИЯ
для X класса
На русском и эстонском языках

Обложка Л. Круусмаа

Эстонское Государственное Издательство
Таллин, Пярнуское шоссе, 10

*

Toimetaja N. Lassmann
Kunstiline toimetaja H. Keigo
Tehniline toimetaja I. Vahtre
Korrektor N. Kruglova

Ladumisele antud 2. XI 1962. Trükkimisele antud
19. XII 1962. Paber 60×90, 1/16. Trükipoognaid 13,5.
Arvestuspoognaid 12,63. Trükiarv 4500. Tellimise
nr. 8978. Hans Heidemanni nimeline trükikoda,
Tartu, Ülikooli 17/19. II

Hind 24 kop.

24 коп.

A XIV

A-20134

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00607915 8